ISSN 0130—8009

ПИОНЕР

6'90

ПИОНЕР

Выходит с 15 марта 1924 г.

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

Москва, 1990
Издательство «Правда»

6

ЧИТАЙ В ИЮНЕ

Не переживай, Ротшильд! С. 22.

Что же тогда делать? С. 31.

С. 55.

1 ИЮНЯ — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

Почему детей нужно защищать в специально придуманный для этого день? А что делать в остальные дни? И потом, от кого защищать, кто должен — одни лишь взрослые, или дети тоже?

Мы решили не ломать голову над хитрыми этими вопросами, а пригласили в гости чешского поэта Людвика АШКЕНАЗИ,— пусть он и объясняет, что к чему. Но пан Людвик не стал ничего растолковывать, а вынул из шкатулки фотографию и рассказал правдивую историю про одну маленькую смешную девочку...

Сотворение мира

Была одна девочка,
совсем еще
маленькая,
и эта девочка
сильно плакала.
Вы уж меня извините,
сидела на горшочке и
горько-прегорько
плакала.
Звали ее Ева. Ладно?
Прошло полтора часа,
и никто не знал,
почему она плачет.
— Ева,— говорю,—
дай мне немножечко
твоих слезок,
я их спрячу
в маленькую
черную шкатулку.
Девочке
это понравилось.
Она мне их наплакала
целую чашечку,
потом перестала
и говорит:
— Мама мне сказала,
что я тоже буду мама.
И у меня будет
мальчик,
кудрявенький
такой, хороший,
и еще девочка —
толстушка
и хохотушка.
И теперь я боюсь:
а вдруг с ними
что-нибудь
случится?!
И оттого плачу.
Дядя Людвик, давай
мы с тобой сами
сделаем такой мир,
чтобы в нем
никто не боялся!
Мы принялись
за работу
и сделали его.
На славу мир удался.
Он был
из пластилина,
весь красный.
Снаружи и внутри.
Вулканов мы делать
не стали,
про границы забыли,
казармы у нас
не поместились,
для тюрем места
тоже не осталось.
Мир этот Ева взяла
с собой в постельку,
а я пошел домой
и включил
последние известия.

Начиная с этого номера, вход на страницы «Пионера» — только через разминочную. Кто лучше и раньше всех ответит всего на четыре простеньких вопроса — получит главный приз номера.

Еще трое из тех, кто поднимет руку на мгновение позже и ответит чуть тише, получат интересные книги.

Редакция понимает, что наш читатель легко справится с любыми вопросами. А это может вызвать большую давку при получении приза.

Поэтому предупреждаем по-хорошему: в дружной компании хорошо размявшихся имена абсолютного победителя и призеров назовет жребий.

Еще одно важное условие: вы должны закончить разминку не позже 15 июля.

На конвертах не забудьте указать девиз: «РАЗМИНКА».

Ровно через двенадцать месяцев, по итогам всех прошедших туров, мы определим Абсолютного Чемпиона и Круглого Отличника «Пионер»ской разминки. Его ждут заслуженные награды: сундук пиастров, орден Семи Пядей и Самый Главный приз «Пионера».

Разминаясь, постарайтесь не разминуться со своей удачей!

Итак, сосредоточились, глубоко вздохнули, встряхнули кистями рук... НАЧАЛИ!

РАЗМИНКА

Первую в истории журнала разминку проводит бывший капитан популярной телевизионной викторины «Что? Где? Когда?» БОРИС ЕРЕМИН.

ЕРЕМИН: Все приготовились? Тогда для начала — четыре совсем легких вопроса.

ПЕРВЫЙ:
Понедельник, вторник, среда и т. д. Раньше такие семь дней назывались «седмица». Позже на смену «седмице» пришла «неделя». Но почему именно «неделя»? И каким образом?

ВТОРОЙ:
Что общего между выражениями «раскусить человека» и «знать назубок»?

ТРЕТИЙ:
Многие из вас читали баллады Жуковского, Байрона, Шиллера. Они, как правило, вызывают лирическое настроение или размышления о героических поступках. А что бы стали делать, услышав балладу, скажем, несколько столетий назад?

ЧЕТВЕРТЫЙ:
Интерес к творчеству этого композитора возник лишь спустя сто лет после его смерти, и музыканты всего мира были очарованы музыкой того, кто, казалось бы, уже просто забыт. «Не ручей! Море должно быть ему имя»,— сказал о нем великий Бетховен. Кто это? И при чем тут ручей?

Вопросы понятны? Тогда — вперед!

В новом журнальном разделе ты прочитаешь отрывки из книг, чьи названия известны сегодня всей стране. И хоть написаны они для взрослого человека, мы не думаем, что все в них будет тебе непонятно.

Читай. Думай. Разбирайся. Словом, трудись. А как иначе? Ведь все на свете имеет свою цену, и если речь идет о нелегкой судьбе Отчизны, о любви к родной стране, то эта цена — труд твоей души.

Не удовлетворишься отрывком — прочитай книгу полностью, мы сообщим, где, в каком издании она напечатана.

«Пионер» собирается познакомить тебя с разными произведениями. Одни из них написаны только что, другие вернулись к людям, прорвав глухие заросли травы забвения, рассеянной когда-то недобрыми руками. Возвращаются имена писателей, составляющих совесть и гордость своего народа.

Один из них — Александр Исаевич Солженицын. Отрывками из его романа «В круге первом» мы и начинаем раздел.

А. СОЛЖЕНИЦЫН

ИЗ РОМАНА «В КРУГЕ ПЕРВОМ»*

«...Сталин в кителе с золочеными пуговицами, с несколькими рядами орденских колодок, но без погонов, писал за столом. Он дописал фразу, только потом поднял голову, совино-зловеще посмотрел на вошедшего... Он всегда так сидел и писал, сколько ни входил Абакумов. Можно было подумать — он никогда не спал и не уходил с этого места, а постоянно писал с той внушительностью и ответственностью, когда каждое слово, стекая с пера, сразу роняется в историю. Настольная лампа бросала свет на бумаги, верхний же свет от скрытых светильников был небольшой. Сталин не все время писал, он отклонялся, то скашивался в сторону, в пол, то взглядывал недобро на Абакумова, как будто прислушиваясь к чему-то, хотя ни звука не было в комнате.

...Наконец Сталин очень сурово посмотрел на Абакумова и тычком трубки в воздухе указал ему, куда сегодня сесть.

Абакумов радостно встрепенулся, легко прошел и сел — но не на все сиденье, а на переднюю только часть его. Так было ему совсем не удобно, зато легче привстать, когда понадобится.

— Ну? — буркнул Сталин в свои бумаги...

...Абакумов горько вздохнул.

— Я бы рад вам сказать, товарищ Сталин, что ДЕЛ по террору нет. Но они есть. Мы обезвреживаем их даже... ну, в самых неожиданных местах.

Сталин прикрыл один глаз, а в другом видно было удовлетворение:

— Это — харашё! — кивнул он.— Значит, работаете.

— Причем, товарищ Сталин! — Абакумову все-таки невыносимо было сидеть перед сидящим Вождем, и он привстал, не распрямляя колен полностью (а уж на высоких каблуках он никогда сюда не являлся).— Всем этим делам мы не даем созреть до прямой подготовки. Мы их прихватываем на замысле! на намерении! через девятнадцатый пункт!

— Харашё, харашё,— Сталин успокоительным жестом усадил Абакумова (еще б такая туша возвышалась над ним).— Значит, ты считайшь — нэ-довольные еще есть в народе?

Абакумов опять вздохнул.

— Да, товарищ Сталин. Еще некоторый процент...

(Хорош бы он был, сказав, что — нет! Зачем тогда его фирма?..)

— Верно ты говоришь,— задушевно сказал Сталин. В голосе его был перевес хрипов и шорохов над звонкими звуками.— Значит, ты — можишь работать в госбезопасности. А вот мнэ говорят — нэт больше нэдовольных, все, кто голосуют на выборах ЗА — всэ довольны. А? — Сталин усмехнулся.— Палитическая слепота! Враг притаился, голосует за, а он — нэ доволен! Процентов пять, а? Или, может,— восемь?..

(Вот эту проницательность, эту самокритичность, эту неподдаваемость на фимиам Сталин особенно в себе ценил!)

— Да, товарищ Сталин! — убежденно подтвердил Абакумов.— Именно так, процентов пять. Или семь.

Сталин продолжил свой путь по кабинету, обошел вокруг письменного стола.

— Это уж мой недостаток, товарищ Сталин,— расхрабрился Абакумов...— Не могу я самоуспокаиваться.

Сталин слегка постучал трубкой по пепельнице:

— А — настроение молодежи?

Вопрос за вопросом шли как ножи, и порезаться достаточно было на одном. Скажи «хорошее» — политическая слепота. Скажи «плохое» — не веришь в наше будущее.

Абакумов развел пальцами, а от слов пока удержался.

Сталин, не ожидая ответа, внушительно сказал, пристукивая трубкой:

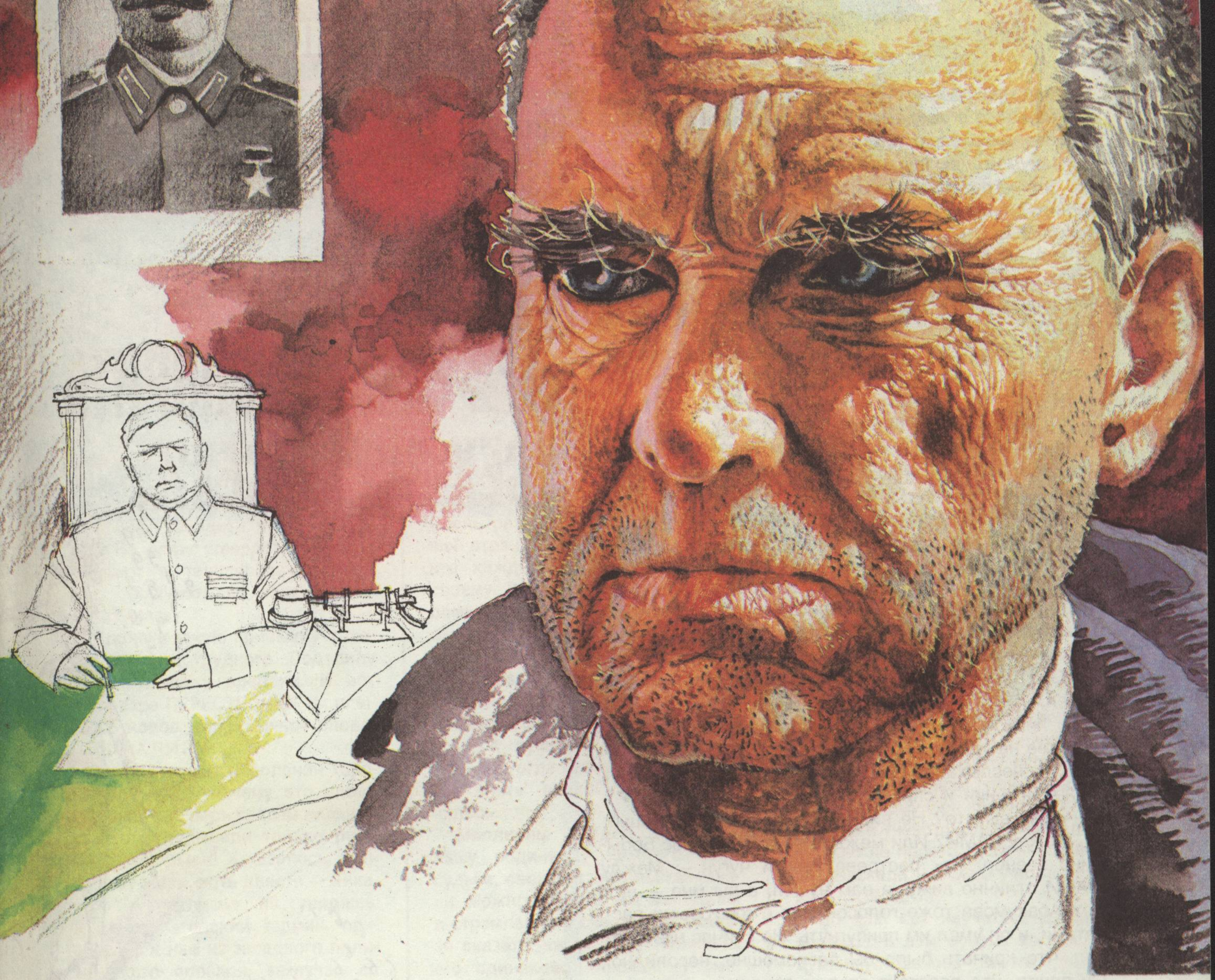
— Нада больши заботиться а молодежи. К порокам среди молодежи надо быть а-собенно нетерпимым!

Абакумов спохватился и начал писать.

Мысль увлекла Сталина, глаза его разгорелись тигриным блеском. Он набил трубку заново, зажег и снова зашагал по комнате бодрей гораздо:

— Нада усилить наблюдение за настроениями студентов! Нада выкорчевать нэ по адиночке — а целыми группами! И надо переходить на полную меру, которую дает вам закон — двадцать пять лет, а не десять! Десять — это шькола, а не тюрьма! Это

* Роман напечатан в журнале «Новый мир» за 1990 г.

школьникам можнё по десять. А у кого усы пробиваются — двадцать пять! Маладые! Даживут!

Абакумов строчил...

— И надо прэкратить санаторные условия в палитических тюрьмах! Я слышал от Берии: в палитических тюрьмах до-сих-пор-есть прадуктовые передачи?

— Уберем! Запретим! — с болью в голосе воскликнул Абакумов, продолжая писать.— Это была наша ошибка, товарищ Сталин, простите!!!

Сталин расставил ноги против Абакумова:

— Да сколько жи раз вам объяснять?! Нада жи вам понять наконец...

Он говорил без злобы. В его помягчевших глазах выражалось доверие к Абакумову, что тот усвоит, поймет. Абакумов не помнил, когда еще Сталин говорил с ним так просто и доброжелательно. Ощущение боязни совсем покинуло его, мозг заработал, как у обычного человека в обычных условиях. И служебное обстоятельство, давно уже мешавшее ему, как кость в горле, нашло теперь выход. С оживившимся лицом Абакумов сказал:

— Мы понимаем, товарищ Сталин! Мы (он говорил за все министерство) понимаем: классовая борьба будет обостряться! Так тем более тогда, товарищ Сталин, войдите в положение — как нас связывает в работе эта отмена смертной казни! Ведь как мы колотимся уже два с половиной года: проводить расстреливаемых по бумагам нельзя. Значит, приговоры надо писать в двух редакциях. Потом — зарплату ИСПОЛНИТЕЛЯМ по бухгалтерии тоже прямо проводить нельзя, путается учет. Потом — и в лагерях припугнуть нечем. Как нам смертная казнь нужна! Товарищ Сталин, ВЕРНИТЕ НАМ СМЕРТНУЮ КАЗНЬ!! — от души, ласково просил Абакумов, приложив пятерню к груди и с надеждой глядя на темноликого Вождя.

И Сталин чуть-чуть как бы улыбнулся. Его жесткие усы дрогнули, но мягко.

— Знаю,— тихо, понимающе сказал он.— Думал.

Удивительный! Он обо всем знал! Он обо всем думал! — еще прежде, чем его просили. Как парящее божество, он предвосхищал людские мысли.

— На-днях верну вам смэртную казнь,— задумчиво говорил он, глядя глубоко вперед, как бы в годы и в годы.— Эт-та будыт харёшая воспитательная мера...»

А вот иная встреча.

«...Крупный, ражий, с остриженной каторжанской головой вошел Бобынин. Он проявил столько интереса к обстановке кабинета, как если бы здесь бывал по сту раз на дню, прошел, не задерживаясь, и сел не поздоровавшись. Сел он в одно из удобных кре-

Рисунок А. ОСТРОМЕНЦКОГО.

сел неподалеку от стола министра и обстоятельно высморкался в не очень белый, им самим стиранный в последнюю баню платок.

Абакумов... не крикнул ему: «встать!», а полагая, что тот не разбирается в погонах и не догадался по анфиладе преддверий, куда попал, спросил почти миролюбиво:

— А почему вы без разрешения садитесь?

Бобынин, едва скосясь на министра, еще кончая прочищать нос при помощи платка, ответил запросто:

— А, видите, есть такая китайская поговорка: стоять — лучше, чем ходить, сидеть — лучше чем стоять, а еще лучше — лежать.

— Но вы представляете, КЕМ я могу быть?

Удобно облокотясь в избранном кресле, Бобынин теперь осмотрел Абакумова и высказал ленивое предположение:

— Ну,— кем? Ну, кто-нибудь вроде маршала Геринга?

— Вроде к о г о???

— Маршала Геринга. Он однажды посетил авиазавод близ Галле, где мне пришлось в конструкторском бюро работать. Так тамошние генералы на цыпочках ходили, а я даже к нему не повернулся. Он посмотрел-посмотрел и в другую комнату пошел.

По лицу Абакумова прошло движение, отдаленно похожее на улыбку, но тотчас же глаза его нахмурились на неслыханно дерзкого арестанта. Он мигнул от напряжения и спросил:

— Так вы что? Не видите между нами разницы?

— Между ВАМИ? Или между НАМИ? — Голос Бобынина звенел, как растревоженный чугун.— Между НАМИ отлично вижу: я вам нужен, а вы мне — нет!

У Абакумова тоже голосок был с громовыми раскатами, и он умел им припугнуть. Но сейчас чувствовал, что кричать было бы беспомощно, несолидно. Он понял, что арестант этот — трудный.

И только предупредил:

— Слушайте, заключенный. Если я с вами мягко, так вы не забывайтесь...

— А если бы вы со мной грубо,— я б с вами и разговаривать не стал, гражданин министр. Кричите на своих полковников да генералов, у них слишком много в жизни есть, им слишком жалко этого всего.

— Сколько нужно — и вас заставим.

— Ошибаетесь, гражданин министр! — И сильные глаза Бобынина сверкнули открытой ненавистью.— У меня ничего нет, вы понимаете — Н Е Т Н И Ч Е Г О! Жену мою и ребенка вы уже не достанете — их взяла бомба. Родители мои уже умерли. Имущества у меня всего на земле — носовой платок, а вот комбинезон и белье под ним без пуговиц (он обнажил грудь и показал) — казенное. Свободу вы у меня давно отняли, а вернуть ее не в ваших силах, ибо ее нет у вас самих. Лет мне от роду сорок два, сроку вы мне отсыпали двадцать пять, на каторге я уже был, в номерах ходил, и в наручниках, и с собаками, и в бригаде усиленного режима,— чем еще можете вы мне угрозить? чего еще лишить?.. Вы сильны постольку, поскольку отбираете у людей н е в с е. Но человек, у которого вы отобрали в с е,— уже не подвластен вам, он снова свободен...

ПЕРЕСТРОЙКА:
ЧТО ТАКОЕ? КТО ТАКОЙ?

Переспорить всех-всех-всех?..

Не зря говорят иногда про человека: «Спорить с ним — зубную боль нажить». Недавно нашел я и такие слова про спорщиков: «Есть люди, которые, оспаривая мысль своего противника, не понимают ни ее самой, ни тех доводов, которые они приводят в ее защиту. Споры с такими людьми хуже зубной боли...» Слова эти принадлежат Г. В. Плеханову, известному русскому ученому-философу.

А ведь — суди по себе — не только из упрямства, непонимания человек, бывает, не признает спорщика. Удобнее, привычнее многие годы считалось не иметь своего мнения вообще, а думать «как все», твердить, что все твердят. По радио твердят, в школе твердят, в телепередачах твердят... И думать не надо. Что-то доказывать.

Сломать такую привычку в людях труднее трудного. Под силу только нашему времени. И вот в словаре ПЕРЕСТРОЙКИ ты слышишь новое, непривычное слово: ПЛЮРАЛИЗМ.

Люди старших поколений хорошо понимают, почему это слово непривычно, ведь совсем недавно в него вкладывали только ругательный смысл! И казалось, хоть сто лет живи, хоть двести,— никакого плюрализма не увидишь. И вдруг латинский термин, пришедший к нам из западного политического словаря, зазвучал со всех трибун, со всех газетных и журнальных страниц. Что же произошло? И что же этот термин означает?

Означает он множественность, многообразие идей, теорий, мнений. Вещь, как нам теперь кажется, совершенно нормальную. И неопасную. Явление, без которого демократическая жизнь невозможна.

...Можно делать вид, что чего-то нет на свете, можно про какой-нибудь факт жизни помалкивать. Все видеть, а говорить про другое. Ну, например: ты выступаешь на сборе отряда, говоришь, будто нет класса дружней, чем ваш. А на самом деле? На самом деле все вы давно разбились по группкам, у каждого свои заботы, каждый думает про свое. Но на сборах заведено говорить о дружбе и единстве. Поэтому ты заявляешь: «Мы все едины в желании повысить успеваемость и дисциплину!» А на самом-то деле всем давно на учебу и дисциплину наплевать. Человек посторонний, быть может, поверит твоим словам. Может быть, что и ты сам поверишь. Но ребята-то знают, как обстоит дело в действительности! Вот и с плюрализмом в нашей стране произошла похожая история.

Выходили на трибуну очень солидные взрослые люди и заявляли, будто во всем у нас достигнуто полное единство, и, стало быть, никакого плюрализма нет и быть не может. Наверное, эти люди сами себе верили, да только в жизни все было сложней. Ведь люди, про которых утверждали, что они во всем едины, на самом деле были, есть и будут разными! Очень разные люди живут в нашей стране. И то-то замечательно, что каждый желает думать по-своему. Для чего же нужно было обманывать самих себя и пробовать обманывать других? Ответ прост: для собственного спокойствия! Ведь все должны были думать не просто одинаково, все должны были думать, как начальство. А лучше — не думать вовсе, и тогда начальство могло бы спать спокойно. Не получилось...

Миллионы людей населяют нашу родину. У каждого своя судьба, свои обстоятельства жизни. Можно сказать, все мы едины в стремлении к счастью. Но нельзя сказать, что все мы понимаем его одинаково. По-разному смотрим мы на свою историю, по-разному представляем себе будущее. Когда вы строите вместе с одноклассниками какие-нибудь планы, ну хотя бы, как помочь Коле школу не бросать, или где найти возможность поработать в каникулы,— сколько у вас бывает споров! Что же говорить об огромной стране, строящей планы своей судьбы!

Разные планы, разные взгляды, разные чувства — это и есть плюрализм. Легко ли жить при плюрализме? А вообще жить легко?

При плюрализме жить трудно потому, что нужно не командовать, а убеждать. Убеждать можно только делом, а дело делать труднее, чем приказывать. При плюрализме жить трудно еще и потому, что надо иметь свое собственное мнение, свой собственный взгляд на вещи, взгляд глубокий, а не случайный, лично выстраданный и заслуженный. Но самое главное, почему так трудно жить при плюрализме, это — терпимость к чужому мнению, внимательное отношение к чужим убеждениям.

Когда люди собираются на митинг, чтобы лично высказаться, получается не плюрализм, а базар.

Плюрализм получается, когда люди приходят не только высказаться, но и внимательно послушать. Пока это трудно для нас, мы еще плохо умеем слушать друг друга, и этому нужно учиться в первую очередь.

Есть знаменитый афоризм: «Я ненавижу ваши убеждения, но я готов отдать жизнь за то, чтобы вы могли высказывать их свободно!» В этом афоризме идея плюрализма доведена до крайности. Конечно, есть такие убеждения, с которыми невозможно мириться. И мы не захотим согласиться с убеждениями профессионального преступника, палача, расиста. Мы не захотим, чтобы эти убеждения беспрепятственно распространялись. И тем более не допустим, чтобы они торжествовали в жизни. Поэтому вспомним еще один афоризм, принадлежащий великому французскому мыслителю и ученому Блезу Паскалю. «Нужно не просто думать,— говорил Паскаль,— нужно учиться думать ХОРОШО!»

Но как, как научиться думать хорошо? В чем основа хорошего думанья? Основа такого думанья — законы высокой нравственности. У этих законов, конечно, множество проявлений. Но сами по себе они незыблемы. Эти законы, как и другие законы мира, не меняются по чьей-то воле, их никакой плюрализм не касается. Нравственные законы обязательны для всех.

Не убивай, не кради, не обижай своего близкого и дальнего, относись к нему так, как ты бы хотел, чтобы к тебе относились. Еще тысячи лет будет жить человечество, и ничего нового тут не выдумает.

В нравственной жизни не будет плюрализма. И это нужно хорошо понять.

А вместе с тем нравственная жизнь невозможна без плюрализма, который мы понимаем как уважительное, терпеливое отношение к каждому человеку.

Алексей СЕРГЕЕВ,
обозреватель
еженедельника «СЕМЬЯ» —
специально для «ПИОНЕРА»

Рисунок В. БУРКИНА.

ДУМАЮ О МИРЕ И О СЕБЕ

Если бы люди были мягче...

Меня спросили: «Умеешь ли ты мириться?» Честно говоря, я раньше об этом не думала. Если я ссорилась с подругой, то на следующий день мы снова были вместе, как будто забывали об обиде. Многие говорят, что у меня нет гордости, раз я редко обижаюсь на людей, раз прощаю идиотские шутки одноклассников, их нелепые выходки, грубость и даже подлость. Вы, наверное, думаете, что с таким человеком, как я, можно сделать что угодно? Странно, но последнее время меня никто не трогает. Может, если б все люди были мягче, умели прощать, было бы меньше ссор и конфликтов?

Галя Василенко, 7-й класс, г. Москва.

ХОЧУ ПОНЯТЬ

Есть у нас такой ритуал...

Есть у нас в пионерской организации ритуал: принимать в почетные пионеры. Вот в прошлом году наш отряд принял в почетные пионеры мальчика из Венгрии. Он приехал в наш город к своей бабушке на зимние каникулы. У нас состоялся сбор, на котором Томаш рассказал о своей школе, о жизни венгерских ребят. И мы приняли его в почетные пионеры, повязав ему галстук. А теперь я думаю: почему ему такой почет? И какая у него теперь пионерская жизнь? Ведь уехал Томаш на родину и... все.

Андрей Колесников, 8-й класс, г. Калининград, Московская область.

Вопрос Андрея очень внимательно выслушала **Валентина Григорьевна СМИРНОВА, инструктор ЦС ВПО имени В. И. Ленина,** и начала объяснять.

— В документах, определяющих пионерскую организацию, нет положения о почетных пионерах. Поэтому, кто достоин быть почетным пионером, решает сама дружина. Обычно в почетные пионеры принимают человека активного, авторитетного в ребячьей среде. Этот человек должен действительно стать членом коллектива, членом пионерской дружины.

А вот ребята из Калининграда выбрали Томаша... Теперь, наверное, не стоит ничего менять, хотя, конечно, это был необдуманный шаг. Ну, а если уж так получилось, пионеры дружины теперь должны держать своего венгерского друга в курсе событий. Надеюсь, что и он будет вам писать, оказывать посильную помощь в решении многочисленных проблем дружины, где он является почетным пионером.

РАССЛЕДОВАНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Видеосамодеятельность

Возвращаемся к проблеме, поднятой Сергеем Громаком (смотри «ПАФ» в № 4 журнала «Пионер»).

КОГДА ЖЕ ОТКРОЕТСЯ СТОЛЬКО ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВИДЕОСАЛОНОВ, ЧТОБЫ ОНИ МОГЛИ СОСТАВИТЬ КОНКУРЕНЦИЮ КООПЕРАТИВНЫМ, СБИТЬ ЦЕНЫ НА БИЛЕТЫ И ПРЕДЛОЖИТЬ ЗРИТЕЛЯМ БОЛЕЕ РАЗНООБРАЗНЫЙ РЕПЕРТУАР?

С этим вопросом мы обратились к **Елене Владимировне МОХОВОЙ, начальнику отдела социологических исследований и маркетинга ВПТО «ВИДЕОФИЛЬМ».**

— Что вы! Кооперативных салонов вообще не существует,— поразилась нашему невежеству Елена Владимировна.— Они были запрещены Советом Министров СССР еще в конце 1988 года. А нас окружают салоны, принадлежащие или общественным организациям — комсомолу, профсоюзам, или различным ведомствам — министерствам культуры, Министерству бытового обслуживания РСФСР...

В столице сейчас около двух тысяч видеосалонов, и с каждым днем их становится все больше и больше. Как составляют они свой репертуар? Всеми мыслимыми и немыслимыми путями. Пользуются частными видеотеками, переписывают кассеты у других организаций...

В общем, сплошная самодеятельность.

А вот если бы эти же общественные организации или ведомства покупали бы видеофильмы за собственную валюту, они были бы более осмотрительны в выборе, потому что киноклассику можно демонстрировать и 15 лет, а киноподелки «выходят в тираж» через считанные недели.

Итак, дорогие дети, коопера́торы тут ни при чем, за репертуар и за цены скажите спасибо комсомолу — лидеру молодежи, профсоюзам — защитникам прав трудящихся, министерствам культуры — несущим «разумное, доброе, вечное» в массы.

Фотография А. КРУПНИКОВА.

Анна МАСС

ТЕНЬ ОТ ТЕНИ

Рисунки М. ПЕТРОВА.

У нас было отчетно-перевыборное собрание, на котором меня сняли с поста редактора стенгазеты. И правильно. Я была плохим редактором. У меня нет никакого авторитета. Я, например, подойду к Светке:

— Напиши, пожалуйста, заметку ко Дню Конституции.

— А почему я? — отвечает Светка.— Пусть Людка напишет!

А Людка отсылает к Софке, и никто не пишет. И получалось так, что почти все заметки писала я сама. И стишки сочиняла. Картинки и буквы для заглавия вырезала из плакатов, которые покупала на Арбате.

И очень Вера мне помогала с оформлением, наша соседка по квартире. Раз в месяц я к ней стучалась и просила:

— Вера! Нарисуете мне?

— А что нарисовать-то?

— Ну, что-нибудь красивенькое!

Вера рисовала осеннюю природу, косой дождь, березку с опадающими листьями. Или, смотря по сезону, зимнюю природу, падающий снег, домик со светящимися окошками, наряженную елку. А еще у нее очень здорово получались грустные красавицы с опущенными ресницами. Под красавицами я иногда писала какое-нибудь сатирическое двустишие, например:

Элка двойку получила,
Так как русский не учила.

В общем, в прошлом году благодаря Вере я кое-как справлялась с газетой, но в этом году Вера вышла замуж за своего жениха, который отслужил свои пять лет во флоте, и уехала с ним в город Сталино, на его родину.

А я запустила редакторскую работу, перестала сочинять заметки, и меня переизбрали. Выбрали редактором Нинку Рудковскую.

Вот это был правильный выбор. Она посещала литературный кружок при Доме пионеров и собиралась, когда вырастет, стать журналисткой. Главное, в ней была организаторская жилка. Она не просила, как я, а приказывала:

— Ты напишешь заметку о вчерашнем сборе.

— Ты напишешь об успеваемости.

Сама Нинка писала передовые. Это были гладкие, правильные передовые, их обычно никто не читал, но тем не менее Нинка вкладывала в них всю свою правильную и добросовестную душу.

Она никогда не врала. Ради правды она могла пойти против всего класса.

В прошлом году 8 Марта Наташка Калашникова подговорила весь класс опоздать на десять минут на первый урок — отмочить такую праздничную шутку. Нинка единственная отказалась — принципиально! И пока мы хихикали на углу Островского переулка, представляя себе выражение лица Марьяши, когда она войдет в класс, Нинка честно сидела за своей партой, положив перед собой прилежно обернутые учебники и тетради.

— В чем дело? — спросила Марьяша, войдя в класс.

Нинка могла бы сказать, что не знает. Но это была бы ложь. И она рассказала учительнице о нашем заговоре.

Ровно через десять минут после звонка в коридоре гулко зазвучали шаги. Калашникова командовала строем:

— Раз-два, левой!

Дверь открылась, мы промаршировали мимо ошарашенной учительницы и расселись по своим партам с чувством удачно выполненного розыгрыша.

Марьяша с минуту стояла неподвижно, потом, не говоря ни слова, вышла из класса и вернулась с директоршей, Любовью Ивановной, или попросту Любашей.

Началась обычная процедура:

— Пусть встанет тот, кто организовал это хулиганство.

Потом:

— Пусть самый честный из вас встанет и скажет, кто это придумал.

Потом объясняли про ложное понимание чувства товарищества. Настоящий товарищеский поступок — не скрывать имя преступника, а назвать его во всеуслышание, чтобы земля горела под его ногами. Ведь он своим молчанием подводит своих же товарищей.

Я изо всех сил старалась не оглянуться на Калашникову. Боялась, что кто-нибудь не выдержит и оглянется невольно, а может быть, и с умыслом. Но никто не оглянулся.

Тогда был раскрыт классный журнал:

— Беркович, ты?! Борисова, ты?! Варламова, ты?!

Любаша кричала:

— Это не простое хулиганство! Это политическое хулиганство! Я давно замечаю, что в классе

нездоровые настроения! Да у вас подпольная организация! — И звенела ключами.

Никакой у нас не было подпольной организации. Правда, мы на праздниках обычно собирались у Калашниковой. На школьных вечерах было скучно, а у Калашниковой — весело. И кроме того, у нее одной из класса была отдельная квартира. У нее дедушка был академик. Наташкина мама пекла пироги, и знаменитый дедушка иногда с нами пил чай с пирогами, и бабушка, и папа, и старший брат Юра. А после чая мы играли в мнения, в жмурки, в общем, эти вечера мы потом долго вспоминали и мечтали о новых таких же.

Рудковская тоже не выдала Калашникову. Впрочем, она же не знала, кто зачинщик.

На переменах только и было разговоров: выдала бы Рудковская или не выдала, если бы знала? Большинство склонялось, что выдала бы. Не из подлости, а именно из принципа.

Нинку обзывали прямолинейной дурой, а она отвечала, что пусть она прямолинейная дура, но она хочет спасти класс, потому что класс разменивается на безыдейные мелочи, в то время когда вокруг столько интересных дел: диспуты, коллективные походы в театры и в кино, стенгазета, которая должна стать ярким отражением школьной жизни, а не формальным мероприятием.

— Вот, например, поступок Корневой и Варламовой! Это же тема для фельетона!

Поступок был действительно из ряда вон выходящий: Софка Корнева и Кирка Варламова явились в класс с накрашенными ногтями! Нам не разрешали не то что маникюр делать — даже капроновые чулки носить, только простые, в резиночку. И ленты вплетать в косы только черные или коричневые. А тут такой разврат — ярко-розовые ногти!

— Это сразу надо пресечь! — сказала Нинка.

И поручила мне написать фельетон.

Я написала. Фельетон начинался так:

«Софа и Кира вошли в класс, воровато пряча под фартуком руки. Глаза их стыдливо бегали. Девочки шмыгнули к своей парте и молча сели. Весь класс недоумевал: что случилось с веселой Софой и озорной Кирой? Почему у них сегодня такой замкнутый вид?

Но вот Софа вытащила из-под фартука руки,

чтобы вынуть из портфеля книгу, а Кира принялась точить карандаш.

Что это?.. Ученицы с отвращением отпрянули: на ногтях Софы и Киры розовыми бликами играл и переливался маникюр...»

И так далее. Фельетон назывался «Зловещие блики».

— Живо написано,— сказала Нинка.— Просто очень. Только морали нет.

— Мораль я не умею,— сказала я.

— Без морали нельзя, а то не поймут. Ладно, я сама напишу.

Нинка написала:

«Мы хотим, чтобы все поняли: истинная ценность человека не во внешней красоте, а во внутренней. Нужно добросовестно учиться, слушаться учителей и выполнять все общественные поручения. В этом и есть истинная красота советского школьника».

Софка и Кирка два дня на меня дулись, а потом простили, потому что я их прославила на всю школу. Мой фельетон приходили читать девчонки из других классов. И даже сама Люся Разинкова его одобрила, наш комсомольский секретарь.

А через некоторое время произошел такой случай.

У нас была контрольная по алгебре, и я задачу, как всегда, не решила. Элька Микаэлян прислала мне шпаргалку, но тут раздался звонок, и Георгий Нилыч начал отбирать тетради у тех, кто еще не сдал. Я воспользовалась его подслеповатостью и сдала тетрадь по русскому, а на перемене все списала со шпаргалки и, пока учитель колдовал над журналом, попыталась незаметно всунуть тетрадь в его раскрытый портфель. Но возле портфеля дежурила бдительная Рудковская.

— Если ты это сделаешь,— сказала она,— ты будешь отвечать перед всем классом.

Класса я не боялась и попыталась Нинку обойти.

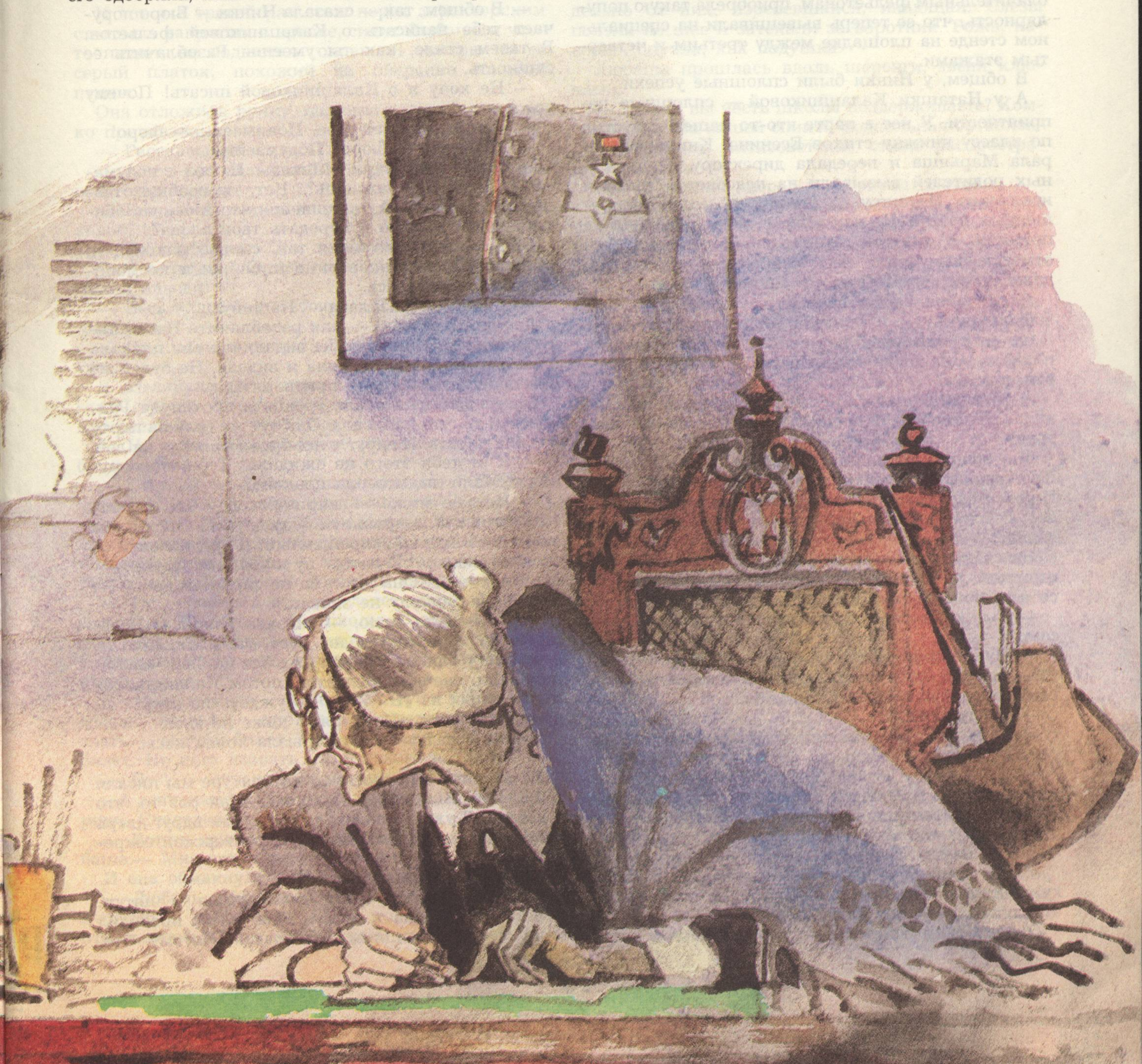
— Георгий Нилыч! — негромко позвала она.

— Сволочь ты! — сказала я, отступая от портфеля.

— А на тех, кого я не уважаю,— ответила она,— я не обижаюсь.

На следующий день Нинка мне сказала:

— Я что подумала: ты должна написать фельетон о вчерашнем случае.

— Я? Сама о себе?! Спасибо, что-то не хочется!

— Как ты не понимаешь! — сказала Нинка.— Ты погибаешь в болоте беспринципности. Тебя засасывает. Я хочу спасти тебя от самой себя. Если ты напишешь, ты вырастешь в моем мнении.

Мой фельетон назывался «Однажды на перемене».

Начинался он так:

«К портфелю учителя, воровато озираясь и пряча под фартуком тетрадь, подкралась Валя Львова. По лицу ее блуждала наглая улыбочка...»

Мораль к моему фельетону снова приписала Нинка: «В эти замечательные дни, когда вся наша страна, уверенная в завтрашнем дне, твердой поступью...» и т. д.

К ноябрьским праздникам Нинку приняли в комсомол. Кого же и принимать, если не таких, как Рудковская? И сразу же выбрали в комсомольское бюро школы.

Уж тут она развернулась! Проводила политинформации, организовывала диспуты, ее посылали делиться опытом в другие школы, даже в 36-ю — мужскую! А наша скромная стенгазета благодаря Нинкиному руководству и отчасти моим разоблачительным фельетонам приобрела такую популярность, что ее теперь вывешивали на специальном стенде на площадке между третьим и четвертым этажами.

В общем, у Нинки были сплошные успехи.

А у Наташки Калашниковой — сплошные неприятности. У нее в парте кто-то нашел и пустил по классу книжку стихов Есенина. Книжку отобрала Марьяша и передала директору. Наташкиных родителей вызывали на педсовет и грозили исключить Наташку из школы за чтение запрещенных поэтов. Не исключили, но в комсомол не приняли. А она так готовилась — исправила все отметки, вызубрила всех секретарей компартий, даже секретаря Компартии Японии Токуду.

Я случайно забежала в класс после уроков — забыла ручку — и увидела плачущую Наташку. Я до этого ни разу не видела, чтобы Наташка плакала. Она была самая веселая в классе, первая заводила.

— Откуда я знала, что он запрещенный! — плакала Наташка.— В предисловии об этом не сказано!

Мы вышли из школы вместе и, когда шли по Кропоткинской, столкнулись с Люсей Разинковой. И Люся сделала вид, что нас не заметила. Странно! Готова поручиться, что она нас прекрасно видела.

На следующий день на большой перемене меня отозвала в сторону Рудковская и, похлопывая себя по ноге свернутой в трубку газетой, спросила:

— Ты, кажется, собираешься вступать в комсомол?

— Ну собираюсь, а что?

— А если собираешься, то зачем сама себя компрометируешь?

— Я?! А чем?

— Тем, что тебя видели с Калашниковой на улице!

— Ну и что?

— Ах, ну и что! А ты знаешь, что собой представляет Калашникова? Знаешь, почему ее не приняли в комсомол?

— Ну, из-за Есенина.

— Не только,— сказала Нинка.— Все гораздо хуже. Я не хотела тебе говорить, но потом решила, что лучше все-таки предупредить.

Она протянула мне свернутую в трубочку газету. Статья была обведена синим карандашом и называлась что-то вроде «Прибежище безродных космополитов». В статье часто упоминалась фамилия Наташкиного дедушки-академика. Так вот он кто, этот с виду такой симпатичный дедушка! И ведь сидел с нами за столом, угощал конфетами...

— Поняла? — спросила Рудковская.— Это все, между прочим, взаимосвязано. А ты заметила, как они нас всегда зазывают? И пирожные, и конфеты... Мне это всегда казалось подозрительным, но теперь, в свете этой статьи, я окончательно все поняла. Они нас вербуют!

Меня обожгло ужасом. Вербуют! Шпионы! Космополиты!

Я не очень-то представляла себе, что такое космополиты, но что-то очень гадкое, хотя и получше, чем враги народа. Так вот кто такая Калашникова в свете статьи!

...Но, честное слово, какой же она враг народа? Она вся как на ладони. Я же ее с первого класса знаю. У нее и тайн никаких нет, трепло невероятное. И с ней так весело всегда. По крайней мере было до последнего времени.

— В общем, так,— сказала Нинка.— Бюро поручает тебе написать о Калашниковой фельетон. В твоем стиле, как ты умеешь. Разоблачить ее сущность.

— Не хочу я о Калашниковой писать! Почему всё я да я!

— Бюро поручает тебе. Понимаешь — бюро!

— Ну и что — бюро! Подумаешь!

— Что?..— сказала Нинка.— Бюро — подумаешь? Да ты соображаешь?.. Нет, ты вообще отдаешь себе отчет?.. А ты знаешь, что я сейчас обязана пойти в бюро и передать твои слова?..

Она смотрела на меня так, словно наконец-то увидела мое истинное лицо шпионки и космополитки. Я испугалась.

— Ладно,— сказала я.— Напишу.

Два дня я думала — как разоблачить Наташкину сущность? Никто же не видел, как она плакала одна в пустом классе, одна я видела. Не будет же она перед самой собой притворяться.

На третий день после уроков я протянула Рудковской то, что написала. Она тут же села на парту и стала читать. И вдруг у нее брови полезли на лоб.

— Я от тебя этого не ожидала! Тебе что поручили? Мало ли, что она плакала?

— Нет, не мало! — закричала я.— Что видела, то и написала. А вранье не буду писать! Откуда она знала, что Есенин запрещенный? В предисловии об этом не сказано! И потом, ну и что, что дедушка — скрытый враг? Она же сама не скрытый враг! Ты что, Калашникову не знаешь?

— Вообще-то знаю, — сказала Нинка.— Вообще-то ты в чем-то права. Нет, ты меня, правда, в чем-то убедила... Но мы уже все на бюро запланировали: сначала фельетон, потом Калашникову и еще троих из «Б» будут обсуждать на открытом комсомольском... И я прямо даже не знаю...

Нинка в задумчивости грызла конец косы.

Во вторник на сдвоенной литературе мы писали сочинение. Был образ Печорина. Как раз то, что я хотела. Я уже дописывала план, как вдруг дверь открылась, всунулась голова директорской секретарши:

— Львову к директору!

Меня?! У меня сразу душа ушла в пятки. Я встала и пошла к двери. Весь класс проводил меня сочувствующими взглядами. Потому что,

когда Любаша вызывала к себе, да еще посреди урока, это ничего хорошего никогда не сулило.

До этого я была в кабинете два раза. В шестом классе меня привел сюда Анатолий Данилыч за то, что я в учебнике истории нарисовала голого Аполлона без листика, а в седьмом — Марьяша, за стихотворение, в котором я отобразила ее внешность: «Кто не знает Марью нашу, и красива, и тонка, чуть потоньше винной бочки, чуть пониже потолка» и т. д., всего двенадцать четверостиший. Оба раза Любаша, вцепившись в мои плечи сильными, костлявыми пальцами, трясла меня и орала:

— Я с тебя шкуру сдеру!

Она была старая, сгорбленная, но когда впадала в ярость, могла поднять за шиворот десятиклассницу. Мы ее жутко боялись. Когда во время урока в коридоре раздавался звон ее ключей — все замирали, и учителя тоже. Она ходила, накинув на плечи серый вязаный платок, длинные концы которого напоминали крылья больной птицы. А руки с ключами она прятала за спиной, и ключи звенели, вызывая у нас слабость в коленках.

И вот я в третий раз стою перед директорским столом, а напротив, в кресле, сидит Любаша и что-то пишет, не поднимая головы. Я смотрю на ее серый платок, похожий на оперение хищной птицы.

Она отложила ручку, подняла голову и негромко приказала:

— Рассказывай.

— А что рассказывать? — спросила я с трусливой готовностью.

— Когда собирались последний раз у Калашниковой?

— На ноябрьские. Да, точно, восьмого!

— Что читали? О чем говорили? Кто был? Фамилии назови!

— Весь класс был... Почти... Я не помню, о чем говорили.

— Врешь! — закричала Любаша.— В глаза смотреть!

Я взглянула ей в глаза — круглые, яростные глаза старого ястреба. И мои глаза тут же заволокло слезами.

— Ну я же специально не запоминала...— пробормотала я.

— Стишки упадочные переписываете? Есенина читаете? Кто руководит организацией? А-а?

— Да нет! Любовь Ивановна! — Я не знала, какие слова найти, чтобы доказать, что нет у нас никакой организации.— Мы просто собирались! Мы песни пели хором! А ничего такого мы не...

— Ты,— прервала мой лепет директорша.— Лично ты. Вылетишь. Из школы. С волчьим билетом. Если не скажешь, кто у вас организатор. Скажешь — поставлю тройку по поведению, этим отделаешься. Ну?

В ошарашенной голове моей тупо заработала мысль: назвать — тройка по поведению, не назвать — волчий билет. Тройка лучше, чем волчий билет. Но кого назвать, если некого назвать?!

— Ну?!! — страшно крикнула Любаша.

...А девчонки там пишут сочинение. Образ Печорина. Счастливые...

— Вот он, приказ об исключении,— сказала Любаша.— Мне его только подписать...

И она обмакнула ручку в чернила.

— Любовь Ивановна, не надо! — завопила я дурным голосом.— Я же говорю! Я же не отказываюсь! Но я же не знаю, кого назвать!

— А ты вспомни,— сказала Любаша.— Какие песни пели, о чем говорили. Кто больше всех говорил. Подумай и вспомни. Вот тебе бумага, вот ручка. Не хочешь говорить — напиши. А я по делам схожу.

Она вышла из кабинета, звеня ключами.

В кабинете было светло, солнечно. В столбе света плавали пылинки. На подоконнике в глиняном кувшине стояла сосновая ветка.

Если я не назову кого-нибудь, меня выгонят из школы!

А мама?

А я как же — без школы? Ведь у меня вся жизнь со школой связана. С девчонками.

Может, назвать? А кого? У Калашниковой многие были. Может, Калашникову одну назвать? Раз все равно уж на нее навалились. Ей семь бед — один ответ, а меня отпустят... Я уже просто не могу!

Вошла Любаша, вслед за ней Нинка Рудковская, Северина — все наши восемь комсомольцев. Значит, уроки кончились. Два часа я уже здесь.

Девчонки стали шеренгой у стены, а я — отдельно от них, изревевшаяся, икающая. Слезы ползли по шее и затекали за воротник. Рожа, наверно, опухла, как подушка.

Любаша прошлась вдоль шеренги, звеня ключами.

— Так-то вы честь школы поддерживаете? Комсомольцы! За вашей спиной подпольная организация действует, антисоветские стихи распространяют, а вы?..

Нинка вышла вперед и одернула платье.

— Я даю вам честное комсомольское, что у нас нет никакой подпольной организации. У Калашниковой мы собирались всем классом. Антисоветских стихов не читали.

— Что? — сказала Любаша. Это прозвучало так: «Чта-а?» — высшая степень презрения.— Калашникову защищаешь? Ты?!

Нинка всегда бледнела, когда волновалась, а сейчас она была прямо белая. Голос у нее срывался, но не от страха. Она, когда чувствовала свою правоту, никого не боялась. Хотя Любашу и она боялась.

— Да, защищаю,— сказала Нинка.— Я с ней долго говорила. Да, у нее много личных недостатков, но ведь личные недостатки есть у каждого! Она не организовывала никакой подпольной группы. Я ей верю. Я за нее ручаюсь.

— А вот я и тебя выгоню вместе с ней,— сказала Любаша.— Чтобы не ручалась за кого не надо.

— Я думала, что вы справедливая,— сказала Нинка.— А вы несправедливая. Я вас не уважаю и не боюсь.

Это она — Любаше!!

Дзын! Ключи шмякнулись на стол.

— А ну, все убирайтесь отсюда! — приказала Любаша. И, брезгливо взглянув на меня:— И ты пошла отсюда!

Я разжала стиснутые пальцы, бросила ручку на чистый листок бумаги и рванулась к двери. Толкаясь, мы вывалились из кабинета, оделись и — на улицу. А там было солнце! Капель! И воздух такой весенний, что у меня голова закружилась.

С крыш сбрасывали снег. На тротуарах и мостовой — сверкающие россыпи разбитых в мелкие дребезги громадных сосулек. Дворники стояли, подняв головы, и следили, чтобы обледеневшая глыба не свалилась кому-нибудь на голову.

Был конец февраля пятьдесят третьего года.

Анатолий КОСТЕЦКИЙ

Не хочу!

Нет, не хочу
за бабочкой
гоняться!
За ней и ты
с сачком не мчись,
постой!
Пусть крылышки цветные
не боятся
порхать в лугах
на радость
нам с тобой.

Нет, не хочу
цветку лесному
зла я!
Я не сорву его,
не унесу!
Ему ведь в доме,
стол наш украшая,
уж не качать шмеля,
не пить росу...

Ни муравья,
ни ветку,
ни травинку
обидеть не хочу:
ведь это грех!
Стараюсь
разглядеть в них
ту живинку,
что доверяет
всем
и любит
всех.

Жизнь на звездах

Ведь правда,
есть жизнь
на каких-то из звезд?
Вопрос этот важен
и очень непрост.

Нам сказано в школе:
«Весь космос —
за вами,
далеких планет
вы достигнете сами.
Мечатайте —
и сбудутся ваши мечты!»

Но я
сомневаюсь немного.
А ты?..
Быть может,
герои
до звезд долетят
и даже успеют
вернуться назад,
их встретит, ликуя,
планета моя...
Но вряд ли средь них
буду именно я.

От этого грустно —
до боли в груди!
Вот я и твержу
сам себе:
«Не гляди
на небо,
на звезды,
что так далеки!..»

Но вечером
снова,
себе вопреки,
смотрю на них,
радуюсь —
глаз не отвесть:
ведь жизнь-то
на звездочках
все-таки есть!

Рисунок И. ПАНКОВА.

Невидимка

Эх, если бы мне
невидимкою стать!
Из школы домой
уж тогда-то
Наталку
я смело бы мог провожать:
меня
не дразнили б ребята.

И я про такое мечтанье мое
сказал как-то утром
Наталке...

В ответ
мне услышать пришлось
от нее,
что трус не простой я,
а жалкий,
что больше ходить
вместе с трусом —
со мной! —
ни в школу
не хочет она,
ни домой,
что эти мечты мои —
сущий пустяк:
мол, я
для нее
невидимка и так!..

И с ней
перестал
разговаривать я.
Еще бы!
Такая обида!
Решил:
пусть поможет мне
гордость моя,
пройду —
не подам даже вида.

Два дня
я железно
держал свой бойкот.
На третий
столкнулся с Наталкой —
и вот...

— А можно,—
сказал ей
у всех на виду,—
я после уроков
с тобою пойду?

Она мне
с насмешкой-ужимкой:
— Ты что?!
Разве стал невидимкой?
Пришел уже разве
твой праздник?..
Ведь завтра
мальчишки задразнят!

Рукою
махнул я
на все —
и вдвоем
от школьных дверей
мы с Наталкой идем.
Наталка смеется,
смеюсь и я сам...
С тех пор
так и ходим —
и весело нам,
и вовсе не трудно
на нашем пути
мне взять
и Наталкин портфель
поднести...

Мальчишки смирились:
не дразнят совсем —
никак:
ни в глаза, ни заочно.
Им завидно даже!
Ну, может, не всем,
но кое-кому —
это точно!

Перевел с украинского
Валентин КОРЧАГИН.

ТРИ ОТВЕТА ПЛЮС ИДЕЯ

Давайте сначала научимся любить

Первым гостем «ФАКТа» стал **Владимир Петрович ФОКИН, автор кинофильма «До первой крови».** Этот фильм многие видели в кинотеатрах. Ну, а тем, кто не знаком с сюжетом, я скажу: «Фильм в принципе о военно-патриотической игре «Зарница». Почему «в принципе» — вам будет ясно из дальнейшего интервью с режиссером».

— Фильм называется «До первой крови». Почему?

— Во дворе моего детства был такой кодекс чести: драться до первой крови. Как только появлялась кровь — соперники расходились. Сейчас такая мораль среди подростков начисто отсутствует. Идут не драться, а убивать друг друга.

Происходящее на экране — ненависть, презрение, необузданный инстинкт убивать — мои зрители наблюдают до того момента, когда пошла первая кровь. Что случится после? Это я оставляю додумать и взрослым, и детям. Ясно одно: мы самое агрессивное общество в мире, у нас сплошная милитаризация — все эти игры «Зарница», «Орленок», игрушки-пистолеты, девочки с бантами и автоматами у памятников героям...

— Однако некоторые ребята находят профессию после таких игр. Например, я знаю одного парня, который стал готовить себя к военной карьере после того, как «повоевал» командиром «зеленых» в игре «Зарница». Сейчас он поступает в военное училище...

— Нас чуть ли не с младенчества приучают таскать автоматы, и мальчиков, и девочек. Я сам играл в эти игры и помню, как был удивлен, когда меня «убили». Прибежала толпа людей, меня связали и отправили на сборный пункт «мертвых». Для меня игра закончилась. А те люди понеслись искать новую «жертву»... Есть же какой-то нравственный кодекс, по которому человек остерегается многих соблазнов, в частности соблазна пострелять, «поубивать». Во все времена ребенка учили прежде всего любви. Научится человек любить мать, Родину, ближних, культуру — тогда-то он научится и ненавидеть врагов. Но не с поисков «врагов» надо начинать.

— А можно что-то предложить взамен такой игры? Обычно в пионерском лагере и так ребятам нечем заняться.

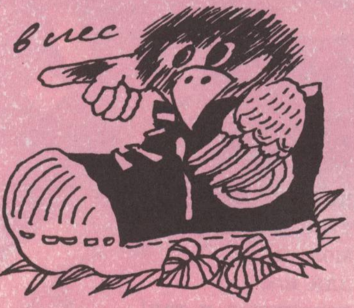
— Печально, что взрослые ничего не могут предложить ребятам, кроме игр в войну. Давайте подумаем: зачем дети приезжают в пионерские лагеря? Скорее всего чтобы насладиться свободой, особенным воздухом, всем тем, чего нет в городе. Сама природа вокруг располагает к мыслям о вечном, о гуманном отношении к живому миру. Вот чем надо заниматься, а не играми в войну.

И в заключение я предлагаю читателям «Пионера» отказаться от «военных» игрушек, выбросить все эти автоматы, пулеметы, пистолеты... Тогда, может, и взрослые одумаются и перестанут такие игрушки выпускать.

Беседу вел Андрей МУХАНОВ.

НАЙТИ ВЫХОД

Стоит попасть в какую-нибудь передрягу, как взрослые сразу начинают кричать: «Я же тебе говорил!.. Я же предупреждала!.. Ну, конечно, я так и знала!..»

Все-то они предвидели, все-то наперед знали, эти взрослые! Нет чтоб просто помочь, подсказать, что теперь делать, как выкрутиться?

А мы вот познакомим вас с таким взрослым, который не будет занудствовать: «Любая прогулка, любой поход в лес должны тщательно готовиться». Он просто скажет: «Старик, ты заблудился? Порезал в лесу палец? Тогда делай так...»

У нас в гостях **учитель литературы 1079-й московской школы, заядлый походник Игорь Евгеньевич БУЛГАКОВ.** Послушай его советы.

ТЫ ЗАБЛУДИЛСЯ В ЛЕСУ...

Первое и главное — не паниковать, ничего страшного пока не случилось.

Можно залезть на дерево и осмотреться.

Ты же не в тайге, жилье человека где-то близко. Туда и надо идти. А выведут тебя к жилью тропинки, укажет путь оставленный людьми мусор... Чем больше следов человеческой деятельности, тем ближе жилье.

Пока идешь по лесу, намечай маршрут: «Иду прямо до той сосны». Иначе будешь ходить по кругу. И никогда не возвращайся назад.

Вышел к железной дороге — считай, все тревоги позади. А слышна железная дорога ночью за 7—8 километров.

ЕСЛИ ПОБЛИЗОСТИ НЕТ НИ РУЧЬЯ, НИ РЕКИ...

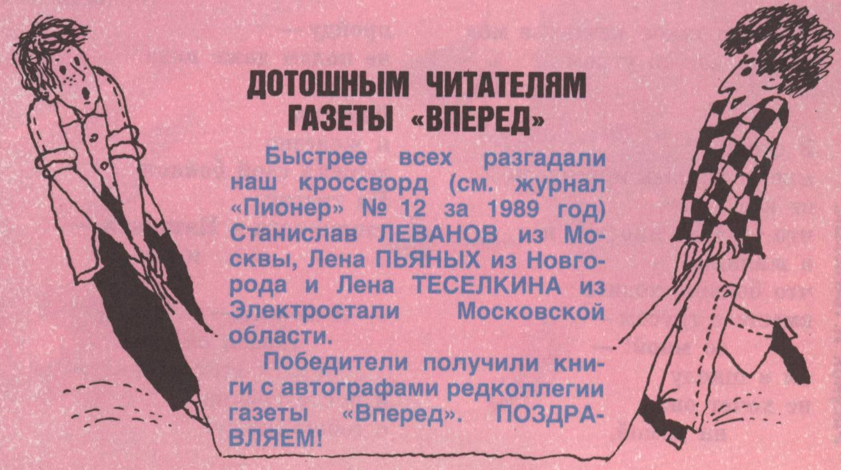
Надо ли искать воду вообще? Не стоит тратить силы. Два дня человек может обходиться без воды, если он:

выберет правильный, размеренный темп ходьбы, не будет бежать как угорелый и потеть;

будет жевать и сосать кислую травку: щавель или заячью капусту.

Это поможет жажду перетерпеть. А за два дня или тебя отыщут, или ты сам выйдешь к людям.

В СЛЕДУЮЩЕМ ВЫПУСКЕ «ПАФа» МЫ РАССКАЖЕМ:
КАК НЕ УСТАТЬ ПРИ ДОЛГОЙ ХОДЬБЕ,
КАК РАЗВЕСТИ КОСТЕР,
КАК СОГРЕТЬСЯ БЕЗ ОГНЯ...

ДОТОШНЫМ ЧИТАТЕЛЯМ ГАЗЕТЫ «ВПЕРЕД»

Быстрее всех разгадали наш кроссворд (см. журнал «Пионер» № 12 за 1989 год) Станислав ЛЕВАНОВ из Москвы, Лена ПЬЯНЫХ из Новгорода и Лена ТЕСЕЛКИНА из Электростали Московской области.

Победители получили книги с автографами редколлегии газеты «Вперед». ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Выпуск подготовил А. МУХАНОВ.

Название новой рубрики «1+1» расшифровывается просто: один человек совсем взрослый и один — еще не очень. Но за каждой единицей скрывается настоящая величина! Надеемся, вы поможете нам определить, кого стоит приглашать в гости: напишите, с кем из выдающихся людей вы хотели бы встретиться на наших страницах.

1+1

Папа

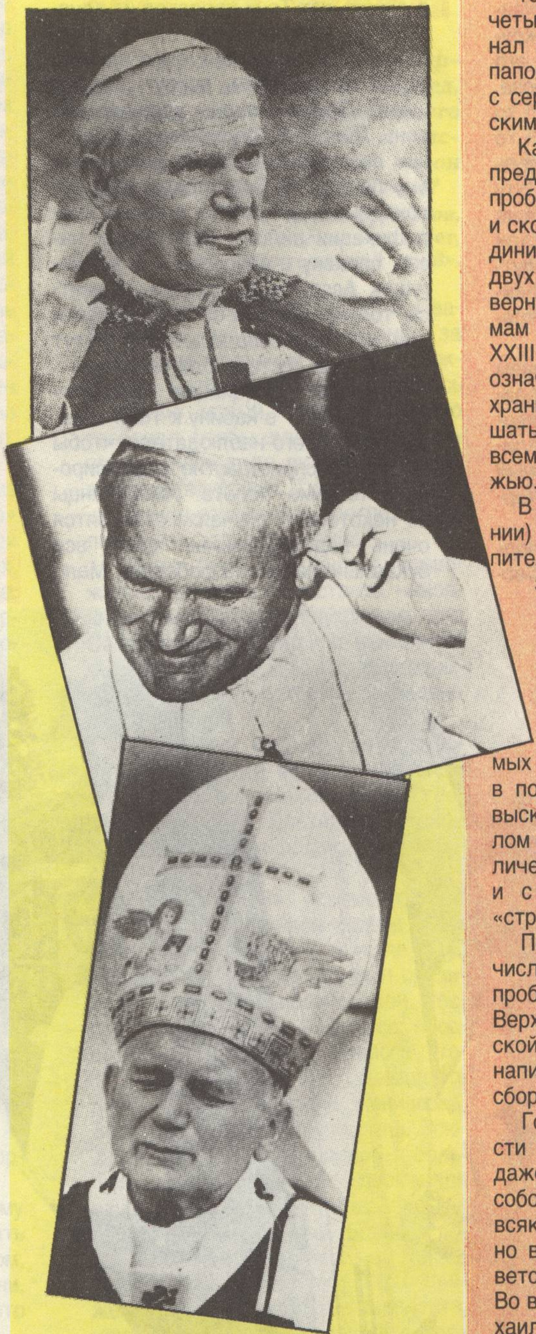
Собор святого Петра — гордость Рима. Он украшен фресками Рафаэля, Микеланджело. А в подземелье собора показывают алтарь, под которым, как утверждают гиды, покоится прах самого апостола Петра, по преданию, первого главы римско-католической церкви.

Совсем недалеко от собора святого Петра живет нынешний папа. Во время прошлогодней трансляции рождественской мессы советским телевидением мы увидели его на наших экранах. Да, именно так — папа римский перестал быть символом чего-то далекого, не имеющего никакого отношения к нашей сегодняшней жизни. В облике Иоанна Павла II не было ничего мрачного, холодно-отрешенного, наоборот, он поражал какой-то особенною ясностью, человечностью, теплотой...

В середине прошлого века папскому государству принадлежало 18 тысяч квадратных километров, а сегодня Ватикан располагает лишь 44 гектарами. Но, несмотря на малую площадь, в Ватикане царит спокойствие. Никто не удивляется даже, когда папа Иоанн Павел II ведет себя так, что еще каких-нибудь сто лет назад любого из его предшественников немедленно бы «сняли с работы»: обегает свое государство. Семидесятилетний папа с детства очень уважает бег трусцой и лыжные прогулки. Увы, сейчас ему пришлось отказаться от футбола — все-таки возраст и положение обязывают... Но в детстве он обожал эту игру и чаще всего стоял на воротах.

Родился Иоанн Павел II 18 мая 1920 года в семье железнодорожника в маленьком местечке Водовице под Краковом. Звали его тогда Кароль, фамилию, естественно, он унаследовал отцовскую — Войтыла.

Уже в пятом классе Кароль читал труды Иммануила Канта, Гегеля

и Шопенгауэра, хотя такое чтение и не самое типичное для мальчишки его возраста. После гимназии Кароль заканчивает философский факультет Ягеллонского университета в Кракове. Польша всегда была страной с глубокими католическими традициями. Философия и религиозность, сформировавшие мироощущение Кароля Войтылы, заставили его принять сан. Случилось это 1 ноября 1946 года. Вскоре молодого священника направили в Рим для продолжения учебы на философском факультете Доминиканского университета «Ангеликум». Через два года он вернулся в Польшу. В 44 года Войтыла стал архиепископом Краковским, в 47 — кардиналом.

16 октября 1978 года, нарушив четырехвековую традицию, кардинал Кароль Войтыла стал римским папой. Традицию же поддерживали с середины XVI века, избирая римскими папами только итальянцев.

Как и его непосредственный предшественник (Иоанн Павел I пробыл на престоле всего 33 дня и скончался), Кароль Войтыла объединил в своем новом имени имена двух видных деятелей церкви, повернувших ее к реальным проблемам современного мира,— Иоанна XXIII и Павла VI. Такое решение означало как бы обязательство сохранить верность их курсу, не отрешаться от мирских проблем и не во всем уповать только на волю божью...

В программной энциклике (послании) «Редемптор Гоминис» («Искупитель человека») Иоанн Павел II заявил, что «нужда и голод на земном шаре могли бы быть в кратчайшие сроки ликвидированы, если бы гигантские милитаристские бюджеты, служащие войне, были направлены на производство необходимых средств существования». И хотя в последующих выступлениях папа высказывал и другую позицию, в целом он продолжает диалог с некатолическими кругами, в том числе и с коммунистами, о совместном «строительстве мира».

Перу папы принадлежат многочисленные публикации, книги по проблемам этики и нравственности. Верховный первосвященник вселенской церкви любит стихи; он и сам написал несколько поэтических сборников.

Говорить о высокой образованности папы, его аналитическом уме даже несколько неловко, это само собой разумеется. Тем не менее не всякий на римском престоле свободно владел шестью языками, а приветствия произносил на пятидесяти. Во время прошлогодней встречи Михаила Сергеевича Горбачева с Иоанном Павлом II папа очень чисто произнес несколько фраз на русском языке.

Подсчитано, что на земле живут 800 миллионов католиков. И быть их верховным пастырем, наместником Господа Бога, да еще в конце XX столетия, нелегко. И папа — римский епископ, викарий Иисуса Христа, преемник князя апостолов, верховный первосвященник вселенской церкви, патриарх Запада, примас Италии, архиепископ и митрополит Римской провинции, Верховный правитель государства Ватикан — трудится не покладая рук. Ему приходится быть и проповедником, и политиком, и путешественником. Кстати, его часто называют самым политизирующим и самым путешествующим папой. И труд его не только, как говорится, во славу Бога, но и во имя людей.

Александр ИСТОМИН

---

1 + 1

Железный мальчик

Что-что, а такие слова, как «Сибирь», «русский медведь» и «бабу́шка» (именно с ударением на втором слоге), нормальному американцу хорошо знакомы. Порой этим кругом слов ограничивается и круг его представлений о Советском Союзе. Еще бы, столько лет пугали то «красными под кроватью», то «Красными на Гудзоне»... А теперь вот их сосед отправляется в эту полную опасностей страну, да еще по доброй воле. И все усердно стали желать Тони хорошей погоды, попутного ветра, мягкой посадки и главное — чтобы не пришлось встретиться с КГБ.

Отчасти благодаря пожеланиям земляков, а скорее всего благодаря собственной отваге и настойчивости одиннадцатилетний Тони Алиенджена совершил беспримерный полет вокруг света на одномоторном самолете.

5 июня прошлого года Тони поднял в воздух одномоторную «Сессну» из аэропорта «Орандж» в Лос-Анджелесе. Чтобы нормально видеть через лобовое стекло, ему пришлось подложить под сиденье специальную подставку. Все-таки для своих одиннадцати лет Тони не слишком большого роста.

Однако рост не помеха. И если в девять лет Тони пролетел из одного конца Америки в другой и вернулся обратно, то почему бы в одиннадцать не облететь вокруг земного шара? Тони — очень упорный парень. Поначалу Федерация Ассоциации воздухоплавания не разрешала ему лететь. Но Тони представил необходимые документы о своей квалификации пилота, налетанных часах, справку о здоровье — и всемогущая Ассоциация сдалась. Кажется, только справки об успеваемости ему не потребовалось, хотя и тут у Тони все обстоит благополучно.

Впрочем, Ассоциация «сдалась» не до конца — в кабину к Тони «подсадила» своего наблюдателя, чтобы тот мог беспристрастно зафиксировать течение полета. Американцы в некоторых случаях становятся очень недоверчивыми, хотят все буквально на зуб попробовать. Мало ли кто на самом деле поведет крошечный самолетик?

Через полтора месяца, когда самолет Тони Алиенджены приземлился в аэропорту «Орандж», представитель Ассоциации во всеуслышание заявил:

— Мировой рекорд установлен! На протяжении всего пути самолетом управлял одиннадцатилетний мальчик.

И еще представитель сказал о хладнокровии этого мальчика: Тони не терял спокойствия и выдержки даже в самых экстремальных ситуациях. Когда «Сессна» пересекла советско-американскую границу, экипаж решил провести в Анкоридже несколько суток. Была обещана царская рыбалка, соблазнившая усталых пилотов. На рыбалку-то экипаж слетал, да на обратном пути поднялся неожиданный ветер, и сильный толчок в бок опрокинул самолетик. «Сессна» упала на нетронутую снежную пелену — и через несколько мгновений заполыхал гигантский огонь. В эти несколько мгновений экипаж сумел выбраться из самолета и отбежать на достаточное расстояние. Тони мужествен-

Фотография А. БОЙЦОВА.

но смотрел на пожар, уничтожавший на его глазах самолет, в котором он провел столько часов и испытал столько трудностей... «Синим пламенем», кстати, горел и мировой рекорд, к которому одиннадцатилетний Тони был уже совсем близок. Но мальчик не позволил себе и слезинки проронить.

О самообладании Тони рассказывает и советский штурман Геннадий Придворов, который сопровождал американского пилота над территорией СССР.

— Перелет Кемерово — Братск был очень тяжелым,— вспоминает он.— Пять часов постоянного напряжения, при плохой видимости, ветер несколько раз менял направление. На «Сессне» нет обычной обогревательной системы, и поэтому через 20—30 минут полета самолет тяжелеет, управлять им становится труднее, и приходится опускаться на малые высоты, где тоже есть свои ловушки и для опытного летчика. А Тони ведь не знал особенностей трассы. В общем, ему здорово досталось в тот день. Глаза очень сильно разболелись. Когда он посадил «Сессну», я смотрю, у него слезы на глаза навертываются, а он зубы стиснул, сдерживается изо всех сил, виду не подает, что устал. Железный мальчишка!

Даже Железный Дровосек из «Волшебника Изумрудного Города» иногда пускал слезу, и вовсе не при таких трагических обстоятельствах, как тогда у Тони в Анкоридже. А этот «железный мальчик» держался и еще подбадривал окружающих. Но целеустремленность Тони нашла отклик. «Перелету дружбы» протянулась рука друга. Житель Анкориджа предоставил Тони свой самолет — точно такую же «Сессну», чтобы мальчик смог благополучно завершить маршрут Лос-Анджелес — Москва — Лос-Анджелес. И через полтора месяца после старта на празднично украшенном аэродроме Тони Алиенджена совершил посадку, оставив позади три континента, два океана, пролетев в общей сложности 217 574 мили пути.

Через несколько дней Тони побывал в Белом доме, где передал Д. Бушу письма советских детей. В Москве, в Кремле, осталось 250-метровое послание мира — письма американских детей М. Горбачеву.

Тони обещал своему московскому другу Роме Черемных рассказывать американцам только правду о том, что он увидел в СССР. Отец Тони, Гэри Алиенджена, утверждает, что сын всегда держит слово...

А. ЧЕРНЯХОВСКАЯ

ДЕТСКИЙ ВОПРОС

Виза для людоеда

«Слышал, что где-то в Африке есть настоящий людоед, который сидит в тюрьме, но его собираются освободить и выслать из Африки. Может ли он приехать в Советский Союз?

Саша Пимаков, одиннадцать лет, Приморский край».

Действительно, в государстве Свазиленд отбывает наказание за незаконное хранение оружия марокканец Гитлер Шарин. Находясь в тюрьме, новый Гитлер постоянно требовал, чтобы ему подавали в качестве пищи тела людей, погибших в автокатастрофах. Тюремная администрация отказалась наотрез удовлетворить это требование.

Может быть, напуганные кровожадностью своего арестанта, чиновники Министерства внутренних дел Свазиленда сообщили о намерении выслать Гитлера Шарина из страны. Но пока он еще остается за надежной решеткой.

Да и потом, людоеду не преодолеть сложностей оформления визы для въезда в Советский Союз. Уверены, что даже, обратись он с такой просьбой, долгая процедура уморила бы его.

Впрочем, факт приема одного людоеда в Советском Союзе имел место. Это случилось в июле 1970 года, когда в Москву прибыл президент Центральноафриканской Республики Жан-Бедэль Бокасса, впоследствии император. Бокасса «гастролировал» у нас двенадцать дней, посетив Москву, Ленинград, Волгоград, Киев, Севастополь. Всюду его ждали пышные приемы, большой интерес к гостю проявляли наши отечественные красавицы — брюнетки и блондинки. Бокасса покровительствовал им, но, слава Богу, не так, как своим настоящим женам. Ибо одна жена президента, канадка, исчезла навсегда в дебрях Центральной Африки, а другую, швейцарку, он просто-напросто... самолично скушал.

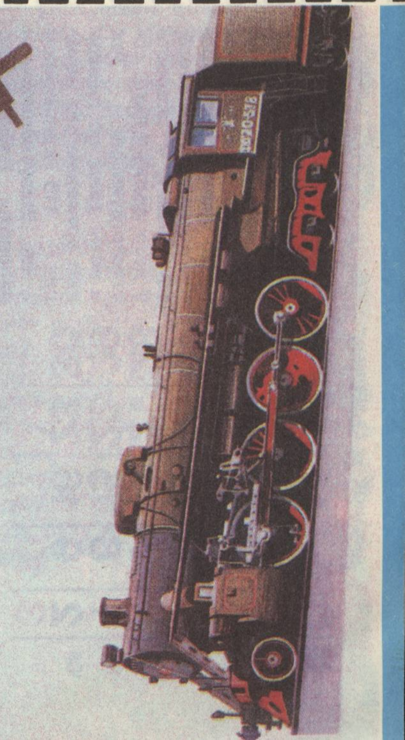
КАЛЕНДАРЬ-ЗАКЛАДКА

ДРУЗЬЯ!

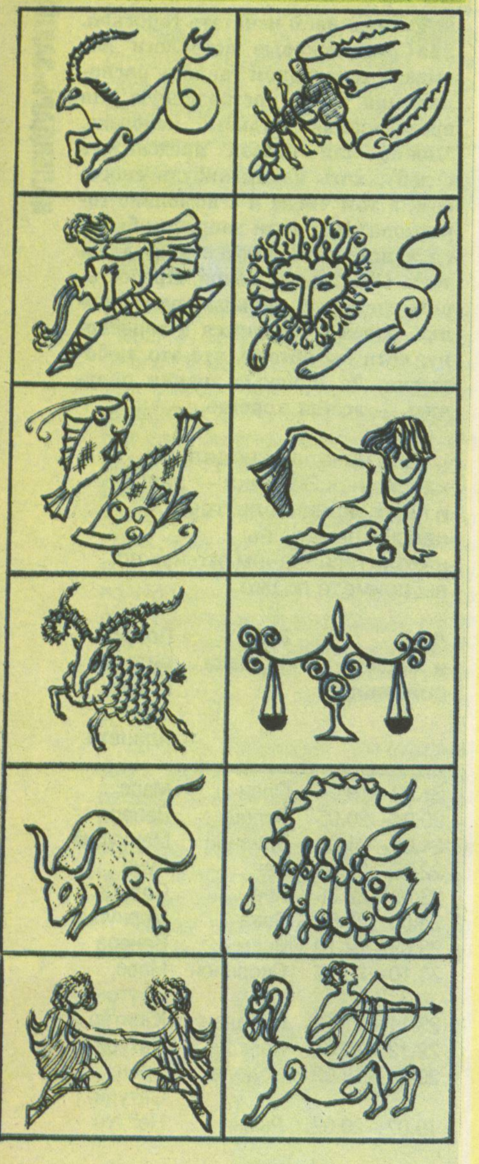
Мы начинаем печатать гороскоп. Средневековые астрологи называли гороскопом таблицу расположения звезд, составленную для предсказания судьбы человека. Можно или нельзя предсказать судьбу, хоть каким-нибудь способом, в том числе и с помощью гороскопа? Над этим вопросом бьются долгие века многие исследователи. Спорам нет конца. Предоставим ученым и дальше ломать копья, а сами обратимся к гороскопу, хотя бы потому, что это любопытно. Да и новые знания получить — всегда хорошо.

Для начала определим, какой знак Зодиака — ваш и под покровительством какой планеты вы находитесь. Зачем это нужно, вы поймете позже.

Дни и месяцы рождения	Знак Зодиака	Покровительствующая планета
21.03—19.04	Овен	Марс
20.04—20.05	Телец	Венера
21.05—21.06	Близнец	Меркурий
22.06—22.07	Рак	Луна
23.07—22.08	Лев	Солнце
23.08—22.09	Дева	Меркурий
23.09—22.10	Весы	Венера
23.10—22.11	Скорпион	Марс, Плутон
23.11—21.12	Стрелец	Юпитер
22.12—19.01	Козерог	Сатурн
20.01—18.02	Водолей	Уран, Сатурн
19.02—20.03	Рыбы	Нептун

СЕРИЯ «ПАР»

ИЮНЬ					
Пн		4	11	18	25
Вт		5	12	19	26
Ср		6	13	20	27
Чт		7	14	21	28
Пт	1	8	15	22	29
Сб	2	9	16	23	30
Вс	3	10	17	24	

Это паровоз серии ФД". Большие буквы означают: «Феликс Дзержинский». Маленькая «п» определяет, что паровоз данной серии водит пассажирские составы. Значит, и скорость у него должна быть соответствующая. Так и есть: даже по нынешним временам она немалая — 115 километров в час. Выпускались эти паровозы начиная со второй половины 30-х годов.

Детское общество по разоружению

«Здравствуйте, жители «Планеты детей»!

Пишут вам некоторые дети Ленинградского района города Москвы. Мы организовали детское общество по разоружению. Кто хочет записаться в него, пишите по адресу: 125315, Москва, Ленинградский проспект, дом 78, корпус 3, квартира 45. Это адрес нашего штаба. А предварительный взнос в наше общество — военные игрушки, которые можно прислать в посылке».

Вот такое письмо. Такая необычная идея. Коль начали уничтожать настоящие ракеты, не настало ли время позаботиться о том, чтобы и у детей стало меньше военных игрушек. Идею эту, кстати, очень активно пропагандирует писатель Григорий Остер, автор мультфильмов и книжек про попугая, мартышку, слоненка и удава, «Вредных советов». Своими мыслями по поводу детского «разоружения» Григорий Остер обещал поделиться с нами в одном из ближайших номеров.

Но мало сломать. Надо создать новые игрушки. Ведь без них стало бы так скучно. Наши читатели могут принять участие во Всесоюзном конкурсе «Игрушка XXI века». И не только они сами, но и их родители. Какие же игрушки принимаются на конкурс? Игровое восприятие жизни человека в космосе, приобщение детей к культуре и традициям своего народа, к пониманию других народов — таковы основные темы конкурса.

Конкурс проводят еженедельник «Семья» Советского детского фонда имени В. И. Ленина и совместное советско-британское научно-производственное предприятие «Энергоинформатика».

СЕКРЕТЫ СО ВСЕГО СВЕТА

Комиссар Каттани и адвокат Теразини

На протяжении доброго десятка серий итальянского «Спрута» хитрый, расчетливый адвокат Теразини строил козни милому, обаятельному комиссару Каттани.

В жизни же актер Франсуа Перье — адвокат Теразини — такой же милый и симпатичный, как комиссар Каттани на экране. Именно удивительный дар перевоплощения и вынужденное для любого актера периодическое раздвоение личности имел в виду Перье, озаглавив свою вышедшую в Париже книгу мемуаров «Профессия: лжец».

Сейчас Перье снимается вновь в «криминальной» роли — играет патрона спецслужб во французском телесериале «Горилла».

А комиссара Каттани «разжаловали»: Микеле Плачидо снимается в роли советского майора-десантника в кинофильме «Афганский излом». Фильм совместный — киностудии «Ленфильм», студии «Русское видео» ВПТО «Видеофильм» и итальянской компании «Клеми чинематографика». Режиссер картины — Владимир Бортко.

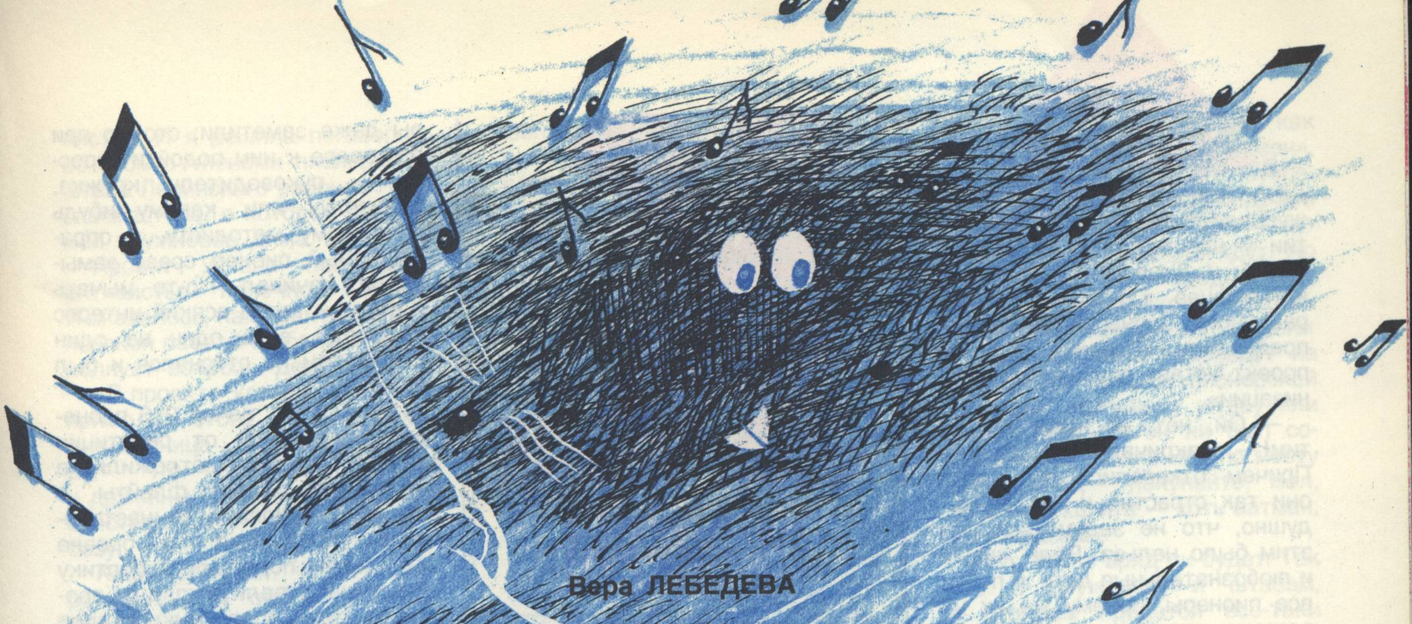
«Ламбада» в слезах

Прошлым летом Западную Европу охватила страсть под названием «Ламбада». Это — новый танец под ласковую тропическую мелодию, в котором кавалер ведет свою даму и они вместе выделывают стремительные и грациозные па. В течение нескольких месяцев «Ламбада» покорила Западную Европу, Восточную и проникла в наши дискотеки.

Бразильская группа «Каома», исполнявшая модную песню, семь недель подряд занимала первую строчку в перечне наиболее популярных пластинок, так называемом «Топ-50».

Казалось, успех «Ламбады» ничем нельзя омрачить. Заморская диковинка всем пришлась по вкусу. Но за «летом «Ламбады» пришла «афера «Ламбады». Как оказалось, чарующая мелодия родилась не в Бразилии, а девять лет назад — в Боливии. Называлась она тогда «Ушла в слезах», и автором ее был не Шику де Оливейра, а братья Эрмоса, солисты боливийской группы «Кхаркас». Настоящие авторы «Ламбады» собрались судиться с целью доказать подлинное авторство, но опытные адвокаты отсоветовали им это. По их мнению, братья не могли бы выиграть процесс.

Тогда Эрмоса утешились «джентльменским соглашением» — отныне их имена как авторов тоже будут фигурировать на дисках и кассетах рядом с де Оливейрой.

Вера ЛЕБЕДЕВА

Музыкальный мышонок

Однажды вечером Елена Дмитриевна, как это часто бывало, сидела на диване с гитарой и тихонько перебирала струны. И вдруг откуда-то из угла возник малюсенький серый мышонок и застыл посреди комнаты, сложив на груди крохотные лапки. Она продолжала играть, боясь переменить позу, чтобы не спугнуть этого своего единственного слушателя. Играла долго, до поздней ночи, и все это время мышонок вежливо слушал. Исчез лишь после окончания концерта.

На следующий вечер, взяв в руки гитару, она то и дело поглядывала в угол: не появится ли мышонок опять? И он появился. Появился он и в третий раз, и в четвертый... Постепенно Елена Дмитриевна так к нему привыкла, что стала даже слегка беспокоиться, если его долго не было. На полу клала она ему теперь какое-нибудь угощение: то сухарик, то сыру кусочек, то колбаски. От гостинцев мышонок не отказывался, но обращал на них внимание — и это Елену Дмитриевну особенно трогало — лишь после того, как стихала музыка. Все вечера, забросив свои хозяйственные дела, проводила она теперь с гитарой. Об этом мышонке она мне когда-то сама рассказала, признавшись, что даже днем, на работе, о нем вспоминает: как бы не попал в чью-нибудь мышеловку или кошке в лапы не угодил.

Я тоже искренне желала этому мышонку прожить как можно дольше. Потому что Елена Дмитриевна была уже пожилой и очень одинокой женщиной.

* * *

Зимний приятель

Давно это было, когда еще лесных птиц в зоомагазинах продавали. Купила я там себе однажды осенью снегиря. Назвали его Гурей. Буквально за несколько дней Гуря стал всеобщим любимцем. Вел он себя так, будто был в высшей степени доволен тем, что у нас поселился. Охотно брал из рук угощения, давал себя погладить. Особенно любил он, когда его из клетки во время обеда выпускали. Со временем он даже стал стучать клювом в дверцу, если мы садились за стол, а он оставался в клетке. Как только дверцу открывали, снегирь летел на стол, прогуливался между тарелками, подбирал крошки, а иногда и из чьей-нибудь тарелки приглянувшийся кусочек стаскивал. Или просто комунибудь на плечо садился и наблюдал оттуда за всем происходящим. Еще любил Гуря посещать окна. Они для него двоякий интерес представляли: с одной стороны, можно было посмотреть на улицу, с другой — отведать немного кактусов: витамины все-таки. Последнее, впрочем, строго-настрого ему запрещалось, поэтому делал он это разве что украдкой. В свободное от всех этих занятий время Гуря сидел в клетке и тихонечко насвистывал незатейливую свою песенку.

И прожили мы так с Гурей, можно сказать, душа в душу всю осень и зиму. Весной же его вдруг будто подменили. Стоило теперь протянуть к нему руку — и он ни за что не хотел упустить случая пребольно клюнуть. Когда кто-нибудь подходил к его клетке, Гуря весь как-то ощеривался — раскрывал клюв, ставил перья дыбом — и начинал шипеть. Со временем он стал это делать даже в том случае, если кто-то хотя бы вскользь упоминал в разговоре его имя.

И то сказать: весна есть весна. Весной гораздо важнее дела есть, чем в клетке свистеть да кактусы на окнах клевать. Так что пришлось Гурю выпустить.

* * *

Найда

Каждый вечер, как только начинали сгущаться сумерки, я отправлялась на другой конец деревни за молоком. И каждый раз, где-то в середине деревни, напротив дома Андреевых, выкатывалась мне под ноги коричнево-белым клубком собачонка Найда. Я останавливалась, гладила ее, чесала у нее за ушами, принимала ответные знаки собачьего внимания и шла дальше. Найда немного меня провожала и возвращалась к своей калитке.

Процедура эта повторялась ежедневно, и я настолько к ней привыкла, что была крайне удивлена, когда однажды Найда, подбежав ко мне, выскользнула вдруг из-под моей руки и заспешила обратно к своему забору. Я продолжала стоять. Найда же тем временем начала торопливо раскапывать снег у забора. В снегу оказалась куриная лапка. Откопав, Найда потащила ее в мою сторону, положив лапку у моих ног, она немного отступила и уселась столбиком, глядя мне прямо в глаза. И тут до меня дошло, что это она меня угощает.

Вот ведь как: собака-то, выходит, догадливее меня оказалась. Каждый день хожу, слова говорю ласковые, за ушами чешу, а сахару кусок в карман положить или пряник какой-нибудь так ни разу и не сообразила. До сих пор вспоминать стыдно.

Рисунок А. ГРИШИНА.

Как пионеры читали проект Устава

и еще о многом другом

«Не хочу обсуждать...»

В Московском городском Дворце пионеров я веду кружок журналистики. Как-то на занятии у нас осталось свободное время, и Дима Седов, один из кружковцев, к тому же и член районного пионерского штаба, предложил: «Давайте обсудим проект Устава пионерской организации».

— Ой, нет, не надо, не хотим! — закричали кружковцы. Причем отказались обсуждать они так страстно и так единодушно, что не задуматься над этим было нельзя. Ведь живые и любознательные дети, и почти все пионеры, почему же их не волнует, что происходит сейчас в пионерской организации?

— Почему, вы можете объяснить?

И вот что они в ответ написали.

«Да, у меня нет никакого желания обсуждать проект, хотя раньше одноклассники называли меня «запирнеренной», вставали по стойке «смирно» и отдавали мне салют, когда я входила в класс. Я дрожала перед пионервожатой и выполняла каждое ее поручение. А сейчас мне все это надоело. Я поняла, что пионерская жизнь — это скука. Между собой ребята кроют ВПО настолько, насколько им позволяет лексикон, а при учителе сразу замолкают. Лучше бы у нас не было одной организации, а существовали бы разнообразные отряды, в которые ребята объединялись бы по желанию. Галя В., 7-й класс».

«Идеи пионерской организации кажутся мне утопией. Такого никогда не будет, ведь все люди — разные, и нельзя их всех равнять под одну гребенку. Надо создать альтернативные организации и наделить их такими же правами, какие есть у ВПО. Если маленьким детям хочется быть пионерами, то, вступив в ВПО, они понимают всю ее бесполезность. И никакой Устав не изменит положения. Катя Р., 9-й класс».

«Я думаю, что нет смысла обсуждать пионерский Устав, потому что какой Устав будет, такой и будет. Все равно, все, что там напишут, никогда не осуществится.— Витя Т., 6-й класс».

«Меня не интересует, что происходит в пионерской организации, потому что все, что там делается, делают взрослые. И от Устава ничего не изменится.— Сережа Г., 7-й класс».

«Я не хочу читать Устав пионерской организации по нескольким причинам. Во-первых, он написан сухим, казенным языком. Может, его и будет интересно читать пионервожатым, но не ребятам. Но, даже если бы он был написан повеселей, с картинками, я все равно бы читать его не стала. Я не верю, что Устав может что-то изменить. Я думаю, что написан он лысыми дядями и строгими тетями в больших очках.— Рита М., 7-й класс».

«...И вообще будет ли принят этот Устав, нет, не все ли равно? — Рома Д., 9-й класс».

Экспресс-опрос «пассивной массы»

Ну, хорошо, может, в том кружке случайно собрались все такие равнодушные к пионерской жизни? А что думают другие пионеры? И мы с кружковцами решили провести «экспресс-опрос» тех ребят, кого мы встретим в этот вечер во Дворце.

Конечно, наш опрос не научное исследование, и картину, полученную нами, нельзя перенести на всю организацию, но подумать над ней можно. Хотя бы потому, что ответы мы получили очень откровенные. Юнкоры даже заметили: стоило при разговоре к ним подойти взрослым — руководителю кружка, родителю или какому-нибудь дежурному методисту, и опрашиваемый пионер сразу замыкался, начинал что-то мычать в ответ и терял всякий интерес к беседе, зато один на один с юнкором не стеснялся и был раскован.

Итак, в тот вечер 216 пионеров отвлеклись от репетиции нового спектакля, отложили на несколько минут флейты и скрипки, прервали гимнастические упражнения на бревне и кольцах, подплыли к бортику бассейна, отвели взгляд от пробирок, окуляров микроскопов или мольбертов и даже на время перестали жевать сосиски и коржики в буфете, чтобы честно ответить на наши вопросы.

— Тебя волнует то, что происходит сейчас в пионерской организации?

— Да,— сказали 118 пионеров.

— Нет,— заявили 98.

— Не знаю,— промямлили 18.

Записали юнкоры и единичные резкие высказывания: «Распустить всех пора! Белиберда! Все это ерунда!» Нашлась среди опрошенных и парочка таких, кого вопрос искренне встревожил: «А что там происходит?»

— Ты читал проект Устава пионерской организации?

— Да,— сказали 56 пионеров.

— Нет,— ответили 128.

— Все понял? — спросили юнкоры тех, кто читал.

— Да,— сказали 37 пионеров.

— Примерно, — ответили двое.

— Как ты думаешь, этот Устав изменит что-нибудь в пионерской организации?

— Да,— сказали 23 пионера.

— Нет,— заявили 25.

— Не знаю,— растерялись 10 человек.

Как видите, появление очередного нового документа рядовым пионерам оптимизма не прибавило.

Разговор о деньгах и дворцах с пионерскими активистами

Но то — мнение «пассивной массы». А какие надежды возлагают на Устав пионеры-акти-

висты? И я решила поговорить об этом с членами пионерского штаба Ленинского района г. Москвы, штаба, в котором состоит мой кружковец Дима.

Проект Устава пионерские активисты, конечно, читали. И оказалось, как практиков пионерской работы их больше всего волнует вопрос... денег.

«В проекте Устава сказано,— прямо с этого начала восьмиклассница Наташа Асташева,— что пионерские отряды и дружины обязаны... создавать собственную материальную базу.

Каким образом? Через кооперативы? Они обычно бывают школьными, и заработанные деньги идут в распоряжение всей школы. Собирать макулатуру? Так много денег не получишь. А деньги и отряду, и дружине нужны. На те же стенгазеты, на клей, на краски, на награды лучшим пионерам, на проведение праздников...»

И Дима Седов, чуть только зашел разговор: «Что лично ты бы изменил в организации?» — сразу выпалил, что прежде всего организация должна иметь много денег.

А Лиана Висман, пятиклассница, считает, что надо сначала передать детям дворцы, а потом уж все само наладится.

Ну что ж, о деньгах так о деньгах. Хотя я бы начала наш разговор о бедах пионерской организации не с этого.

Но сначала расскажу вот такую историю. Несколько лет назад наш коллега, журналист, повез группу из пяти советских пионеров в Финляндию. А в Финляндии, надо сказать, различных партий чуть не два десятка. И принимала эту делегацию социалистическая партия.

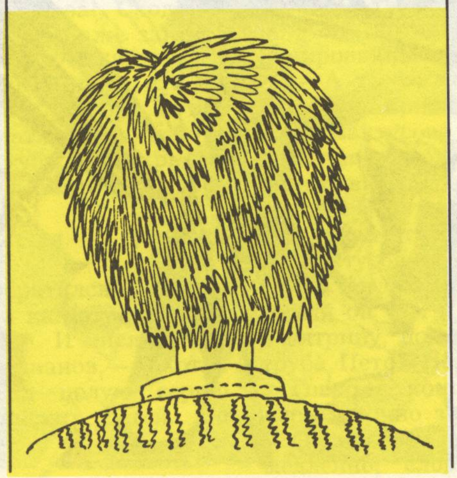
Хозяева решили провезти гостей по всей стране и спланировали поездку так. Вот фермер-социалист, партия его попросила: размести наших гостей в своем доме, покорми их несколько дней, а потом мы их передадим другому нашему товарищу. И фермер поселил их у себя, кормил за свой счет, развлекал... А потом передал товарищу по партии, владельцу частного такси. Таксист на своей машине и в свое свободное время тоже, значит, за свой счет, возил их по окрестностям, показывал ближайшие городки и курорты. А потом пионеров забрали другие социалисты...

Сначала мы удивлялись рассказам нашего коллеги, вернувшегося из Финляндии. А потом решили, собственно, чему удивляемся? Так и должно быть. Если человек вступает в какую-нибудь партию или общественную организацию, значит, он готов отдавать свои силы, свое время и свои деньги на решение тех проблем, которые волнуют эту партию или организацию. ОТДАВАТЬ. Так было везде и всегда. А когда у нас только одна партия, одна детская организация, да еще партия, находящаяся у власти, да еще детская организация, почти слившаяся со школой и обязательная для каждого ребенка (так было еще совсем недавно), мы забываем, что мы должны отдавать, мы, наоборот, хотим еще что-то получить, еще что-то выгадать от того, что мы являемся членами единственной правящей партии, единственной молодежной организации (не вступишь в комсомол — не примут в институт), единственной организации детской.

Выслушали меня штабисты, помолчали и говорят: «Все равно, раз в Уставе записано, что в пионерскую организацию должны отчислять деньги и государство, и КПСС, и ВЛКСМ, вот пусть и дают нам. Мы же дети, сами заработать не можем».

И еще немного рассуждений о деньгах, а также приближение к самому главному вопросу

И партия, и комсомол деньги в пионерскую организацию отчисляют и дальше будут отчислять, раз рассматривают пионерию как будущие свои кадры. Но эти деньги идут на зарплату вожатым, на такие лагеря, как «Артек», «Орленок», «Океан», «Молодая гвардия», «Зубренок»... На строительство домов и дворцов пионеров... И от государства деньги на это идут. Но я что-то не могу представить, что завтра райкомы партии и райкомы комсомола откроют в банке счета и переведут на них деньги каждой пионерской дружине, районному штабу или отряду, где бы он ни был создан — при школе или по месту жительства,— покупайте, мол, дети, что хотите — хоть ватман, хоть краски...

Нет, такое вряд ли будет. Так что и дружинам, и штабам, и отрядам придется все-таки вернуться к уже проверенным металлолому и макулатуре, уже знакомым кооперативам (там, кстати, могут работать и дети младше 14 лет) и всевозможным ярмаркам. И родители пионеров иногда могут отрядам чем-то помочь. И взрослые члены пионерской организации будут теперь ее поддерживать своим рублем.

Есть и еще один источник дохода отрядов, дружин, штабов. Но только деньги там можно получить не на личные нужды отряда, а на его полезную деятельность. Самые разные организации, предприятия и частные лица могут дать деньги пионерскому отряду или дружине на ДЕЛО, которое они, взрослые, тоже поддерживают, тоже считают важным и полезным.

Какое же это может быть дело? И вот тут мы подходим к самому главному вопросу в пионерской организации. Потому что и деньги, и задачи организации, и структура, и все остальное именно от этого вопроса и зависят.

Это вопрос ЦЕЛИ. То есть ВО ИМЯ ЧЕГО мы объединились и чем наша организация отличается от всех других, какие уже есть или еще будут.

Сейчас, когда я пишу эти строки, на дворе — начало марта. Через несколько дней состоится Всесоюзная конференция пионерских работников, где вожатые, методисты и взрослые друзья пионеров будут обсуждать проект Устава. А может быть, предложат и другой проект. И уж обязательно будут спорить о ЦЕЛИ. Давайте мы сначала послушаем их споры и предложения и уж потом, в следующем номере, продолжим наш разговор.

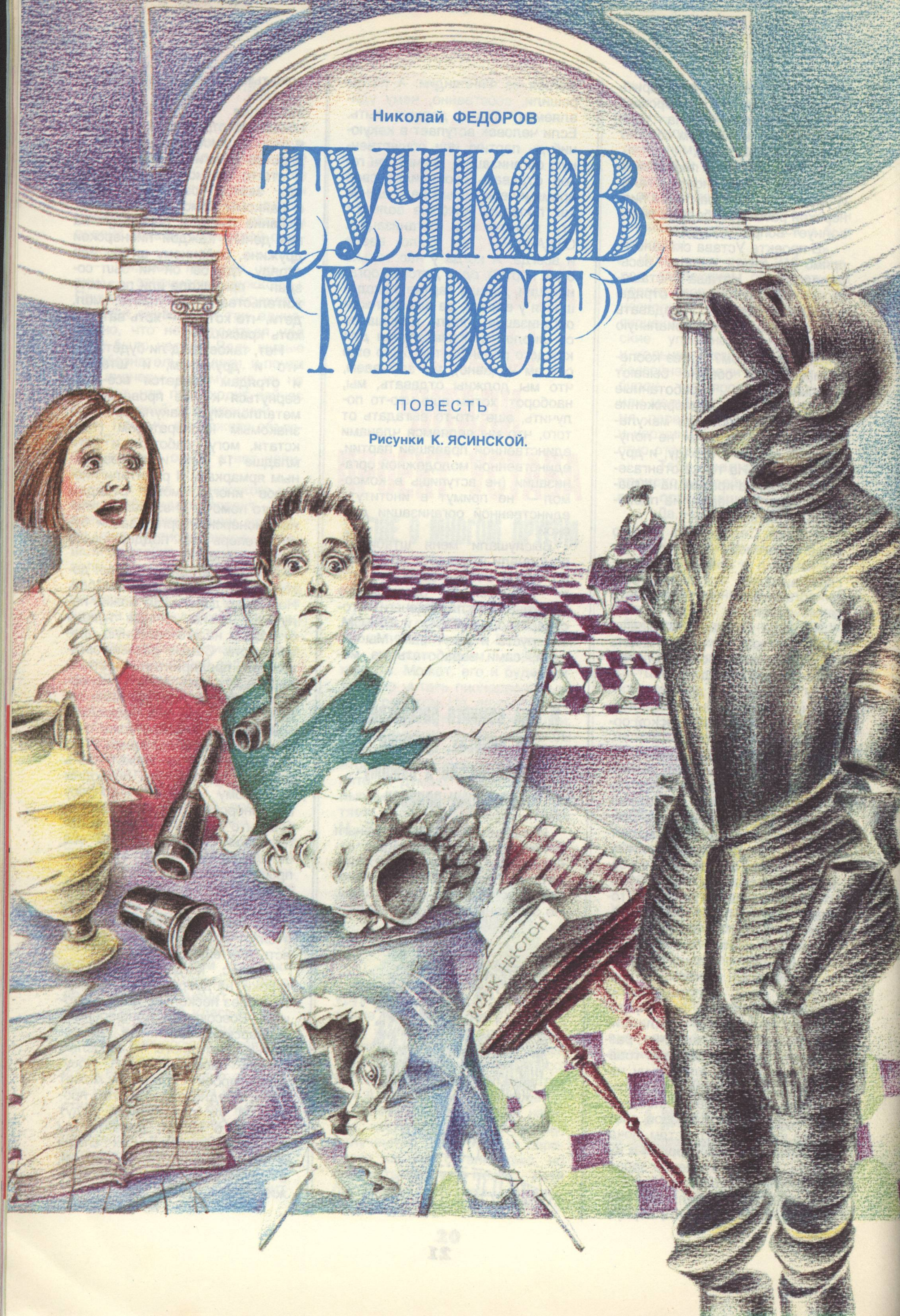
М. МАТВЕЕВА

Николай ФЕДОРОВ

ТУЧКОВ МОСТ

ПОВЕСТЬ

Рисунки К. ЯСИНСКОЙ.

Как Исаак Ньютон разбил подзорную трубу Петра Первого

Не люблю ходить по музеям с экскурсоводами. Конечно, они все тебе объяснят, разжуют, по полочкам разложат — в общем, просветят. Но говорят они так много и так быстро тянут к другим экспонатам, что в голове очень скоро винегрет образуется. Выходишь потом из музея и ни черта не соображаешь: когда Наполеон разбил Бонапарта? Почему вымерли кентавры? За что Иван Грозный убил красавицу Клеопатру?

То ли дело одному. Подойдешь к какой-нибудь старинной аркебузе, постоишь не торопясь, подумаешь: сколько же спичечных головок нужно в нее засадить, чтобы пальнуть?

И в этот раз, хотя Зинаида строго-настрого предупредила никому от класса не отставать, я незаметно оторвался и прямиком к стенду с мечами и саблями. Особенно меня заинтересовал двуручный японский меч самураев. Хотелось прикинуть, можно ли таким мечом харакири сделать. Но нет, для харакири меч явно не годился. Да и просто сражаться им было не очень-то удобно. Скорей всего меч предназначался исключительно для отрубания голов.

Я неторопливо побрел по залам, рассеянно поглядывая на старинные портреты в массивных золоченых рамах. Мысленно я пытался снять с них сверкающие вицмундиры, кирасы, фраки, кринолины и надеть простую современную одежду. Иногда это удавалось, и тогда передо мной возникали обыкновенные, очень симпатичные лица, какие можно встретить на улице, в метро или на стадионе. Вот если, например, эту светлейшую княгиню, у которой один веер из павлиньих перьев чего стоит (про платье ее немыслимое я уж молчу), обрядить в мамин серый халатик, в тот, что она по воскресеньям надевает, когда квартиру пылесосит, то светлейшая станет похожей на Петькину старшую сестру.

Меня это открытие здорово удивило, и я принялся разглядывать портреты внимательно.

Вот ведь, оказывается, в чем дело! Главное, забыть про их старинные одежды, про их парики, веера, лорнеты. И тогда неожиданно перед тобой возникают совсем близкие люди, такие же, которые окружают тебя в нашей сегодняшней жизни. Портреты вдруг и сразу стали живыми!

Не успел я об этом хорошенько подумать, как такое увидел, от чего рот у меня сам собой раскрылся, а внутри пустота образовалась. Передо мной на стене висела Оля Найденова! Сходство было таким удивительным, что мне даже захотелось ущипнуть себя за ухо. Причем никакие старинные одежды здесь не мешали, потому что на портрете была изображена только голова в небрежно накинутом полосатом платке. Лицо девочки было чуть повернуто, пухлые губы приоткрыты, а совершенно живые карие глаза смотрели с доброй насмешкой.

«А. Г. Венецианов,— прочитал я.— Девушка в платке».

— Скажите, пожалуйста,— обратился я к старушке, дежурившей по залу,— а как эту девушку зовут? Тут ни имени, ни фамилии. И числа нет.

— Алексей Гаврилович Венецианов,— охотно отозвалась старушка,— написал целую серию портретов крестьян и крестьянских детей. Но имен он нам не оставил. Почему? Да потому, что главное в этих работах не имя, а образ простого человека, его характер, движение души. Что же касается даты, то работу можно отнести к первой четверти девятнадцатого века. В этот период художником был выполнен весь крестьянский цикл.

«Да, сразу видно, наслушалась старушка экскурсоводов за свою жизнь. Уже нормально и говорить не может»,— подумал я и сказал:

— Интересно это у вас получается: у графини, урожденной княгини, и имя есть, и фамилия. И даже светлейший муж обозначен. А крестьянам, значит, не надо.

— Почему это у нас? — обиделась старушка.— Так в прошлом веке было заведено. Причем портреты знатных людей обычно на заказ выполнялись. Вы на это, юноша, не обращайте внимания. Старайтесь наслаждаться колоритом, совершенством форм, психологической достоверностью. Вот обратите внимание...

— Спасибо, спасибо,— сказал я, испугавшись.— Я все понял.

Последний раз взглянув на «Девушку в платке», я побежал искать своих.

Нашел я их быстро, незаметно примазался к толпе, так что никто и не заметил моего отсутствия. Экскурсоводша что-то говорила механическим голосом про совершенство форм, а я, отдышавшись, дернул Петьку за рукав и зашипел ему в ухо:

— Сейчас я такое видел — обалдеешь! Там, через три зала, Найденова висит!

Петька покрутил указательным пальцем у виска:

— Ты чего, совсем рехнулся?! Вон она рядом с Уклейкиной стоит.

— Ну ты и дуб же! — обозлился я Петькиной непонятливости.— Не сама же она там висит. Портрет ее.

Теперь Петька постучал костяшками пальцев по темечку.

— Все-таки ты псих. Кто же это будет Найденову в музее вешать?

— Да пойми ты: там портрет одной старинной девушки висит. В платке. Так вот, она на Найденову похожа — жуткое дело! Прямо копия.

— С тех пор, как ты в Найденову влюбился, она тебе везде мерекаться будет,— нагло заявил Петька.

— Да при чем тут влюбился,— сказал я, чувствуя, что краснею.— Сам-то ты на Шарабаеву глаза пялишь — смотреть тошно.

— Это я на Шарабаеву!..— возмутился Петька.— Ну ты вощe... Да я...

— Эй, потише вы,— прошептал всегда дисциплинированный Коля Пактусов.— Мешаете.

— А ты-то чего суешься. Тоже мне, ценитель нашелся, принц Бульонский,— сказал я и толкнул Пактусова в плечо.

Легонько толкнул, клянусь! Но Пактусов зацепился, видно, за что-то, за ковер, что ли, и стал падать. И вот он падает, а перед ним на деревянной такой этажерке стоит бюст! Исаака Ньютона. И Пактусов валится прямо на этот знаменитый бюст! Тогда Ньютон в соответствии с законом, который он сам и открыл, тоже падает и врезается в витрину, под стеклом которой лежит подзорная труба Петра Первого!

Говорят, кошмары бывают только во сне. Теперь я точно знаю, что такое кошмар наяву.

С ужасным визгом брызнуло витринное стекло, медленно, словно нехотя, повалились осколки

* Журнальный вариант.

Ньютоновой головы, подзорная труба Петра Первого распалась на три неравные части.

И сразу тихо стало. Замолчала, споткнувшись на полуслове, экскурсоводша, в немом оцепенении замерли ребята, застыла Зинаида, безумными глазами глядя на картину разрушения. Только Пактусов ошалело вскочил с пола и, для чего-то беспрерывно отряхивая брюки, сказал мертвым голосом:

— Это не я. Меня Болотников толкнул.

***

В кабинете замдиректора присутствовали: замдиректора, Зинаида Алексеевна, экскурсоводша, ученик Коля Пактусов и ученик Андрей Болотников. Я, то есть. Как говорит мой папа, последний по списку, но не последний по значению.

ЗАМДИРЕКТОРА. Ты хотя бы понимаешь, что ты наделал?

ПАКТУСОВ (отряхивая штаны). Это не я. Меня Болотников толкнул.

ЗИНАИДА АЛЕКСЕЕВНА. Помолчи, Коля. Мы уже это поняли. Товарищ директор не тебя спрашивает.

ЗАМДИРЕКТОРА. Так понимаешь или нет? Ну ладно, Ньютон — это копия была. Хотя тоже, между прочим, денег стоит. Ладно, стекло твои родители вставят, заплатят. Но труба! Петр Первый привез ее из Дании!

ЭКСКУРСОВОДША. Из Голландии.

ЗАМДИРЕКТОРА. Ах, оставьте, Эмма Борисовна! Разве это сейчас принципиально?!

ЭКСКУРСОВОДША. Да, да конечно. Вы знаете, Петр Лукич, пока я им рассказывала, я все время слышала в задних рядах какую-то возню, какие-то смешки, щелчки...

ЗИНАИДА АЛЕКСЕЕВНА. Андрей, объясни, что произошло. Я от тебя такого никак не ожидала. Зачем ты толкнул Пактусова?

ПАКТУСОВ. Да, он меня толкнул. Я за ковер зацепился и упал на этого... на Нептуна. (Отряхивает штаны.)

ЗИНАИДА АЛЕКСЕЕВНА. Да замолчи ты в конце концов! С тобой мы уже разобрались. Я спрашиваю, Болотников, зачем ты толкнул Пактусова?

ЗАМДИРЕКТОРА. Ты хотя бы соображаешь, что ты натворил? Ты отдаешь себе в этом отчет?

ЗИНАИДА АЛЕКСЕЕВНА. Ну хорошо, раз он молчит, может быть, Пактусов нам ответит, почему Болотников его толкнул.

ПАКТУСОВ. Это не я, честное слово. Меня Болотников толкнул, я за ковер зацепился и прямо на этого... лысого.

ЭКСКУРСОВОДША. Позвольте, на какого лысого?

На улице перед музеем, под моросящим дождем, поджидал меня друг Петя Мосин.

— Ну что, плохо? — спросил он и положил руку мне на плечо.

— Хуже некуда,— ответил я, вздохнув.— Главное, трубу жалко. Ни за что труба пострадала. А я что... Теперь мне крышка.

— Это я виноват. И зачем я с тобой спорить стал!

— Да ладно, Петя. Ни в чем ты не виноват. Такая уж у меня судьба.

Мы молча прошагали несколько кварталов, и вдруг Петя неожиданно сказал:

— Знаешь, Андрюха, когда тебя к директору повели, я пошел посмотрел на тот портрет. Ну, про который ты говорил, «Девушка в платке».

— Ага. И что?

— Понимаешь, похожа, конечно. Здорово похожа. Но та, на портрете... Она, как бы это сказать... Ну, добрая, что ли. А вот Найденова... Найденова не такая.

Продолжаем жить

«Главное,— думал я, поднимаясь по лестнице,— все успеть самому рассказать, пока Зинаида не позвонила. И рассказать папе. Если мама первая узнает — мне труба».

И как я это слово «труба» мысленно произнес, так совсем тоскливо стало. Хоть вой.

Я присел на ступеньку и зажмурился. И сразу перед глазами видение: белая ньютонова голова плавно, как в замедленной киносьемке, валится на гладкую, сверкающую витрину. А потом стеклянный взрыв и осколки, осколки... Море осколков. В общем, кошмар.

Только бы папа дома был. Он поймет. Ругать, конечно, будет, накажет, но поймет. А вот мама... Я уже заранее слышу, как она кричит: «Он может только гадить! Гадить — и больше ничего. Что к нему в руки попадет — все изуродовано, разбито».

Мама может устроить скандал из-за любого пустяка. Вот она, к примеру, приходит с работы и не обнаруживает в прихожей своих тапок. И тут же с порога: «Я сколько раз тебе говорила, не надевать моих тапок!» Я, конечно, бегу, отдаю ей тапки, а мне вслед опять: «Не ходи в носках по грязному полу, ты за день всю квартиру изгадил — ступить нельзя!»

Однажды мы с папой изготовили плакат с надписью: «Неумеренный гнев порождает безумие». Папа вычитал это изречение у какого-то философа. Плакат прикрепили на дверце шкафа, возле маминого трюмо.

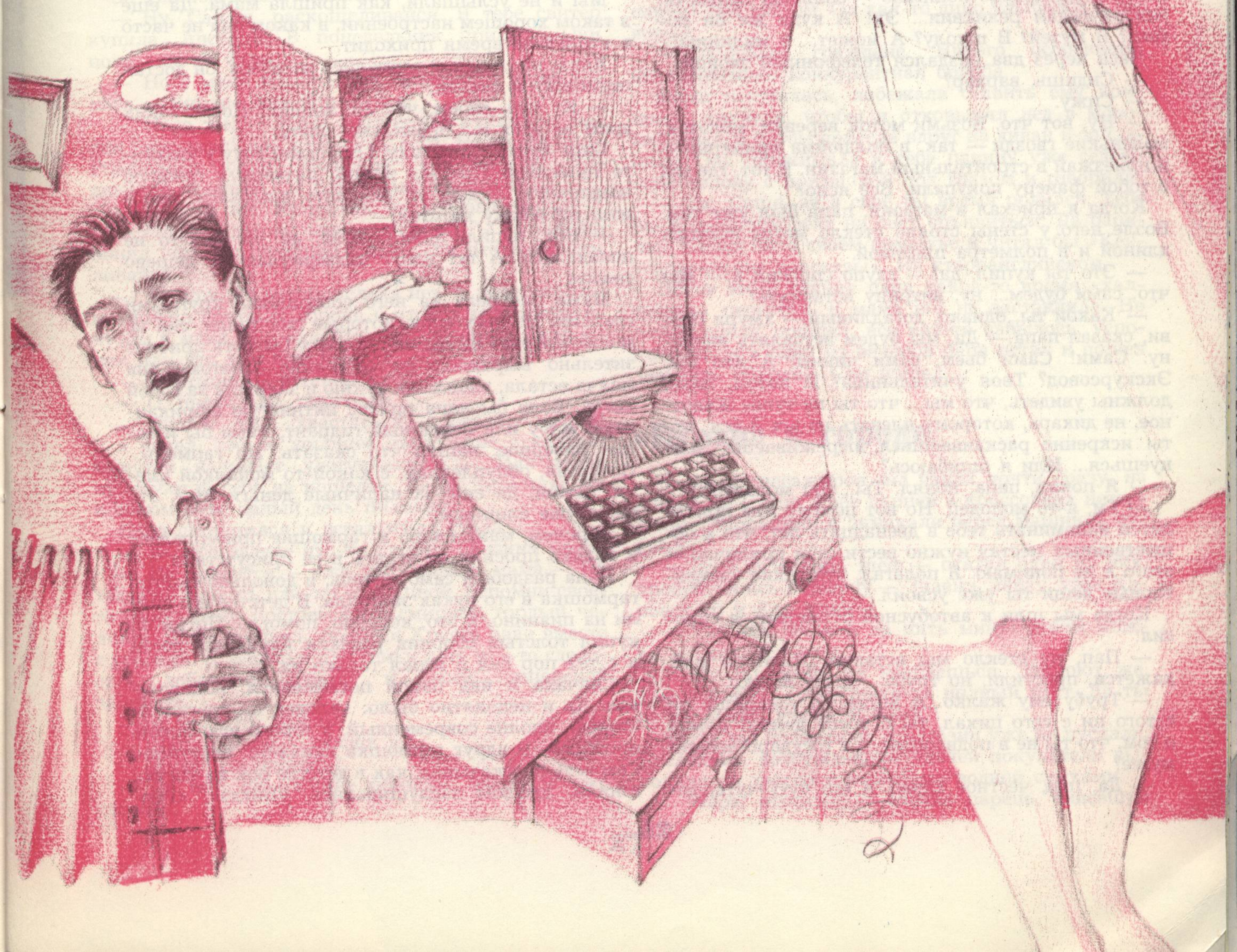
Вечером мама пришла с работы, прочитала написанное, засмеялась и добродушно сказала: «Господи Боже мой, два бездельника». Потом она подошла к плакату поближе, присмотрелась, и лицо у нее вмиг стало темнее тучи: «Да вы с ума сошли! Гвоздями в полировку!.. Ну, ну, нет слов!».

Плакат был гневно содран, а нам с папой досталось по первое число.

Конечно, мама бывает и доброй, и веселой. Просто она нервная. А нервная она потому, что работа у нее такая. Мама работает в торговле. Нет, с покупателями она дела не имеет. Она сидит в управлении. И весь самый-самый дефицитный товар через нее проходит. Вот этот проклятый дефицит и подорвал ее нервную систему. «Спекулировать я не могу и не умею,— говорит она иногда своим близким подругам.— А купить — для себя я всегда могу купить — у меня элементарно нет денег». Представляете, какая у нее нервная нагрузка: всякие там турецкие дубленки, немецкие миксеры, голубые финские унитазы — все это плывет перед ее глазами, сверкает, дразнит и... приплывает к другим. К тем, кто спекулировать и может, и умеет.

Конечно, если б, к примеру, я в торговле работал или папа — нам бы на все это барахло начхать было б. Нас на мякине не проведешь. Ну, а мама... Что с нее возьмешь, она женщина. Женщина — это не мужчина.

А денег у нас действительно всегда не хватает. И, главное, совершенно непонятно — почему. Отец работает, мать работает, алкоголиков нет. Семья, как это сказать, малодетная — один ребенок. Я то есть. Видеомагнитофонов не покупаем, в Швейцарские Альпы на каникулы не летаем, а денег нет. Вот нет, и все тут! Хоть ты тресни!

Впрочем, мама твердо знает, почему их нет. Она считает, что во всем виноват папа. Папа преподает английский язык в музыкальном училище, ну, и маму это просто бесит. «Ты бы еще нянечкой в детский сад пошел,— говорит она.— Горшки за детишками выносить. Ну какой ты, спрашивается, мужчина, если семью не можешь обеспечить. Вот ты все стучишь на машинке, изображаешь там что-то — бери халтуру. А что? Сейчас, между прочим, пятьдесят копеек за страницу платят. Или учеников возьми. Да мало ли что можно придумать! Ну сколько можно в нищете сидеть?!» «Бедность, сообразная закону природы,— большое богатство»,— туманно отвечает папа, и мама смотрит на него, как на умалишенного...

Папа был дома. Он сидел за письменным столом и печатал на машинке. Молча выслушав мой невеселый рассказ, он встал, надел плащ и сказал:

— Сиди дома и никуда не уходи. Я могу позвонить. А разговор у нас еще впереди.

И ушел.

Я ходил по пустой квартире из угла в угол, пил из-под крана сырую воду, и самые злые в мире кошки скреблись на душе: «Что же теперь будет? Наверное, из школы исключат. А может, и в колонию посадят... Ну почему мне так не везет? И трубу жалко, прямо до слез. Если б я не понимал, но я ж все прекрасно понимаю — большая ценность, историческая реликвия... Эх! А куда же он пошел? В музей? В школу? А может... в милицию?»

Часа через два раздался телефонный звонок:

— Сидишь, варвар?

— Сижу.

— Ну, вот что. Возьми моток веревки, молоток, маленькие гвозди — так, в полдюйма примерно — и приезжай в строительный магазин. В тот, где мы с тобой фанеру покупали. Все ясно?

Когда я приехал в магазин, папа был уже там. Возле него у стены стояло стекло метра полтора длиной и в полметра шириной.

— Это ты купил, да? — глупо спросил я.— Мы что, сами будем... ну, витрину вставлять?

— Какой ты, однако, догадливый,— хмуря брови, сказал папа.— Да, мы будем вставлять витрину. Сами! Сами бьем, сами чиним. А кто же? Экскурсовод? Твоя учительница? И потом, люди должны увидеть, что мы... что ты не тупое животное, не дикарь, которому плевать на все и вся, что ты искренне раскаиваешься, переживаешь, волнуешься... Или я ошибаюсь?

— Я понял, папа, понял. Ты... ты молодец!

— Гм, я-то молодец. Но вот почему мне приходится напоминать тебе в двенадцать лет, что в общественных местах нужно вести себя прилично,— этого я не понимаю. Я полагал, что такие элементарные вещи ты уже усвоил.

Когда мы шли к автобусной остановке, я спросил:

— Пап, ну стекло мы вставим, Ньютона мне, кажется, простили, но труба... трубу жалко.

— Трубу ему жалко. А когда ты товарища ни с того ни с сего пихал, ты о трубе думал? Думал о том, что ты не в подворотне, а в государственном музее?

— Да, пап, честное слово, я его чуть-чуть, дотронулся только, а он за ковер...

— Ладно, ладно, слышал я уже и про «чуть-чуть», и про ковер. Хватит.— Папа помолчал, а потом как бы невзначай буркнул:— А трубу я починил.

От этих слов я даже вздрогнул и остановился посреди тротуара.

— Починил?! Как починил? Не может быть?!

— К счастью, труба не разбилась, а только развалилась на составляющие ее части. Ну, мы с Петром Лукичом, с замдиректора, ее и собрали. Очень, кстати, славный человек, этот Петр Лукич.

— Папуля! — закричал я, не веря своим ушам.— Ты даже не представляешь, как ты меня... Эх, прямо гора свалилась! Эх, я так рад!

Я кинулся на папу и чуть было снова не разбил злополучное стекло.

— Ну, все, все, отставить веселье,— сказал папа.— Так или иначе тебя придется наказать. Раньше ставили в угол и не давали денег на кино и мороженое. Теперь это, конечно, устарело. Что ж, придется... придется наложить на тебя епитимью: десять дней не мыться, не чистить зубы и не готовить домашние задания. Следует также посадить тебя на сырую воду с сушеными акридами.

И хотя я понятия не имел, что это за епитимья и сушеные акриды, но я понимал, что папа уже шутит. И, значит, можно было продолжать жить.

Семейный портрет

— Какая идиллия! Поют. Ну, мальчики, вам пора по трактирам идти. С кепочкой. Такой дуэт...

Мы и не услышали, как пришла мама. Да еще в таком хорошем настроении, в каком она не часто в последнее время приходит.

Когда мы с папой вернулись из музея, он достал гармошку и сказал:

— Ну что, споем, что ли, вандал? После таких драм не грех и... правильно, спеть.

Папа купил гармошку в прошлом году у какого-то приятеля. Пришел домой, развернул грязную оберточную бумагу и, виновато улыбаясь, положил гармошку на стол:

— Вот, купил. Давно хотел, да все как-то не попадалась. А тут вдруг подвернулась, и дешево совсем...

Мама смотрела на него совершенно круглыми глазами. Из всех слов, которые она знала, она не могла выбрать ни одного, которое бы хоть приблизительно выражало ее состояние. Поэтому она молча встала, вышла на кухню и закрыла за собой дверь. Если бы папа принес пятнистую африканскую жабу или пожарный гидрант, мама бы и тогда, наверное, нашла что сказать. Но гармонь... Потертая, облупленная, с какой-то мочалкой вместо ремня, да еще за наличные деньги. Нет, это было уже слишком.

Впрочем, мама скоро к гармошке притерпелась и только просила не играть в ее присутствии.

Папа раздобыл самоучитель, и довольно быстро гармошка в его руках заиграла. В детстве его учили на пианино, и это, конечно, помогло. Потом он купил толстый сборник русских народных песен и с тех пор пел и играл только их.

Сначала я над папой посмеивался, подшучивал. Да и непонятно было: человек он совсем не старый, вполне современный, в городе всю жизнь прожил — и вдруг гармошка какая-то, частушки. Сам ведь рассказывал, как в детстве рок на костях гоняли, джазом заслушивались. «Битлз», «Рол-

линг Стоунз», «Пинк Флойд» — все это он знает хорошо, помнит. И вот на́ тебе — гармонь.

Однажды я у него спросил: в чем тут дело? Он помялся, помычал, потом сказал:

— Да я и сам не знаю. Это, Андрюха, какие-то генетические тайны. Что-то во мне древнее, русское заговорило. Иначе как объяснишь? Я ведь до десяти лет и козы живой не видел, в каменных джунглях рос. А песни, не скажи, хорошие. Где-то я читал, что песни оттуда же, откуда цветы. Не знаю, как насчет «тяжелого металла», а русские песни — точно, оттуда.

Постепенно я к гармошке привык, и мне даже нравиться стало. То ли папа хорошо играть научился, то ли еще почему, но однажды я не выдержал и начал ему подпевать. И так у нас сразу на удивление ладно получилось, что хоть на сцене выступай. К тому же когда сам поешь, то и песня совсем по-другому воспринимается.

С тех пор мы с папой частенько вместе поем. Когда мамы дома нет.

Но вот что удивительно. Песни эти старые, русские каким-то странным образом на меня действовать начали. Поешь и будто вспоминаешь какие-то далекие, седые времена, в которые никогда не жил и жить, конечно, не мог. Степь, ямщики, звон колокольчиков, скрип полозьев на морозном снегу — все это не просто представляется, но каким-то чудным образом вдруг оживает внутри, обретает запах, цвет, становится выпуклым, и кажется, еще немного, и ты вспомнишь что-то очень важное, происшедшее с тобой много сотен лет тому назад...

За ужином мама сказала:

— Ну, Сашок, раскошеливайся. Я тебе свитер купила. Австрия. В понедельник принесу. Они пока еще на базе.

— Но у меня же есть два свитера? — удивился папа.— Вполне еще приличные.

— Надо же! — Мама всплеснула руками.— Барон Ротшильд! Два у него уже есть! Не переживай, Рокфеллер, один, японский, коричневый, Андрюшке отдадим. Он совсем маленький стал.

— Почему же? Напротив, он здорово вырос.

— Отец, не заговаривай мне зубы. Ты прекрасно понял, что я о свитере говорю. Так что раскошеливайся.

— Я готов. Да вот кошелька нет. А действительно, дожил почти до сорока и что-то не припомню, чтобы у меня был какой-нибудь кошелек, бумажник или что там еще бывает.

— Портмоне,— вставил я.

— О, правильно, портмоне.

— Нашел чем хвастаться,— сказала мама, и я видел, что ее хорошее настроение с каждой минутой начинает улетучиваться.— Иди тогда и заработай себе на кошелек. Не на гармошке же в самом деле целый день пиликать.

Папа сморщился и встал из-за стола.

— Колесо заднее что-то стучит. Бензина мало.

— Не нравится,— уже зло сказала мама.— Ну тогда на паперть иди, ко всенощной. Вспомни своего обожаемого Достоевского: смирись, гордый человек. Вот и смирись, попроси Христа ради вместе с убогими. А заодно и для семьи хоть что-то сделаешь, добавишь десятку к своей нищенской зарплате.

— А что? Это мысль.

— Пап, пойдем,— сказал я.

— Куда? На паперть?

— Да нет, на машине поездим. Уроки я уже сделал.

— Интересно, когда это ты успел их сделать? — сказала мама.— А вообще иди. Все равно толку от твоих занятий — ноль.

Конечно, поверить в это трудно, но у нас машина есть. «Запорожец». По паспорту — «ЗАЗ-966». В народе такую модель в отличие от «Запорожца» горбатого называют «мыльницей». И действительно, маленькая, с округлыми, дутыми бочками, она здорово напоминает дешевую пластмассовую мыльницу.

Папа называет наш автомобиль «Буран» и при этом добавляет: «Корабль многоразового использования». А уж это истинная правда. Папа купил его лет пять назад у инвалида. Сколько лет на нем до этого ездили — неизвестно, так как инвалид, в свою очередь, тоже его купил. Так что о многоразовом использовании спорить не приходится.

Сначала папа назвал машину «Спейс-шатл», но потом, когда наши запустили такую же ракету, он немедленно переименовал ее в «Буран».

С некоторых пор, когда появились всякие частники, кооператоры, мама придумала для папы новую пытку: она заставляет его «халтурить» — возить по вечерам граждан, не сумевших поймать такси. Сначала папа сопротивлялся, говорил, что машина старая, изношенная, для этой цели непригодная. Но потом махнул рукой и поехал. Я-то понимал, что дело вовсе не в машине, а в том, что папе стыдно, стыдно и противно развозить по домам и кабакам всякую пьяную шваль. А именно такая публика чаще всего голосовала и лезла в кабину, рыгая и слюнявя шашлычными пальцами пачки денег.

Однажды папа пришел после «халтуры» с «фонарем» под глазом. Он как-то дико улыбался и говорил:

— Спокойно, граждане. Ничего особенного. Обыкновенная конкурентная борьба.

Мама испугалась, побежала ставить ему компресс, кричала, чтобы я отковырял лед в морозильнике, а потом присела вдруг на диван и заплакала. Она прижимала к себе папину уже седеющую голову с примочкой под глазом и говорила:

— Эх, Саша, не в свое ты время родился. Тебе бы в прошлом веке на свет объявиться. Да барином. Сидел бы в своем поместье и читал бы «Кентерберийские рассказы». На староанглийском.

После этого случая папа какое-то время «халтурить» перестал, и мама его не заставляла. Но потом синяк прошел, все как-то забылось, успокоилось, и в один из вечеров папа встал и пошел заводить «Буран». Сам пошел.

«Буран» в городе

Первых пассажиров мы взяли почти сразу, на нашей же улице. Двое парней в кроссовках нетерпеливо запрыгали и замахали перед машиной руками.

— До Кировского, шеф,— сказал один из них, просунувшись в дверцу.— Знаешь лавку, угол Кировского и Карповки?

— Так тут пешком за пять минут дойти можно,— удивился папа.

— Ну ты, шеф, не врубаешься. Закроют же. Там, говорят, «Сибирская» в полный рост. Да ты не волнуйся, треха за нами.

Когда мы подъехали, в магазин уже не пускали. Последние, возбужденные удачей покупатели выходили из дверей с набитыми водкой сумками.

— Черт, непруха! — сказал парень, сидевший

впереди, и, посмотрев на папу, добавил:— У тебя, мастер, в «бардачке» пузырь не завалялся? Двадцатник плачу.

Папа отрицательно покачал головой. Парень сунул трешку и вместе с приятелем вылез из машины.

На углу Барочной и Зеленина нас остановил высокий мужчина в дорогом темно-сером костюме. От него приятно пахло какой-то чуть терпкой свежестью, напоминавшей лимон.

— Мне к «Прибалтийской»,— сказал он, уверенно залезая в машину.— Но сначала на Ленина. Знаете кафе «Аврора»?

— Знаю,— сказал папа.— Есть там такой гадюшник с видеосалоном.

Мужчина засмеялся и, кивнув назад, в мою сторону, спросил:

— Сын?

— Он самый,— сказал папа.

— Мой балбес чуть постарше. Теннисом занимается. Ездил летом в Болгарию на соревнования. А на будущий год, если, говорит, какое-то там место займет, во Францию поедет.— Он повернулся ко мне и спросил: — А ты, студент, как, в теннис не играешь?

— Не, не играю,— сказал я.— Я в фантики люблю.

Но мужчина на мой юмор не обратил внимания. Из плоской бордовой пачки он достал длинную иностранную сигарету и, не спрашивая разрешения, закурил.

— Зря, зря. Теннис — игра джентльменов. Я сам каждое воскресенье на корты хожу. Чаще, к сожалению, не выходит. Дела.

— А вы, стало быть, джентльмен,— с улыбкой спросил папа,— аристократ?

— Да как посмотреть,— серьезно ответил мужчина.— В Бархатной книге моей фамилии нет. Ну, а если говорить о, так сказать, текущей действительности, то не жалуюсь. Кой-каких успехов добился. Так что если и не аристократ, то по крайней мере ударник.— Он засмеялся и добавил:— Социалистического соревнования. А что это у вас стучит?

— Да колесо заднее. Я его на вулканизацию отдавал, но плохо, собаки, сделали. Шишка какая-то образовалась.

— Ну, вулканизация, последнее дело. Все равно что салфетки штопать.

— У вас тоже машина есть?

— Да, у меня «Додж». В ремонте сейчас.

Возле кафе толпились, покуривая, парни. Девчонки в коротких, как шорты, юбках громко, неестественно смеялись. Когда мы подъехали, дверь кафе распахнулась, и здоровенный парень, под два метра ростом, спортсмен, наверное, бывший, выволок за шкирку какого-то крашеного, с наполовину выбритой головой панка. Бывший спортсмен пихнул панка под зад и равнодушно отвернулся, словно ничего примечательного не произошло. Увидев нашего пассажира, он живо подскочил к машине и торопливо пожал ему руку. Потом они, наверное, поострили насчет нашего «Бурана», посмеялись и скрылись за дверью кафе.

— Пап,— спросил я,— а что это за Бархатная книга?

— Есть такой старинный фолиант, где самые знаменитые русские роды записаны. Ну, там, Рюриковичи, Гедиминовичи. Бархатной потому называется, что переплет у нее из бархата малинового цвета. Нас с тобой там тоже нет. Хотя, знаешь, твой прадед, Алексей Дмитриевич, был дворянин. Не богатый, не знатный, но все-таки...

— Это что же получается, я тоже дворянин?

— Ты?— Папа повернулся и изучающе на меня посмотрел.— Вряд ли. Дворяне при всех своих недостатках были людьми воспитанными. И, уж во всяком случае, не устраивали погромов в музеях.

— Ну, пап, давай не будем больше об этом. Я серьезно спрашиваю.

— А если серьезно... По крайней мере знать об этом нужно. В конце концов не так важно, дворянин он был, крестьянин или священник. Важно помнить.

— А мой прадед, он когда умер?

— Он не умер. Его убили в восемнадцатом году в Петрограде.

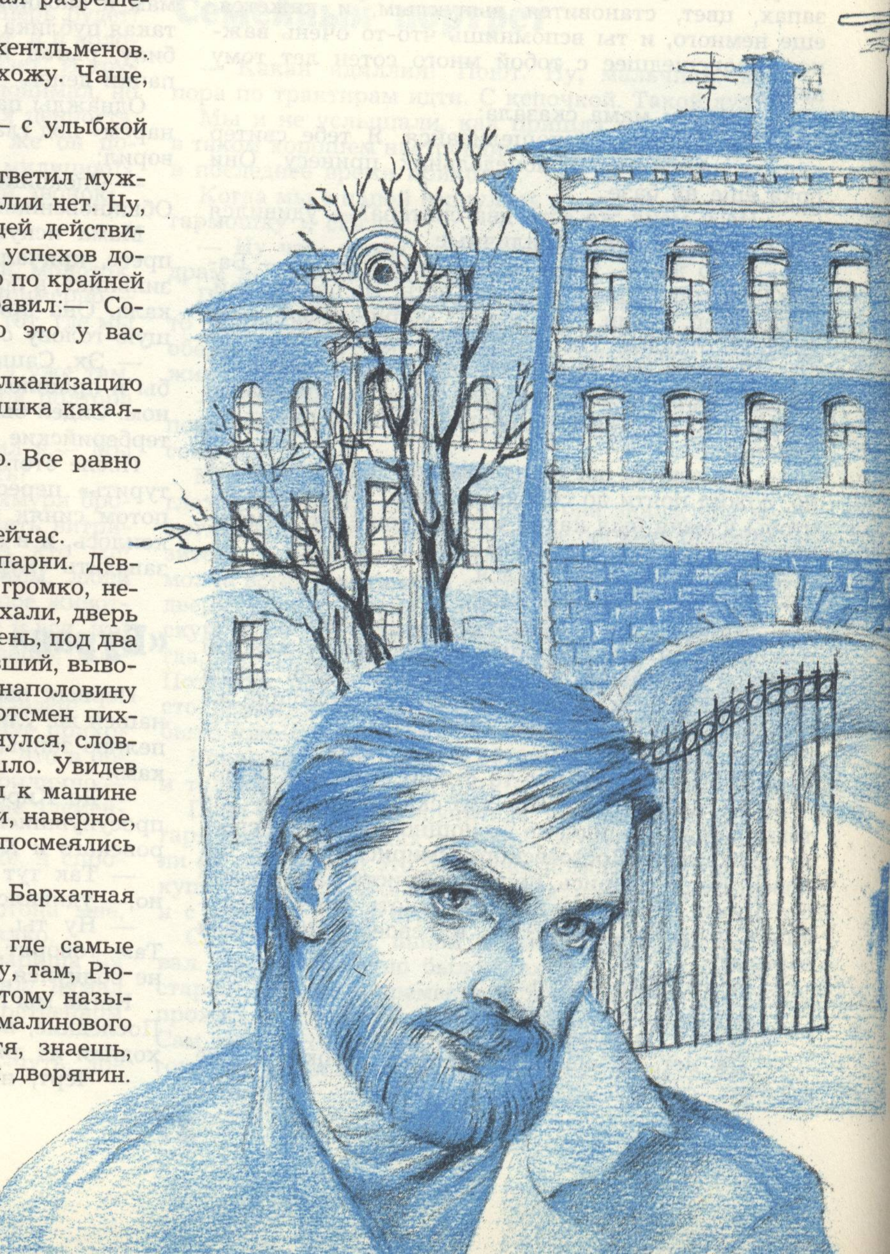
— Ага, понимаю, его, наверное, белогвардейцы застрелили.

Папа усмехнулся и покачал головой:

— Нет, его красные убили. Поставили к стенке и из нагана в затылок.

— Как так красные? Он что же, за белых был? Контра?

— Эх, Андрюха,— сказал папа и потрепал меня по голове,— серый ты мужик. А впрочем, ты не виноват — так уж вас учат. Да и меня так учили... Так вот, белогвардейцем твой прадед не был, а был офицером русской армии. Когда первая мировая война началась, его на фронт взяли, как и всех.

Стал офицером. Хотя на гражданке учителем работал в гимназии.

— За что ж его убили?

— Понимаешь, революция наша не такая простая была, как у вас в учебниках написано. Вот ты как себе все представляешь: рабочие с маузерами, солдаты в папахах с красными лентами. Но было и другое: тогда в Петрограде и расстреляли пятьсот шестнадцать офицеров и твоего прадеда тоже. Сначала им всем зарегистрироваться велели, как военным. А потом брали по списку — и к стенке... Без суда и следствия. Да и вообще без всяких объяснений. Офицер — в расход.

За разговором мы с папой даже не заметили, как вышел наш пассажир. Мы просто про него забыли. Но он про нас не забыл. Он решительно завалился на сиденье и коротко бросил:

— Теперь к «Прибалтийской».

По дороге он больше не проронил ни слова, сосредоточенно думая о чем-то. Да и мы с папой молчали, так как продолжать разговор при нем не хотелось. Когда мы подъехали к гостинице и остановились, пассажир продолжал сидеть, нахмурив брови и глядя в одну точку.

— Приехали.— Папа тронул его за плечо.

Мужчина очнулся, рассеянно посмотрел вокруг и молча вышел. Он уже поднимался по ступеням, но вдруг круто повернулся и быстро сбежал назад, к машине.

— Извини, приятель, размечтался,— сказал он, вынимая бумажник.— Это за простой у кафе. Купишь себе новое колесо.

И он положил на сиденье пятьдесят рублей.

Хлопнула и, как всегда, не закрылась дверца, пассажир исчез в гостиничной толчее, а папа молча сидел, вцепившись в руль так, что костяшки пальцев у него побелели.

Потом мы потихонечку ехали по Васильевскому, несколько раз прохожие голосовали нашему «Бурану», но папа не останавливался.

На одной из линий, пересекавших Большой проспект, он повернул налево и затормозил.

— Ну-ка, давай выйдем на минутку,— сказал он.— Видишь этот дом?

Мы стояли напротив старого шестиэтажного дома, с гранитным цоколем и с непременной полукруглой аркой, ведущей во двор.

— Вижу,— ответил я.— Ну и что? Дом как дом. Таких в Ленинграде много.

— Для тебя — много. А для меня один. Здесь я родился и жил до двенадцати лет.

— Правда? Так это ты меня на свою родину привез?

— Ну, можно и так сказать.

— А на каком этаже вы жили?

— На втором. Но окна не сюда, во двор. Давай зайдем?

Мы прошли темную, сырую подворотню и оказались в небольшом дворе, заваленном ящиками и картонными коробками.

— Ну, тут все, конечно, изменилось,— сказал папа.— Здания этого громадного с гастрономом не было, а стоял маленький, я бы сказал, полутораэтажный домишко — первый этаж наполовину в землю уходил. Так что он нам свет не загораживал. Кажется, домик тот не был даже кирпичным, а был деревянным, только оштукатуренным. А сам двор какой, Андрюха, был — ммм...

— Хороший, да? Как это, благоустроенный?

— Наоборот. Совершенно неблагоустроенный. А был он весь заставлен дровами. Поленницы, поленницы — настоящий лабиринт из поленниц. Знаешь, как в них играть было здорово! У нас там и штабы всякие были, и шалаши, и тайники. До сих пор помню запах сырых поленьев. А когда зимой дрова пилили, это вообще сказка! Мороз за двадцать, снег под ногами трещит, и запах свежих березовых опилок... Тебе этого не понять.

— А где ваши окна? — спросил я.

— Окно,— сказал папа.— У нас была маленькая комната с одним окном. Правда, двустворчатым. Да вон оно, крайнее слева. И дальше семь окон до угла — это все наша квартира.

— Такая огромная?

— Это еще не вся. Три комнаты выходили окнами на ту сторону, в совершенно глухой, темный колодец. Видишь, вторая арка — через нее туда можно попасть. Но была у нас в квартире совершенно уникальная комната. Собственно, комнатой ее можно назвать с большой натяжкой. До революции там находилась ванная. Метров пять квадратных, без каких-либо окон — только дверь и глухие стены, масляной краской выкрашенные. Так вот, представь, в этой каморке жила семья из четырех человек! Старуха мать — очень набожная староверка, двумя перстами крестилась,— ее дочь Нюра, зять Вася и маленький грудной ребенок. В комнате: кровать, сундук, на котором старуха спала, и фанерная тумбочка с деревянной щеколдой; с потолка на шнуре лампочка в сорок свечей без абажура свешивается, в углу над сундуком образа, лампада все время горит, на веревке пеленки сушатся. Такая вот картина. Семья эта приехала из деревни вскоре после войны. А фамилия у них почему-то была Брукнеры. Бывало, выйдет Вася Брукнер в коридор покурить: галифе солдатские, калоши на босу ногу и маечка синяя с заплатой на спине. А на плече татуировка — кремлевская башня и Сталин. Достанет «Звездочку» — были тогда такие папиросы, самые дешевые,— закурит и скажет: «Ну что, Михалнна, несть колун-то?» А бабушка моя отвечает: «Принеси, Вася, принеси, голубчик. Намучились мы с топором, дрова сырые». «Тогда, Михалнна, с тебя причитается — сто пятьдесят с прицепом». И засмеется. А во рту все зубы — стальные...

Папа замолчал и посмотрел на светящиеся окна второго этажа.

— А хорошо бы сейчас зайти,— сказал я.— Хотел бы?

— Нет, это бессмысленно,— ответил папа.— Дом уже побывал на капитальном ремонте, так что от старого — одни стены.

— А вы хорошо тогда жили? Лучше, чем теперь?

— Да как сказать... Конечно, люди прошлое свое идеализируют, особенно детство. И все-таки скажу, что мы жили лучше. Человечнее, что ли...

По дороге домой, когда мы переезжали Тучков мост, папа сказал:

— Ох, и побегал же я по этому мосту взадвперед. Сколько раз — не сосчитать. Мы когда переехали, я затосковал ужасно. Друзья, школа, двор — все это в один день от меня оторвали. Хорошо, что недалеко уехали. При каждой возможности я шмыг на улицу и бегом через мост, к друзьям. От нетерпения даже трамвай не хотел ждать. Прибежишь в старый двор, в поленницу заберешься и нюхаешь, в себя приходишь. А на новой квартире поленниц не было, там батареи уже стояли. Центрального отопления.

Было около одиннадцати, когда мы подъехали к нашему дому. Папа меня высадил, а сам поехал ставить «Буран» на стоянку.

Я уже взялся за ручку парадной двери, как вдруг услышал за спиной голос:

— Андрей!

Сердце у меня ткнулось куда-то в ребра и остановилось. Не хотелось ни отзываться, ни поворачиваться. Так бы, наверное, и простоял всю ночь, каждую секунду ожидая снова услышать свое имя.

Я обернулся и никого не увидел.

— Я тут,— послышалось с газона.— Иди сюда.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

Эдуард УСПЕНСКИЙ

ТРИСТАН и ПАВЛОВА, НА ВЫХОД!

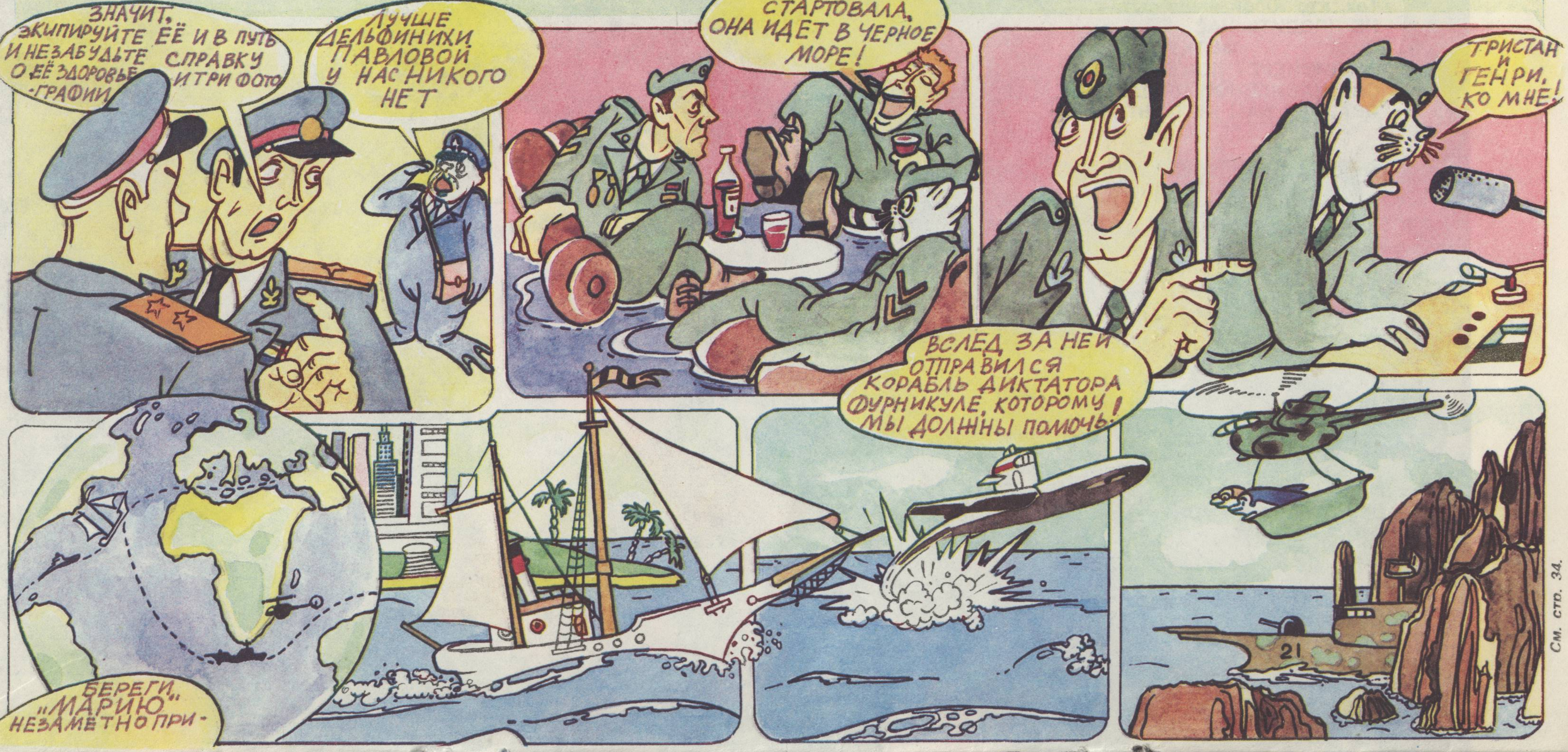
Рисунки А. МАЗАЕВА.

Однажды в очень далеком будущем, а может, и не в очень далеком, дельфины научились говорить по-человечески и поступили к людям на службу. Но так вышло, что давние приятели, дельфины Тристан и Генри и дельфиниха Павлова, попали на службу к разным людям. Никак не могли дельфины понять, почему в отличие от чудесного подводного мира мир людей разделен на множество стран, которые подчас относятся друг к другу не совсем дружелюбно.

Однажды из страны Колумбарии с миссией мира и дружбы к нам отправилась яхта «Мария», на борту которой поплыли министр иностранных дел с сыном. Сопровождение яхты было решено доверить вооруженной дельфинихе Павловой.

Руководителем нашей разведшколы служил морской котик Моржов.

В это же время идет разговор в кабинете рыжего морского котика на другом краю света.

См. стр. 34.

СТОП-КАДР КЛИП-КЛУБА

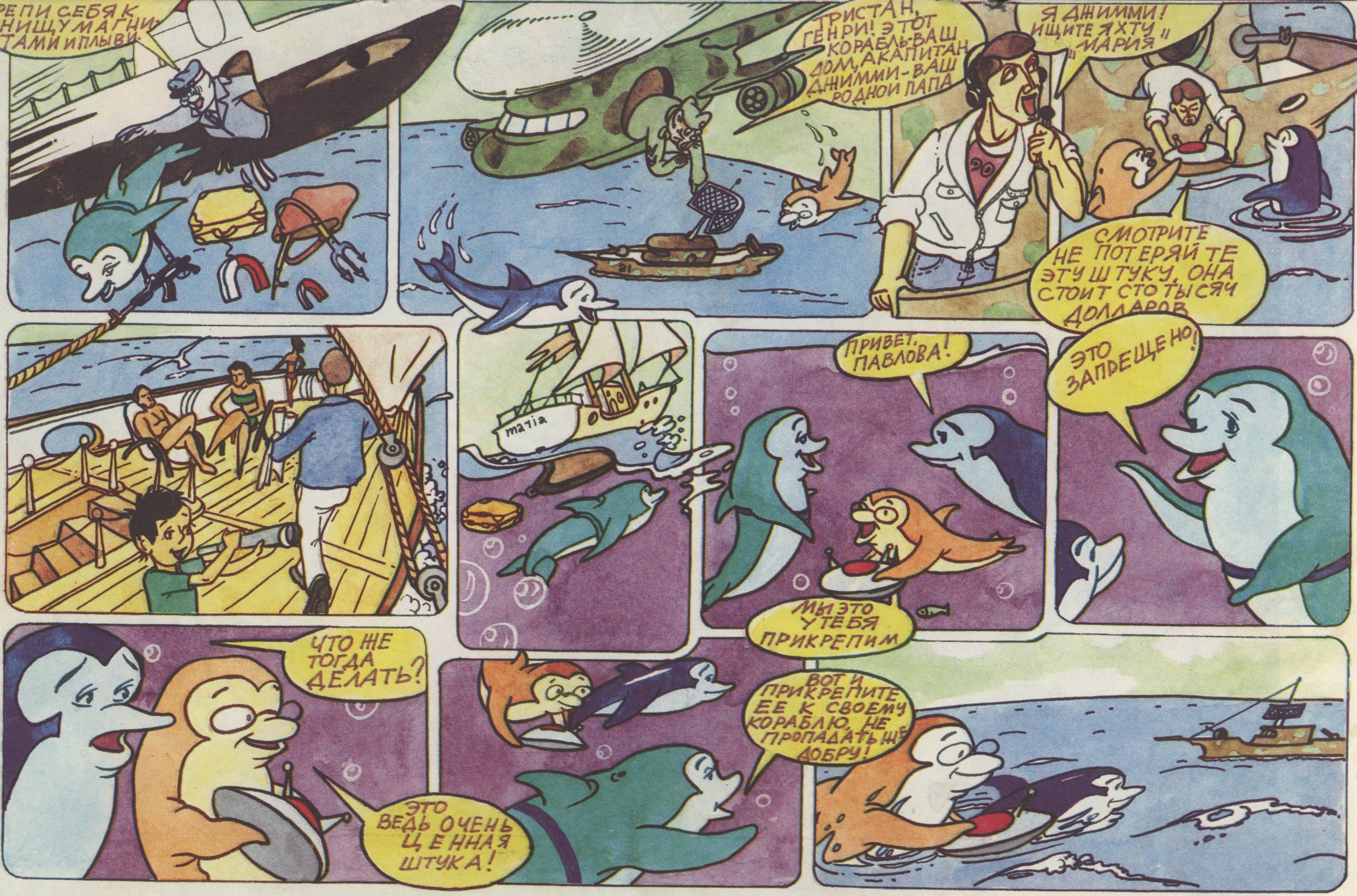
ЮРА ШАТУНОВ

Нате, дети дорогие,
Вот вам — Юра Шатунов!
Рассказали нам не вы ли,
Кто он, с кем он и каков?
И как отрок сей прекрасен,
Бело-розовый кумир?
Вопль ваш был не напрасен:
Вот он, Юра, юн и мил.
Мы за вас, ребята, рады:
Наш портрет украсит быт...
Но потребуем в награду —
Тех, кто Юрой ныне сыт,—
НЕ ПРОСИТЬ НАС
«ФОТКУ» ЮРЫ
В «ПИОНЕРЕ» ПОМЕСТИТЬ!
СЕЙ НАСИЛЬНОЙ ПРОЦЕДУРЫ
ДВАЖДЫ НАМ НЕ ПОВТОРИТЬ.

Фотография Е. МАТВЕЕВА.

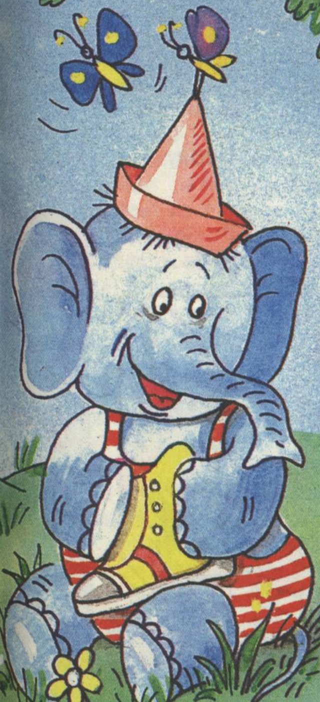
ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

В Ленинграде двадцатых — тридцатых годов выходили для ребят журналы «Чиж» и «Еж». Очень забавные журналы были. Давно их нет. А жаль. Вот мы и решили снова завести для вас «Чижа» в «Пионере». Он, конечно, поменьше, чем тот, давний. Но ничего, главное, чтоб был интересный!

А как же «Еж»? Посмотрим, может быть, и он где-нибудь зашевелит вдруг своими смешными колючками!

Рисунки Э. ДЕСЯТНИК.

Кобра

Дмитрий ФИЛИМОНОВ

Злая кобра жарким днем
Чай пила у дуба
И сломала сухарем
Два передних зуба.

А в зубах у кобры — яд,
Все об этом знали
И, конечно, все подряд
Кобру избегали.

Как теперь очкастой жить?
Хуже попугая —
Никого не укусить,
Вот беда какая!

И не в силах делать зло,
Став беззубой коброй,
Злая кобра всем назло
Стала коброй доброй.

Если ходит, то ползком
По лесной тропинке
И работает... шнурком
У слона в ботинке.

Мих. ЗОЩЕНКО

Умные животные

Я видел очень много умных животных. Об этом я когда-нибудь вам расскажу.

А пока надо сказать несколько слов об умных лошадях.

Собаки едят вареное мясо. Кошки пьют молоко и едят рыбок и птичек. Коровы кушают траву. Быки тоже жрут траву и бодают людей. Тигры, эти нахальные животные, питаются сырым мясом. Обезьяны грызут орешки и едят яблоки. Куры клюют крошки и разный мусор.

А скажите, пожалуйста, что кушает лошадь?

Лошадь кушает такую полезную еду, которую дети кушают.

Лошади кушают овес. А овес — это и есть овсянка и геркулес. А овсянку и геркулес дети кушают и благодаря этому бывают сильные, здоровые и смелые.

Нет, лошади не дураки: они кушают овес.

Лошади очень умные животные, потому что они едят такое полезное детское блюдо. Вдобавок лошади любят сахар, а это тоже показывает, что они не дураки.

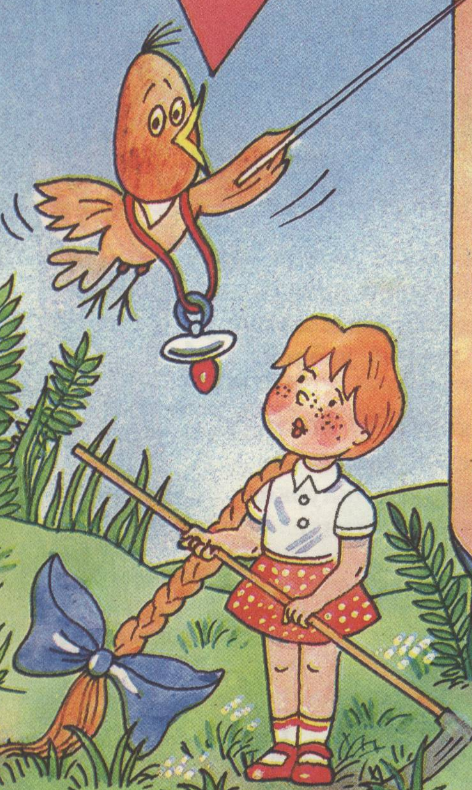
«Чиж», 1937 г.

Валентина ЛАНЦЕТТИ

ЗООБЕСЕДКА

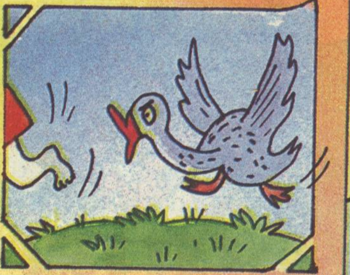
РЕБЯТА!

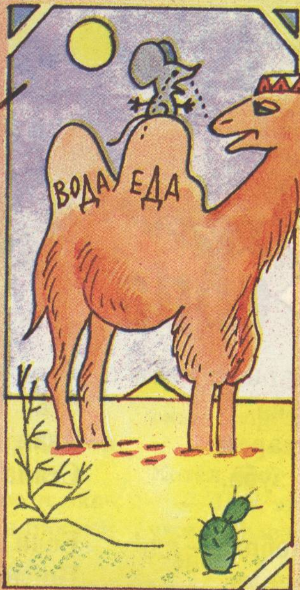
Давайте знакомиться с ними,
Забавными и смешными,
С животными и насекомыми,
С известными и незнакомыми!

Гусь

Белый-белый он, как снег,
Но летает лишь во сне.
Он шипит сердито...
Пусть!
Ведь его я не боюсь!

Верблюд

В пустыне жаркой, голой
Ему не страшен голод:
У верблюда два горба,
В одном еда,
В другом вода.
Но вздыхает он:
— Беда,
Не смогу я никогда
Даже друга угостить,
Если он попросит пить.

Коза

Она на дедушку похожа:
Он бородат и внучка тоже!

ПРЫГ-СКОК

Загадки

Ты упала мне под ноги,
Растянулась вдоль дороги.
На меня ты так похожа,
Будто я шагаю лежа.

(Тень)

Она и бантик носит,
Она и травы косит.

(Коса)

Скороговорка

Лось и лосось

В лесу живет Лось,
А в реке — Лосось.
У Лося в лесу лосята,
У Лосо́ся — лососята.

Дорога к дому

Подводим итоги викторины «Древо жизни» («Пионер» № 1 за 1990 год)

...Ждете — кто победитель? Никого не забудем — назовем. На столах у нас — горы рисунков. Народные костюмы, орнаменты, чертежики — вот так надо играть в «баранью лопатку» или «хромую ворону», а вот так можно берестяной коробок сделать, куклу из соломы. Не все нашли ответы на все те вопросы, что были в викторине, но зато сколько замечательного «лишнего» прислали! Тут и собранные присловья, и загадки, и рассказы, как их собирали, как искали в полузаброшенных деревнях, в древних кишлаках — кто старинную прялку, кувшин, колокольчик из праздничной конской сбруи, обрывок шелкового сюзанэ — вышитого покрывала — девичьего украшения. Есть письма — целые рассказы, а есть — где вовсе нет ответов, а только вопросы. Всего, словом, не перескажешь, но и мимо не пройдешь.

«А на вершине — я, Айгуль!»

Дима Гринько из села Семихатки нарисовал древо жизни вверх ногами. Корни заняли все небо, клубятся, будто тучи. Вот-вот из них прольется дождик, голубой и щедрый, какого ждет земля. А дерево ветвями будто обнимает землю, бережет.

«Ну вот,— сказал наш художник,— а мы думали, ребята поленятся, срисуют то дерево, что мы нарисовали, и пришлют». Помните — в журнале, где были условия игры,— во всей красе и древо жизни разрисовано, и в самом деле тогда подумали, что помешаем каждому, кто захочет придумать свое «дерево».

Ошиблись! Вот Дима, скажем, совсем не случайно нарисовал вверх ногами,— наверное, услышал или разузнал древнюю-предревнюю легенду про древо жизни, в корнях которого, как в облаках на небе, таится живая вода, а внизу, с листьев, мед стекает, как ручьи, и еще в листьях прячутся плоды «от всех дерев»... В такое дерево верили многие древние племена, оно казалось им похожим на великанский дуб.

Впрочем, в каждом народе свои легенды о древе жизни. И еще на одном рисунке увидели мы голенастый саксаул среди жарких песков, а на сухих ветвях его растет... мороженое, сливочное и даже эскимо! Шутка, конечно. Но только неспроста мы разговор ведем о древе жизни, совсем по-разному нарисованном ребятами,— ведь часть рисунков вы тут и сами увидите.

Нет, неспроста. Важно, что думают, что пишут про это. «Мне четырнадцать,— пишет Ира Иванова из г. Шелехова, из Сибири.— Я что хочу сказать: чтоб сохранить хорошие отношения между народами, каждый человек любой национальности, где бы ни жил, пусть к древу жизни привьет свою веточку. И дерево не угаснет».

«На дереве уже пропавшем, сгнившем, еще теплится жизнь»,— объяснила свой рисунок Катя Муратова из Краснодара. Черным закрасила она обрубок поваленного дерева, робкая зеленая ветка клонится, хочет уцелеть.

Не хотели мы сегодня — о плохом... О взрослых ссорах, вражде, подожженных домах, выстрелах... Почему не хотели? Верьте: Катино письмо — ОДНО-ЕДИНСТВЕННОЕ из 1204-х писем, что пришли в ответ на викторину. О бедах, о раздорах — не хотят!

Вот что придумала Айгуль Исмаилова из поселка Чишмы, что значит «ручьи». «Мы с мамой хотим сделать древо нашей родословной. Очень большая семья у нас, и дерево выйдет высокое, около корней — кортэтэ, нэнжея (бабушки, дедушки), мама, папа, вся родня, все дети. Пока на дереве только имена: вот Азамат, вот Руслан, Артур, Динара, Гузель, Илюса, Роза... А на вершине — это я, Айгуль! Я никому и никогда не дам поссориться».

Про эшелон и козу однорогую

Олеся Бовдур не разгадала про памятник — тот, что был у нас на фотографии. Тот, что стоит в Ташкенте и воздвигнут в честь семьи кузнеца Шаахмеда, приютившего в войну четырнадцать детей — сирот разных национальностей. «Но я знаю другую историю,— написала Олеся.— У нас под Полоцком, в Белоруссии, жил-был детский дом...»

...Жарким летом 41-го, только кончились занятия, пятнадцать ребят из детского дома подались в лес. Они знали там свою Кукушкину поляну и лесной пруд, куда каждое лето отправлялись купаться и жили в шалашах. Путь на Кукушкину поляну был долгий и запутанный, другие выбирали место для шалашей поближе. В один июньский день, на рассвете, все проснулись, как от грозы. Гром прокатился раз и другой, а дождя так и не было. В пруд со свистом влетела бомба. Еще взрыв, и еще, но тот, кто бомбил, вряд ли разглядел шалаши. В первые дни войны, как рассказывали потом сельчане, фашист бил как попало — только бы шквально, не жалея свинца, только бы сжечь дотла хаты и землю и чтоб никто не успел спастись.

Никто не знал, почему, откуда взялись чужие самолеты. Разглядели кресты на крыльях, один приспустился и дал очередь по лесной просеке. И тут из густоты лесной появилась Аня, молодая их воспитательница,— наверное, одна и знала запутанную дорогу к Кукушке. Война! Так, в чем были, и подались к железной дороге. Ребят из детдома многих уже вывезли, Аня решила сама, времени не теряя, подсадить оставшихся ребят в какой-нибудь эшелон.

Их подобрали в вагон без крыши, из-под угля. Состав был грузовой, на нем везли в тыл какие-то станки. Так и началось скитание через страну. Аня сказала, что ехать им долго и далеко, до самой Сибири. Не было защиты от дождя. Солдаты, сопровождавшие эшелон, отдавали им хлеб или то, что удавалось раздобыть по пути. Укрыть только было нечем. Эшелон часто догоняли фашистские самолеты, и машинист то разгонял поезд, то останавливал. Как будто можно было спастись так от бомбы. На маленькой украинской станции стояли уже много дней. Смотрят — ведет солдат кого-то к вагону. Это был малец лет семи, он держал за веревку перепуганную, с одним рогом, козу. «Мы вдвоем в деревне остались,— говорил Ваня.— А вы кто — черти?» Ведь от угольной пыли, что въелась в стены товарного вагона, все были черным-

черные. Но и коза мало отличалась от черта. Ваня ее защищал: рог ей сбило осколком. Ваню взяли с собой — а как же еще? А он все уговаривал потихоньку козу, чтоб перестала бояться и все бы попробовали, какое у нее молоко.

На станции, уже где-то под Курском, они проснулись перепуганные — должно быть, утро, надо сено козе собирать, а темно. Солдат рассказал, что из села пришли бабы, привели хромого плотника. Всю ночь они делали для вагона крышу — из досок, камыша.

«Я знаю,— пишет в письме Олеся,— что в разных книгах много уже рассказано о таких эшелонах, где ехали дети. Может быть, эта история не самая жалостная. Ведь из детей никто не погиб, только болели. Довезли и Ваню, и козу. Но до Сибири, правда, они так и не доехали!»

...А вышло так. Они проезжали жаркую степь — шел уже август! Под самой Уфой эшелон стоял уже третий день. И опять пришли к эшелону люди. Несли хлеб, мед. Разузнав, что едут детдомовские «черти» — уголь так и не смывался в пути,— сказали: дальше вас не пустим. «Черти», как видно, порядком ослабели в пути. Еще через день пришел человек и сказал, что всем им отдают большой дом на окраине и они тут пусть живут, сколько хотят, а лучше до самой победы. Так коза, Ваня, пятнадцать белорусских ребят и Аня сошли с эшелона и в самом деле дожили в башкирском поселке до конца войны. Дали им огород, подарили корову, потом они сами завели пасеку. Про «воспитательницу Аню», как пишет Олеся, она узнала от своей бабушки. Они ездили к ней в Минск и на одной старой фотографии увидели всю компанию вместе с маленьким Ваней и, конечно, козой.

Во что играем?

...«Сначала выбираем, кто будет Панас. Он становится на что-нибудь шаткое: полено, кирпич. Спрашиваем: «Панас-Панас, а где квас?» У Панаса, ясно, никакого кваса нет. Тогда мы бьем ногой полено, и если не удержался, опять будет Панас...»

Эту «игру» мы нашли в одном из писем. Не будем называть, от кого оно пришло. Думаю, вряд ли на самом деле ребята играют в такую «народную игру». А еще вот:

«Мы играем в «курилку». Зажигаем тонкую лучину и, пока тлеет, передаем из рук в руки, а в чьих руках погаснет, тот должен спеть что-нибудь, но мы не поем...»

Нам хотелось, чтобы ребята прислали какую-нибудь интересную старинную игру, а мы бы ее напечатали в журнале: пусть и другие поиграют! Но больше было таких писем: «В народные игры у нас не играют, я только видел по телевизору: надо рассыпать по полу горох или другие зерна, и кто больше с завязанными глазами соберет в мешок, тот и выиграл. Папа сказал, что ерунда, вот они, когда были молодые, играли в городки, но это очень трудная игра, мы не сможем...»

Но, может, напрасно мы так огорчились, что исчезают старинные игры?

Интересно, наверное, играть в татарскую игру, про которую написал Маслаков Дима из г. Мензелинска:

«Станем в круг. Каждый по сигналу должен изобразить какого-нибудь зверя, или птицу, или охотника, закричав: эгей-гей! Охотник будет догонять меня, тигра, а волк — соболя или оленя. Кто первый догонит, тот победит...»

Девочка Шолпон (города не назвала) хорошо написала про игру «Хромая ворона» — «оксок-карга». По сути своей она похожа на эстафету, только передают ее не на бегу, а на скаку — на одной ноге,— должно быть, хорошо поразмяться в школьном дворе...

Может, и зря мы так расстроились. Есть в письмах и про известную восточную игру в баранью лопатку... Жаль, наверное, не того, что не знают старинных игр. А что вообще, наверное, мало прыгают и бегают, не строят снежных крепостей и не бегут на штурм, не скачут на лошадях,— где же в самом деле они, кони? Забыли национальную борьбу, ну, хотя бы якутскую... Там ведь было не так давно знаменитое село, из которого выходили потом чемпионы мира — борцы, тяжелоатлеты.

...«Мой отец сказал, что была игра стоящая — лапта, она не хуже американского бейсбола!» Так не хуже? Или похожа? Если похожа на бейсбол, то, может, стоит заняться?

Впрочем, зря мы в самом деле... Нельзя же вдруг выгнать ребят даже из плохонькой дискотеки и усадить на длинную лавку, чтобы пели и вышивали, как на «вечерницах».

А все-таки заметьте, как гордятся те, кто в своей стране придумал «ушу», «кунг-фу», «айкидо», «теквандо» и всякое другое. Найдите шотландца, который не сумеет изобразить «танец среди мечей». Или... американца, который в самом деле не сумеет научить, как играть в бейсбол.

Медовый и яблочный

Нет, зря мы все-таки сердились, что забываются старинные народные игры. «Третьим пунктом в празднике «сабантуй» была национальная борьба, и призом был баран»,— написал нам Керим Т., а адреса мы называть не станем, потому что сабантуй — замечательный праздник — есть во многих краях. Или вот навруз, когда все украшено цветами, а весна, только поманить ее — вот-вот войдет посмотреть, какие в ее честь песни-танцы, нарядны ли все местные красавицы. А сколько ждут солнца на Севере! Мчатся оленьи упряжки, чтобы собраться в тундре на празднике «Хейро» — откуда только не съедутся, за сотни верст! Миша Коноплем такой упряжкой управлял сам. Это недалеко от Норильска, где уходит за горизонт белый весенний снег и не спешит таять от соскучившегося по празднику солнца.

...Но вот и письма, в которых, как у Гали Суровцевой из Калужской области, проглядываются осторожные вопросы. Будто бы дед ее, как пустится в рассказы про их деревню в прежние времена, не забудет посетовать: сколько же ранее было на деревне праздников! А теперь все перепутано — и Рождество, и Маслена, и Пасха, Ильин день, Проводы зимы, Первомай, Праздник урожая (даже если неважнецкий урожай), и Спас яблочный, Спас медовый...

«Какие же праздники правильные, а какие церковные?» — спрашивает Галя. И прямо-таки запахло теми временами, когда нам, тогда еще школьницам, строго-настрого запрещено было пробовать весенний кулич или глядеть издали, как несут "освященные" куличи с горящей свечкой из храма. Но не о храмах сейчас речь. То — разговор отдельный. Все надо в людях уважать.

Речь о праздниках. Если расположить все эти дни по порядку, то получится не просто «календарь замечательных дат». Получится... что-то вроде расписания! Да, расписания — когда жарче начнет солнце светить. Когда весну встречать. Радоваться. Когда наступит «макушка лета» в один из июньских дней... Когда пора мед качать — Спас медовый. Ко-

гда большой яблочный сбор. Это значит — Спас яблочный... А самто Спас? При чем или ни при чем? Этот календарь-расписание, по которому Земля слушалась Солнца, несли мед пчелы, зрела антоновка, родился так давно, что и не сказать. Имена святых — уже много позже, когда появилось христианство,— как бы «присоединились» к тем дням, которые важны были, словно вешки по пути, что проделывают Солнце, трава, хлеб, яблони, и ее величество Земля...

И дед-то Галин мог бы все самое интересное рассказать: почему на Ильин день уже без такой охоты лезут в речку — считается, что начинает остывать вода к осени, а почему один из самых любимых праздников — все-таки разгар лета и именно этот прочнее всего сохранился в Галиных краях: Купальский праздник, Ночь на Ивана Купала, Иванов день... Надо сказать, что очень у многих народов и народностей праздник этот любимый. Олена Трач из Днепропетровска написала так:

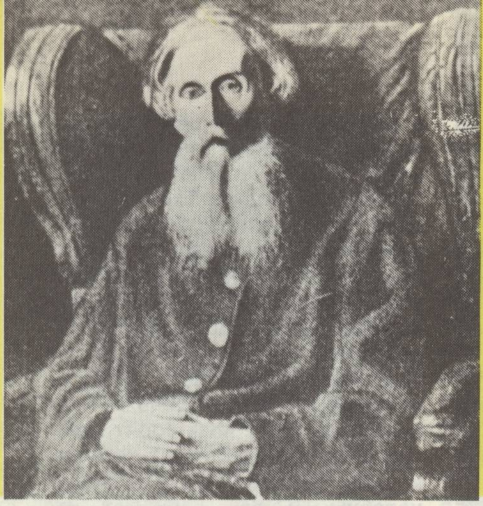
«...В этот день Солнце отправляется в свой зимний путь. Конечно, день жаркий, потому что лето в разгаре! Но день уже начнет убавляться, а ночь понемногу отнимать свое... И вот Солнце выезжает на небесный свод на трех конях — серебряном, золотом и алмазном. Как только не называли Солнце в разных краях — и Птица-Вертеница, и Огненный Щит. Но красна девица — Заря всегда провожает его и глаз не спускает с лесов и полей. Ровно в полночь должен расцвести огненным цветком папоротник — всего на миг, и улететь огнем. Тут — ищи клады... Там, где земля хоть чуть поката, особенно хорошо глядятся костры — целый праздник огней. Парни и девушки в венках берутся за руки и прыгают через костер. Если золу не задела, не попала на тлеющие сучья, перелетела через огонь — может быть, этот парень — твой суженый... В эту ночь водят хороводы, до рассвета горит веселье, игрища. Травы в ту ночь особенно целебны, и все собирают их, а только Заря проглянется — бегут, бросаются в реку или умываются росой. Купают коней, а потом прячут — чтобы ведьма не прокатилась, не замучила... Лешие могут тоже сыграть какую-нибудь злую шутку, но не обидную. Уже светает, и вдруг от главного костра, глядишь, покатилось с горы колесо, ведь колесо — тоже символ Солнца, Ярила, Птицы-Вертеницы».

...Про всякий праздник, когда природа дает какой-то свой знак человеку, отделяет весну от зимы, лето от осени, можно бесконечно рассказывать. «Если даже и празднуют по-разному, другие песни, пироги или цветы — Солнце у всех одно»,— пишет Олена. Нужно ли, очень ли нужно всегда напоминать людям об этом?

Если знаешь свой край, где цветут тюльпаны, золотится рожь, наливается соком виноград или выпрямляются гибкие, робкие северные березки, роднее, ближе тропинка к твоему дому. Святой и нетронутой пусть останется любая дорога, проложенная нами, людьми, к людям.

А. БЕЗБОРОДОВА.

Лучшие работы прислали: Долидзе Юлия из г. Бухары; Иванова Ирина из г. Шелехова Иркутской обл.; Мокровская Диана из г. Шуя Ивановской обл.; Мурзина Маргарита из г. Ангрена Ташкентской обл.; Лаврентьев Роман из пос. Новошахтинский Приморского края; Патт Алина из с. Ивановка Семипалатинской обл.; Рыжова Ольга из г. Новосибирска; Туреханов Мурат из Кегелейского р-на Каракалпакии; Заречкина Галя из г. Уфы; Кузнецова Таня из г. Луховицы Московской обл.; КИД «Планета» из совхоза «Степной» Казахской ССР; Дом пионеров им. Ю. Гагарина г. Ромны; Коллектив 6 «А» класса Майинской СШ Якутской АССР. Победители получат награды — книги, подарки, грамоты «Пионера».

НАДЕЖДА И ОПОРА

ПРИГЛАШАЕМ тебя вместе с нами перелистать страницы великой книги. Книга эта — «Толковый словарь живого великорусского языка», составленный Владимиром Ивановичем Далем.

Откроем ее на нужной странице: «толковый» произошло от «толковать — объяснять, давать чему-то толк, смысл»... Получается, что Далев словарь объясняет смысл слов, составляющих основу русского языка — великого, живого...

Но прежде о человеке, чьими трудами досталась современникам и потомкам чудесная эта книга. Начинал Владимир Иванович Даль как писатель — даровитый, но не слишком различимый среди ярчайших литературных созвездий прошлого века. Он собирал, обрабатывал, издавал народные сказки да и свои собственные попутно сочинял. Подписывал их романтическим псевдонимом — Казак Луганский: наверное, потому, что родился в украинных запорожских землях. И сегодня любит детвора Далевы книжки. Вспомни-ка «Старика-годовика», а в нем — незатейливые, сами собой запоминающиеся сказки, загадки, присказки, потешки... «Война грибов с ягодами», «Лиса и медведь», «Девочка-Снегурочка», «Медведь-половинщик», «Лиса-лапотница», «Журавель и цапля» — все это с детства памятно и дорого: по многу раз читывали их тебе отец, мама, бабушка. А выросши, ты и сам пересказывал младшим братцам и сестрицам бесхитростные, истинно мудрые истории, сочиненные народом и записанные бережной рукой собирателя.

Интересны сказки Казака Луганского? Еще бы! Но есть в них своя особинка. «Что за золото! — воскликнул Пушкин, перевернув последнюю страницу Далевой книжки.— А не дается в руки, нет...» Подарил Александр Сергеевич молодому литератору свою «Сказку о рыбаке и рыбке», надписав на ней трогательное посвящение.

Но иное воспоминание будит в нашей памяти соседство двух этих имен: «Я пришел к одру смерти и не отходил до конца страстных суток. В первый раз Пушкин сказал мне ты. Я отвечал ему так же — и побратался с ним за сутки до смерти его, уже не для здешнего мира».

Сто раз кряду прочти эти строки, а все равно комок к горлу подступит, как дойдешь до сцены горестного прощания: «Умирающий, несколько раз, подавал мне руку, сжимал ее и говорил: «Ну, подымай же меня, да выше, выше,— ну пойдем!..»

Как увлекла молодого выпускника Петербургского морского корпуса могучая, ранее никем не измеренная стихия живого русского языка? Как надумал он посвятить свою жизнь собирательству и огранке драгоценных россыпей? Вот что рассказывает об этом писатель Мельников-Печерский:

«По дороге из Петербурга в Москву... на паре почтовых ехал молоденький мичман. Мичманская одежда, с иголочки, плохо его грела. Ямщик... поглядел на небо и в утешение продрогшему моряку указал на пасмурневшее небо — верный признак перемены к теплу. «Замолаживает»,— сказал он. По-русски сказано, а мичману слово ямщика не вразумелось. «Как замолаживает?» — спросил он. Ямщик объяснил значение незнакомого мичману слова. А тот, несмотря на мороз, выхватил из кармана записную книжку и окоченевшими от холода руками пишет: «Замолаживать — иначе пасмурнеть — в Новгородской губернии значит заволакиваться тучками, говоря о небе, клониться к ненастью».

Эти строки, написанные на морозе в 1819 году, были зародышем того колоссального труда, который ученому миру известен под названием Толкового словаря живого великорусского языка».

Так ли все это происходило, иначе ли как-нибудь, кто сегодня возьмется сказать? Важно, что 53 года, почти всю долгую жизнь свою, Владимир Даль посвятил грандиозному замыслу. Последние четыре слова, услышанные от прислуги, смертельно больной писатель продиктовал дочери за неделю до смерти. Где бы ни был, кем бы ни служил Владимир Иванович, а везде трудился без устали — «собирал весь век свой по крупице то, что слышал от учителя своего, живого русского языка».

Надобно сказать, что довелось ему и на флоте послужить, и врачебное искусство постигать в почти иноземном Дерпте, и повоевать, да не раз, и отдать дань рутинной чиновничьей службе. Вдоволь и по Руси поколесил, а выйдя в отставку, внимательно прислушивался к затейливому слову барской, купеческой, мещанской, простонародной Москвы.

В старательском этом деле всякое случалось — и печальное, и смешное. Уже через несколько лет накопилось у Владимира Ивановича, служившего к тому времени военным лекарем, столько разных материалов, что пришлось начальству выделять для багажа чудного эскулапа вьючного верблюда. И все бы ладно, но попало высокомерное животное в плен к неприятелю, предположившему в толстенных тюках несметные сокровища: так ведь и было, да распознай-ка их невежественным оком в горе убористо исписанной бумаги! «Я осиротел с утратою моих записок,— вспоминал потом Даль.— Но, к счастью, через неделю казаки отбили где-то моего верблюда и привели его в лагерь...»

Более 200 тысяч слов «толкует» Далев труд, и почти 80 тысяч он собрал самостоятельно.

Словарь содержит невероятное количество све-

дений о предметах и понятиях, некогда составлявших основу российского обихода. Найдите слово «гриб»; за ним — десятки наименований, успевай только запоминать. Или возьмем такую давно забытую вещь, как лапоть. Оказывается, существовало множество типов когда-то незаменимой крестьянской обутки, и за каждым своя занимательная история. Здесь же отыщете и способ плетения — хоть сейчас можно приниматься за дело. А что такое масть? На мой вопрос один десятилетний эрудит ответил с ходу: «Это черви, буби, трефы и пики!» Между тем речь идет о некогда всех занимавшем предмете — окрасе лошадей. Даль приводит более пятидесяти оттенков: каурые, буланые, гнедые, саврасые, пегие, караковые, рыжие, мухортые... Что означают все эти слова? Не знаем, забылось...

Еще одна замечательная особенность Далева словаря: едва ли не самые пространные комментарии, наиболее живописные примеры в нем — о предметах далеко не материальных. Что есть добро, совесть, душа, милосердие, истина, грех, любовь, честь, сострадание? Ищите ответы у Даля: видать, крепко занимали эти понятия народ, и не в дальнем уголке его памяти находились они, а лежали близко, удобно, готовые прийти на помощь и в размышлении, и в споре, и в дружеской беседе, и в начинаемом деле. В неспешном, вековом своем течении народная мудрость отлилась то в неписаном, но обязательном для всеобщего соблюдения законе, то в тонко подмеченной примете, а то в кратчайшем, удивительно емком произведении — пословице, поговорке, присказке. Их у Даля около тридцати тысяч!

...Сцепив на коленях жилистые стариковские руки, смотрит на нас с давней фотографии много повидавший на долгом своем веку человек — патриарх, ученый муж, классик... И словарь его — тоже весь в прошлом — лишь о лошадиных мастях, о грибах да лаптях? Читайте слово Владимира Ивановича, а прочитав, оглянитесь вокруг, устарело ли оно:

«Во всем, что касается всех и требует общих убеждений и усилий, порою проявляется ложь, ложное, кривое направление, которое не только временно держится, но и берет верх, пригнетает истину, а с ней и всякое свободное выражение мнений и убеждений. Дело обращается в привычку, в обычай, толпа торит бессознательно пробитую дорожку, а коноводы только покрикивают и понукают... Но, вглядываясь в направление пути и оглядываясь кругом, общество видит, наконец, что его ведут вовсе не туда, куда оно хотело попасть; начинается ропот, сперва вполголоса, потом и вслух, наконец поднимается общий голос негодования, и бывшие коноводы исчезают, подавленные и уничтоженные тем же большинством, которое до сего сами держали под своим гнетом».

И все же почему словарь, составленный почти полтора века назад, так необходим нам сегодня? Вначале сами ответьте на другой вопрос: много ли слов у человека — десятки, сотни, тысячи? И от чего зависит количество «собранных» им слов? У малыша — все они наперечет. Подрастает ребенок, а вместе прирастают и его знания, богатеет словарная «копилка». Глядишь — к зрелой поре и составится у каждого свой словарик: у одного он — с тоненькую тетрадочку, у другого — на толстенный том наберется. А у народа сколько слов — тысячи, десятки тысяч? Все наши «тетрадочки», «книжицы», «книжищи», «тома» и образуют всенародный словарь; только входят в него не одни лишь современные «издания», но и те, что достались нам в наследство от давно ушедших поколений. Кое-что исчезает вместе с ними, но остается главное — вечная народная душа, ее живое дыхание.

Казалось бы, огромного этого богатства хватит на всех, во веки веков. Но не так все просто. Что-то произошло, продолжает происходить с нами: все беднее речь, все жестче и отчужденнее ее интонации, все бледней краски некогда многоцветного родного слова. Оно не умерло, голос его мощно звучит в народном творчестве, в книгах великих мастеров, в Далевом «толковнике»,— но мы бездумно листаем крохотную часть гигантского собрания, превращаем его в тоненькую, убогую, карманного формата книжицу. Вот и отмирает в нем что-то, сохнет, уходит,— боюсь, навсегда... Язык народный — это былинный богатырь, которому досталась односторонняя сила: много добра он может сделать людям, а за себя вступиться — не дано. Речь наша первой чувствует неладное, раньше всех ощущает, как умаляется человеческая душа, как пригнетаются мысль, чувство, совесть. Вслушайся в доносящийся отовсюду говор, вчитайся в печатное слово, на мгновение сделай громче звук телевизора или радиоприемника. С жестяным грохотом перекатываются КАК БЫ русские слова: вроде бы и не чужие, да только смысла не доищешься. Что узнают потомки о нашем с тобой времени, какую весть мы им пошлем? Разве о том, как менеджер пришел к шоумену, и вместе они объявили импичмент спикеру? Зонг, эксклюзив, контрвью, интроскоп — все это не специальные выражения, и не из профессиональных текстов я их выудил. Намеренно обхожу околоэстрадную словесную накипь — там уже и какой-нибудь хит звучит как родное вологодское словечко. Пришлось вот недавно узнать, что и Зыкина поет в стиле «кантри», хоть на мой непросвещенный взгляд,— так в стиле народной русской песни.

По-прежнему жив соблазн мерить российскую жизнь заморским аршином, благоденствует подмеченная Далем «дурная привычка — ходить за русскими словами во французский и немецкий словарь». Добро бы вместе со словами и кое-что другое заимствовали, так нет же: в пестрой заморской обертке — родимая наша халтура. Домодельная «Монтана» расползается по всем швам, цыганский «чуингам» намертво прилепляется к зубам, а «гамбургеры» у трех московских вокзалов благоухают так сердито, что даже закоренелые «бомжи» — видавшие виды вокзальные коты норовят скорее прошмыгнуть мимо.

Ничего не говорю об исключительно «русских явлениях» — словах-уродцах наподобие какого-нибудь ВНИИТРАНСОРГБАТОНа или пугающего своим неведомым смыслом «ХРУЭМ ФРСТ». Не касаюсь грязной «отечественной» брани, что с утра до ночи захлестывает городские площади и деревенские улочки,— и оглушает, оглупляет, оподляет всякого своим наглым напором.

Между тем открой великую книгу — и повеет свежим дыханием живого, любезного сердцу, вроде бы даже немного знакомого,— но истончившегося, хрупкого, уходящего... Золото! А что само в руки не идет — так дайте же труд чувству и мысли — и воздастся вам сторицей.

Далев словарь — это еще и занимательнейшее, увлекательное чтение: открой его на любой странице — не оторвешься. В числе самых любимых книг называли Даля выдающиеся наши мыслите-

ли, художники, ученые: Чернышевский, Толстой, Бунин, Достоевский, Луначарский, Ленин...

— Эх, дожить бы до конца словаря! — на последнем рубеже жизни мечтал отдавший все свои силы великому замыслу Даль.— Спустить бы корабль в воду!

Жива, бездонна стихия народного слова — не расплескать ее довеку. Свежий ветер полнит паруса могучего корабля; на борту его — несметные сокровища, сбереженные для потомков великим языкознатцем:

«Громада двинулась и рассекает волны...»

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ ДАЛЯ

Велико слово

Начнем с азов. Это выражение, как известно всякому, означает начало работы, разговора, учения. Каким образом — понятно. Аз — «первая буква русской азбуки». Древнее ее название давно упразднили, осталось оно лишь в пословицах и поговорках. Между тем АЗ исполнял важную роль — помогал народу выразить, что он думает об учении, учениках, да и других предметах: «Сперва АЗ да БУКИ, а там и науки». Или: «Что было муки, докуки, а ни АЗА, ни БУКИ». А вот еще: «АЗ да БУКИ не избавят от муки». Можно так: «Прочитал от АЗА до ИЖИЦЫ». Есть и другие: «Он АЗА в глаза не знает». Подмечено, что у первой буквы вид гордый, самоуверенный, форсистый. «Прописным АЗОМ ноги растопырил»,— о каком-то задаваке.

Вот и слово, с которого, надеясь на удачу, всякое новое дело начинать можно: «АВОСЬ — может быть, станется, сбудется, с выражением желания...» Авось и наша новая рубрика найдет своего читателя. Дальше у Даля — маленькие новеллки, кратчайшие притчи, крохотные пьески — небольшая, но законченная по смыслу книжечка о народной жизни, народном быте и характере: «Авось — велико слово. Авось — вся надежда наша. Авось, небось да третий какнибудь. Авось — хоть брось... Русак на авось и взрос. Ждем, пождем, авось и мы свое найдем... Авосю вовсе не верь... Авось что заяц: в тенетах вязнет... Авось не бог, а полбога есть. Держись за авось, покеле не сорвалось. Держался авоська за небоську, да оба упали».

Что ж это за авось такой — верный спутник мужицкой судьбы? Пытаюсь оживить первые житейские впечатления, связанные с этим словом:

...Призадумался поп,
Стал себе почесывать лоб.
Щел щелку ведь розь.
Да понадеялся на русский авось...

Выходит, авось — русский житель? Позже обнаружилось, что слово вмещает множество значений, присутствующих в нем как бы на равных правах: и надежду на удачу, не шибко, впрочем, твердую, чтоб зря не горевать, если сорвется; и уже почти готовую насмешку над собственной незадачей, хоть

работа еще и не начиналась; и явственно различимое безразличие к тому, что выйдет из рук: сгодится — молиться, а нет — так и горшки накрывать. Есть еще один чрезвычайно важный оттенок: негасимая вера, что в жизни все должно устроиться как бы само собой, без лишней мороки: неудачи — отстанут, долги — простятся, а работа как-нибудь да сделается. Словом, «авось как-нибудь обойдется, образуется» — извечное русское утешение и в беде, и в тягости.

Безответственное это, лениво ухмыляющееся «авось» не раз приводило в исступление по-муравьиному работящего, рачительного иноземца. Непостижимей всего для его ума было то, что мужик многажды спасался диким своим авосем и от сумы, и от тюрьмы, и от сраму: подлинная загадка русской души!

Пытаюсь представить, как бы выглядел этот самый «авось», окажись он в человеческом обличье. И возникает видение сонно поглядывающего мужчины с народного лубка. Спроси его, о чем хочешь, а он откликнется подобно чеховскому злоумышленнику: «Чаво?!» Есть и детский вариант — Авоська из носовского «Незнайки».

Наш «авось» — отъявленный, конечно, лодырь, но лодырь не беспросветный, а желающий, имеющий надежду на удачу; правда, за эту удачу он не то что платить — пальцем шевельнуть не хочет.

Эти качества раньше объясняли рабским мужичьим трудом: зачем и горбатиться, если все достанется барину, церкви, царю, державе? Какое тут может быть рвение — отбыть бы повинность!

Давно прогнали бар и царей, а церкви превратили в склады и овощехранилища. Да и держава у нас теперь совсем другая. Но что за напасть такая? Куда ни глянь, везде наш знакомец побывал, ко всему руки приложил: жив курилка! Не выучен урок? Авось не спросят! Соврал отцу с матерью? Авось не дознаются! Тяп-ляп, лишь бы с рук, сделал работу? Авось и так сойдет! И при этом — очень жизнерадостный парень этот «авось»: с улыбкой и дело загубит, с ухмылкой и укоризну примет. Про то и сказано: «Авось не унывает!», а что «Авось до добра не доведет, авось — дурак, с головою выдаст», так это когда еще случится!

В этом месте надо бы мне вас крепко пристыдить: совсем не слушаетесь старших! Но... поглядим-ка лучше вокруг, на плоды трудов тех, кто своих детей научает. Это у нас там что — школьная стенка пошла трещинами? Не иначе какой-нибудь «авось» рапортовал о «досрочной сдаче соцкультбыта». А вон кто-то растянулся на скользком тротуаре почти в самом центре города — не «авось» ли отвечает за уборку улиц, орудует скребком и лопатой? «Авось» бодро признает «отдельные недостатки», обещает скоренько их исправить, после чего безмятежно удаляется в родную контору. А зачем зря волноваться: «Авосевы города не горожены, авоськины детки не рожены».

Вот вы читаете эти строки и хитро улыбаетесь: а сам, сам-то?.. Что ж, давайте сочтем. К концу недели надо сделать десять — двенадцать больших и малых дел, беру по самому скромному счету. Пять — готовы; три-четыре — успею закончить, есть еще время. Что касается остальных... М-да... Придется сознаваться: я ведь с самого начала решил, что и браться за них не буду, авось начальство мое не спохватится, что «с авоськи — ни письма, ни записи!».

Пора, давно пора кончать нам с этой канителью! Надо жить по-новому, а для этого — навсегда вытолкать взашей пронырливого головотяпа-авоську. И ведь сколько умных голов, сколько горячих сердец печалуются сегодня о новых дорогах Отечества! Бурлит, клокочет очередная сессия народных избранников: переливаются через край страсти, алмазными гранями посверкивают мысли. Включим-ка телевизор... С экрана улыбается широкоскулое лицо известного в стране депутата: «Не разделяю страха моих коллег, который они испытывают перед кооператорами! Авось не пропадем!»

Но есть и другое значение у старинного русского слова; употребляли его, как поясняет В. И. Даль, еще и «с выражением... надежды», и, я бы добавил, особенной непокорности. Вот когда «русский «авось»» звучит как вызов крутым житейским передрягам!

Казалось бы, худо дело, пора опускать руки, а наш мужичина — куда и сонливость подевалась — только подпояшется туже и налаживается против лютой негоды: «Авось Бог поможет!»

Помните, как никому еще не ведомый яицкий казак утешает незадачливого Петрушу Гринева, застигнутого в степи разгулявшимся бураном: «Авось буран утихнет да небо прояснится: тогда и найдем дорогу по звездам!»

Приспело время, и уже имя Пугачева стало наводить страх окрест. Только трудно смутить Василису Егоровну, верную спутницу старого белогорского коменданта: «Где такая крепость, куда бы пули не залетали?.. Видали мы и башкирцев и киргизцев: авось и от Пугачева отсидимся».

Не привыкать стать русскому человеку и «авосьничать» — «пускаться на авось, на удачу, на безрассудную отвагу...».

Упрямо взбираются на гребни волн трепанные всеми ветрами, испытанные штормами корабли. А́хнет изумленная Калифорния — и навсегда потеряет покой прекрасная дочь губернатора: где ей, бедной, устоять против орлиной стати и невероятной галантности доблестного русского морехода! Известно, как закончится романтическая эта встреча; два столетия спустя поэт прозрел в сумерках пронесшихся веков: «Ты меня на рассвете разбудишь, проводить, необутая, выйдешь...»

Но снова манит за собой негасимая звезда, прощально палят с берега пушки — и следом за «Юноной» поднимает паруса ее верный товарищ — «Авось».

Крепко испытывает история нашу с тобой Родину. С громом рушится старое, цепляется за вчера еще нерушимые бастионы отжившее; робок пока голос нарождающегося нового. Но отступать некуда: надо смелее идти дальше, глядеть бодрее, крепче держаться заедино. И на крутой этой тропе мы не имеем права растерять богатства, доставшегося нам от давно ушедших сограждан: могучей народной надежды, бессмертного русского слова. Труден путь? Да, нелегок. Но ничего, авось выдюжим!

А. МОРОЗ

Ой, мамочка

Сатирикончик

О том, какой Федькин волосатый и бесстрашный

Пионер Федькин стал таким волосатым, что классная руководительница ему говорит: «Федькин, если не подстрижешься, то я тебя съем!»

А директор говорит: «Федькин, если не подстрижешься и твоя классная руководительница тебя не съест, то я тебя съем!»

А на самом деле они его просто пугали.

Продолжаем показ кинофильмов про пионера Федькина.

Фильм следующий

Класс. У доски — Федькин. Учительница ему: «Ну, отвечай!» А Федькин вдруг как запоет: «БЕЛЫЕ РОЗЫ... БЕЛЫЕ РОЗЫ...»

Учительница: «Ты что, Федькин, заболел?..»

А Федькин: «БЕЛЫЕ РОЗЫ... БЕЛЫЕ РОЗЫ...»

Учительница: «Иди-ка ты к врачу, Федькин!»

Врач: «Что у тебя болит, мальчик?»

Федькин: «БЕЛЫЕ РОЗЫ... БЕЛЫЕ РОЗЫ...»

Врач: «Тебе надо отдохнуть, иди погуляй...»

Федькин гуляет по большому рынку и поет: «БЕЛЫЕ РОЗЫ... БЕЛЫЕ РОЗЫ...»

Продавцы кричат со всех сторон: «Мои возьми!!! Мои!!!» И протягивают Федькину свои белые розы...

А Федькин как ни в чем не бывало: «БЕЛЫЕ РОЗЫ... БЕЛЫЕ РОЗЫ...»

Продавцы не выдержали, схватили свои охапки и к Федькину: «Мои лучше!!! Мои!!!» И завалили его совсем! Огромная куча получилась, а под ней — Федькин. Прислушались, а он все поет: «БЕЛЫЕ РОЗЫ... БЕЛЫЕ РОЗЫ...»

Тогда продавцы говорят: «Наверное, ему мало!» И еще накидали сверху... Прислушались, а он уже не дышит. «Умер,— говорит один продавец, с большими усами,— ай-яй-яй!»

И душа Федькина полетела на небо.

Ходит Федькин по РАЮ. И поет: «БЕЛЫЕ РОЗЫ... БЕЛЫЕ РОЗЫ...»

А вокруг все розовое, птички поют, и тихо-тихо скрипочки играют Сен-Санса. А Федькин: «БЕЛЫЕ РОЗЫ... БЕЛЫЕ РОЗЫ...»

Райские жители подлетели к БОГУ: «Этот Федькин мешает всем отдыхать в РАЮ после праведной жизни, поет про какие-то белые розы!» БОГ нахмурился и говорит: «Ах так, он не уважает нашего РАЯ, ну тогда отправьте его в АД, посмотрим, как он там запоет!»

Рисунок Д. ГОНЧАРОВОЙ.

О том, какой все-таки пионер Федькин болезненный

Тут как-то у пионера Федькина заболела правая нога.

Потом левая.

Потом у него заболел живот и еще руки... и спина. Потом — голова. Уши.

Ну, а потом он ТАК заболел, что пришлось проводить контрольную по алгебре без него.

Федькин поджаривается на сковороде вместе с другими грешниками. Они все кричат: «А-а-а-а! О-о-ой!»

А Федькин: «БЕЛЫЕ РОЗЫ... БЕЛЫЕ РОЗЫ...» — как ни в чем не бывало.

Черти разозлились. «Подбавь жару! — кричат.— Сейчас он не так запоет!» И подбавляют, подбрасывают...

А Федькин поет себе: «БЕЛЫЕ РОЗЫ... БЕЛЫЕ РОЗЫ...» — как будто ему совсем не жарко.

Главный Черт: «БЕЛЫЕ РОЗЫ... БЕЛЫЕ... Тьфу!»

Черт: «Да ну его! Пускай лучше живет, а то он нам весь АД испортит...»

А тем временем одноклассники, школьная общественность всё еще прощаются с Федькиным. Все пла-ачут. Тут же ансамбль «Ласковый май». Его солист, с трудом сдерживая рыдания, говорит: «Пионер Федькин так любил наш ансамбль, и особенно песню «БЕЛЫЕ РОЗЫ»! Мы ее споем на прощание. Для тебя, наш дорогой Федькин!»

Ансамбль задушевно поет песню. Все слушают затаив дыхание, смотрят на солиста. Но что это? Лицо солиста выражает крайнее изумление, он даже перестал открывать рот в такт фонограмме. Все оборачиваются и видят, что Федькин, целый и невредимый, громко подпевает: «БЕЛЫЕ РОЗЫ... БЕЛЫЕ РОЗЫ...».

Начинается всеобщее ликование и праздник. Все танцуют и поют «БЕЛЫЕ РОЗЫ».

КОНЕЦ ФИЛЬМА

Александр КУРЛЯНДСКИЙ

ГОРОД НЕУДАЧНИКОВ

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

Окончание. Начало в № 5.

Рисунки А. БАЛДИНА.

Вася — неудачник. Он мечтает попасть в город Неудачников, чтобы стать как все. Однажды, после очередной неудачи, Вася садится в электричку и едет куда глаза глядят. Выходит он на станции «Неудачники». Оказывается, здесь и расположен этот город. Вася знакомится с девочкой Марией-Луизой. Вместе они срывают неудачный полет воздушного шара. Марию-Луизу преследует полиция, девочка исчезает, а Вася попадает в замок доброго старика — бывшего полководца. Племянник полководца строит против старого вояки козни с целью завладеть наследством. Вася пытается этому помешать, но его арестовывают и заточают в крепость.

10. Побег

В камере нас человек десять. У каждого своя история.

— ...копаем, копаем — воду ищем — нет воды... и вдруг... как жахнет из-под земли фонтан... черный, жирный... Я кричу: нефть! Это же, братцы, нефть... А они — какая нефть?.. Здесь по плану вода! И в трубы ее. В городскую баню... Люди моются, хохочут... Черные, как негры... Не выдержал я... Подошел ночью к водяной колонке. Открыл кран и спичку — туда!.. Ка-ак эта вода шарахнет... Небо осветило, как днем. Ну, а меня, стало быть, за поджог водопровода... Ха-ха...

Тяжелая дверь открылась:

— Кто тут новенький? На выход!

Скованные наручниками с полицейским, мы вышли.

Смотритель подмигнул:

— Князь в гости просит.

Мы прошли по коридору, смотритель осторожно постучал в обитую кожей дверь.

— Разрешите, Шота Гонотарович?

— Открыто! — раздался красивый тенор.

Мы вошли.

Конечно, вряд ли роскошные апартаменты можно было назвать камерой. Ковры, белый телефон, белая, опять же, кровать. Телевизор с огромной линзой. На столе зелень, капуста, перец, рыба, графины с вином...

— Шашлыки прикажете внести? — спросил смотритель.

— Постой. Куда торопишься? Нам еще сидеть и сидеть...

И князь весело рассмеялся. Ему вторил визгливый смех смотрителя.

Все было вкусно. Я лопал за обе щеки, хватал с тарелок двумя руками. Князь сразу освободил меня от наручников и разорвал нашу с полицейским связь. Он достал из тумбочки связку ключей, и среди них, конечно, нашелся и от наручников. Заметив мой взгляд, князь небрежно бросил:

— Чтоб каждый раз к коменданту не бегать.— И помахал связкой.

Князь с улыбкой наблюдал, как мы утоляем голод, а потом, капая вином с усов, поведал о своих невезениях:

— ...сын у меня... У всех сыновья как сыновья. Неудачники! А мой... В пастухи пошел... «Хочу,— говорит,— отец, честно жить!» Ну, мало ли идиотов?.. Поехал мой брат от первой матери в горы на шашлык... Кто же, когда в горы на шашлык едет, шашлык с собой берет?.. Ну, подходят они к моему идиоту... «Привет». «Привет...» — «Дай нам вон того, испачканного, с отметиной на задней ноге...» «Нет,— говорит мой идиот,— не дам...» «Он все равно испачканный, дай...» «Не дам»,— говорит мой идиот... «Ну, дай того, плешивого...» — «И этого не дам...» — «Тогда ту, хроменькую, которой все равно не жить?!» «Не дам...» — говорит мой идиот.

Брат жены со всеми друзьями прямо с гор ко мне. Как снег на голову. «Слушай,— говорят,— Шота... Мы думали, человек ты, а теперь, когда ты сына такого вырастил... У всех — дети как дети... А твой...» И — бац! Моего лучшего петуха, как бешеную собаку, подстрелили... Кровь ударила мне в голову. Купил я пушку... Подкатил к дому брата... И — на клочки! Ну, схватили меня. Мне, конечно, плевать... Судья — родной шурин племянника... А если б и не был шурином, то стал... Когда есть деньги, и шурином могут стать, и братом, и сестрой... Шурин, судья этот... то есть... мне и говорит: «Я тебя, конечно, Шота, могу оправдать... За отсутствием улик... Поскольку все улики пушкой по ветру развеяны... Но лучше, дорогой... Посиди годок... Это в твоих интересах... Тут ты под охраной. Случись что, отобьем». Вот и сижу из-за сына, идиота. Чтоб маме его вместе с дедом отца...

И князь принялся вспоминать всех родственников, желая им всего самого-самого...

Плита в полу приподнялась, и показалась обросшая голова...

— Опять пол портишь,— недовольно сказал князь.— Опять перестилать?..

Голова увидела меня, исчезла, а на ее месте появилась Мария-Луиза:

— Бежим!

— Зачем бежать? — удивился князь.— Посидим, поужинаем. Потом я сам двери открою!

И он потряс связкой ключей.

— В следующий раз! — сказала Мария-Луиза.

Она потянула меня за брючину. Я спрыгнул в холодное подземелье.

11. Гулливер снаружи и изнутри

Мы сидим в дилижансе.

Мария-Луиза уговорила меня поехать к деду на мельницу. Отсидимся, подумаем, что делать дальше...

Напротив нас — дамочка в седом парике. Ее спутник — молоденький офицер. Душно... Офицер снимает кивер. Дамочка снимает парик... Смеются, хохочут. Рассказывают о своих неудачах в семье и на службе.

Еще в нашей компании старушка. На коленках узелок.

— Сынок мой погодой заведует,— объясняет старушка.— В горах служит. Какую погоду объявит, такая и будет. Ни разу не угадал. К нему вот еду, гостинцы везу.

Офицер хихикнул:

— Долго вы, мамаша, ехать будете. К морю наш маршрут, а не в горы...

Мы переглянулись. Мы ехали совсем в другую сторону.

Мария-Луиза наклонилась к переговорной трубке:

— Эй! Кучер! Куда едем?

— Куда, куда! — захохотал кучер.— На «кудыкину» гору.

— Останови! — крикнула Мария-Луиза.

Но кучер погнал лошадей.

— Останови, негодяй!

Кучер стегал лошадей. Нас швыряло из стороны в сторону. Мимо пролетел кивер офицера. Наделся на голову Марии-Луизы. Ей очень шло...

И тут что-то случилось. Нас бросило вперед. Треск, грохот...

Когда мы выбрались наружу, то увидели печальную картину. Все три лошади лежали на дороге в одинаковых позах, будто сраженные пулями врага. Кучер ходил вокруг них и приговаривал:

— Чуть стеганешь кнутом... Валятся... Единым строем... И что за порода такая?..

Раздались гудки. Гудела легковая машина, которой мы преградили дорогу.

Из легковушки вышел человек, прошел сквозь дорожную пыль, и мы узнали все того же сержанта.

— Родные мои,— обрадовался он.— Голубки. Прилетели, родимые...

Он достал наручники:

— Ну, идите, милые, окольцовываться...

Мы не стали «окольцовываться», а бросились бежать...

Мы бежали мимо гор мусора, мимо изъеденных ржавчиной карет, к высокому забору.

Нырнули в дырку...

Перед нами — Гулливер. Огромная голова повернута в профиль. Губы улыбаются. Из ноздри лезет веселенькая березка.

— Ах, вот вы где? Мои любимые, пташечки дорогие, человечки настоящие!

Сержант показывал свой портрет в раме забора.

— Вперед! — скомандовала Мария-Луиза.

Натыкаясь на осколки бетона, мы побежали к голове Гулливера. Мария-Луиза взобралась на мочку уха, протянула мне руку...

Перед нами зияла черная таинственная дыра ушной раковины. Легкий сквознячок пушил волосы.

Сержант бежал к нам, выбрасывая вперед тонкие, как у борзой, ноги:

— Любимые мои, клюковки, ягодки-черешенки, ах, проказники, ах, озорники!

— Вперед! — снова скомандовала Мария-Луиза, и мы скатились в зияющую черноту.

Все обошлось. Царапины и отлетевшие пуговицы не в счет. Из дырок на потолке били тонкие лучики света. Они натыкались на балки и фермы — скелет Гулливера.

По «ребрам» запрыгал лучик фонарика.

— Где вы?.. Ау!.. Отзовитесь, мои хорошие... Аушеньки! Ауньки!.. Аушки!

Сержант в отверстии, черный силуэт на фоне голубого неба, присел на корточки и поехал вниз.

Мы бежали между колоннами и балками, стараясь не встретиться с жестким железом.

Вокруг нас прыгало пятно фонарика. Круглое, продолговатое. Больше, меньше...

— Постойте, детки... Куда вы, от папочки?.. Мне и не угнаться... Ах, шустры... Шустры...

Он был совсем рядом. Ноги его, выкидываемые вперед, безошибочно находили точку опоры. Отталкивались и приземлялись. Отталкивались и приземлялись.

Мария-Луиза дернула меня за локоть и утянула в туннель. Сержант проскочил. Голос его затих вдали...

Мы пошли по туннелю и вышли в огромную пещеру. Что это? Легкие? Желудок?

Раздался грохот мотоциклетных моторов. Ударил свет фар. В жутком реве просвистели мотоциклисты. Хохот перекрывал рев двигателей.

— Темно здесь и грохот сильней,— сказала Мария-Луиза.— Вот они и носятся. Родители им еду сбрасывают. Прямо в люк. На площади «Верхнебашенной». Очень своими неудачными детьми гордятся.

Пещера кончилась, стало совсем темно. Мы шли по скользкому проходу. Со всех сторон капала вода...

Вдали мелькнул огонек. В отсветах свечи — кучерявая борода. Рука с кистью, палитра...

Мы приблизились. На ржавом металле — белые снега, огромные снегири, розовые кошки.

— Здесь?! В темноте?! — удивились мы.— Такие картины?

— Краски,— улыбнулся художник.— Они. Проклятые. Мерзкие. Невезучие. Ха-ха... Они... Ха-ха... Не выносят... Ха-ха!!! Света не выносят...

Он поднес к картине свечу... С легким шипением вздулись пузырьки, и кусок картины исчез. Сквозь лапки снегиря проступило железо...

— Ха-ха!.. Видели... А?! А красочки?.. А?.. Краски!.. Красюлечки...

До нас дошло. Светлые разводы — это картины. Все здесь расписано. Везде картины. Они будут здесь. Всегда... И никто никогда не увидит их. Ни один человек!

Нас долго преследовал хохот художника.

Не терпелось выйти наружу, на солнечный свет. Но где выход?! Где?!

...Опять мы шли узким туннелем. Трубы. Трубы. Теперь горизонтальные. Все ниже потолки. Мы идем, согнувшись, почти ползем...

И вот простор, свет. Огромная зала в лучах прожекторов. Бархат кресел. Занавес. Ряды стульев вздыбились вверх. Сцена на потолке. Мы стоим на стене. Из стены торчат лампы, поднимается вверх полукруг ложи.

— ...эта сцена и этот театр являют собой самый большой недостроенный кукольный театр в мире...

Группа экскурсантов слушает женщину. Широкий балахон скрывает могучие формы тела. При взмахах руки мелькают белые подмышки.

— ...только в третьем веке, у греков, был подобный нашему недостроенный театр. Но тот театр не идет ни в какое сравнение с нашим!

Все дружно расхохотались. «Нашли чем хвастаться»,— подумал я.

Женщина-экскурсовод заметила нас:

— Отойдите. Вы не из нашей группы.

Но мы продолжали стоять.

— Отойдите, отойдите! Вы не из нашей группы, отойдите! Отойдите, я прошу вас! Отойдите! Немедленно отойдите! Отойдите! Отойдите!!

Она кричала. Почти дергалась в судорогах.

Мы отошли.

— Не из нашей группы, а тоже... На стене — ха-ха-ха!.. Ха-ха-ха!!

И снова мы шли в поисках выхода. Прямо... налево... направо... прямо...

В глаза ударил свет фонаря.

— Ребятушки, милые... Ах, мои хорошие... Песики, кошечки, кисочки, кисоньки...

Сержант слюнявил нас поцелуями, припечатывал в обе щеки, поглаживал места поцелуев шелковистыми усами:

— Где же, распропасти его душу, выход? Где же, раскряхти его, расчехвость в хвост и гриву, отсюдова? Ох, уж и не выйти нам никогда, ох, уж солнышка не увидеть, папу с мамой, а?!

Мы пошли вместе. Перед нами прыгало пятно фонарика.

В реве и грохоте просвистели мотоциклисты. Сдернули с сержанта фуражку... Хохот...

Окатил ледяной водопад, сбил с ног, потащил по скользкому днищу, тыкая углами, стукая ребрами на изгибах русла, понес все быстрее, стремительней и выкинул в море света и воздуха...

Мы оказались на скалистом выступе. Тучи зацеплялись о волны, раскручивались... Ветер сдувал нас, пытался сбросить вниз, в морскую пучину. Пришлось возвращаться назад.

И опять в грохоте и хохоте проносились мотоциклисты...

Мы шли, поворачивали, пригибались, протискивались.

И снова вышли на свет, дохнуло жаром, мы зажмурились...

Из песка торчал ботинок Гулливера.

Всюду, куда ни глянь, сплошной желтый песок.

Захотелось пить.

Мы брели по песку, но он не кончался...

Горизонт в туманном мареве. Кажется, что песок на небе, что он там, в жаркой дали, плавно заворачивал, чтоб окружить нас, чтоб замкнуть навсегда, чтоб мы никогда не выбрались.

И вдруг — будка с газировщицей. Со стеклянными вертикальными трубами и краниками внизу. Из левого медленно выдувалась капля...

Мы подбежали.

Газировщица с пятнами сиропа на халате всплеснула руками:

— Ой, бедняжечки! На вас же лица нет! Ой, ой! Вы же помрете на глазах, ой, ой!!!

Дрожащими руками она пыталась налить воду в стакан, но струя ударила мимо. Она еще больше взволновалась. Дернула рычаг — разорвался цилиндр. Нажала кнопку — бабахнул сироп...

— Ой, да что это я так волнуюсь?! Да с чего это меня так, так-так трясет, так?! Так! Так-ха-ха! Ха-ха!

Руки ее продолжали дергать, нажимать, включать...

Через несколько мгновений все было кончено. Груда обломков осталась на месте будки. Песок жадно впитывал последние капли влаги...

И снова мы шли, шли, шли...

И вышли, наконец, прямо в центр города, у фонтана, там, где играл оркестр и кружились в вальсе субботние пары: дамы в белых по-летнему платьях, мужчины в смокингах, матросы, дети. Все дышало цветами и вечерней свежестью. С гор спускался туман. По руслу высохшей реки он накатывал на дамбу, переваливал и полз вниз. Отдельные языки тумана лизали подножие холма Гулливера, откуда и начался наш трагический путь.

— Миленькие мои, друзья-товарищи по беде, в трудную минуту никогда не забыть... Попейте водички, а я отдышусь...

Сержант вынул из кармана бумажник.

Вот...

Мы пошли к окошечку киоска.

Мария-Луиза кивнула в сторону сержанта:

— Смотри!

Сержант, воровато пригибаясь, шел к телефону-автомату.

Он снял трубку, приблизил лицо к дулу микрофона и заговорил жарким шепотом:

— Алло, барышня? Мне полицию, да... Господина майора мне! Господина майора! Алло?.. Не могу громче!.. Что? Не могу, говорю, громче... Они здесь... Что?! Да не могу я громче,— заорал он.— Здесь они, те, которые... Понял, наконец?.. Ах, глухая тетеря! Громче не могу!!

Сержант орал в трубку, крыл дежурного последними словами:

— Ах, зверина-образина!!! Уродина! Гадина! Ах, ублюдок глухой, мерзость глухая!!!

Мы не стали дожидаться окончания разговора...

...Мы идем по набережной. Звучат музыка, смех...

— Легко жить, когда от тебя ничего не зависит,— говорит Мария-Луиза.— Ты неудачник. Такова твоя судьба, твой рок. Смирись. Признай свое бессилие перед судьбой, и сразу станет легко. Можно даже смеяться и петь вместе с другими неудачниками. Да?..

— Да,— сказал я.

— Что — «да»? Чего — «да»?

Ее глаза горели:

— Убирайся!

— Ты чего?

— Ненавижу таких, как ты! Слабаков, слюнтяев. Отваливай!

Раздался душераздирающий крик: за чугунной решеткой разгуливал тигр. Он мирно, по-домашнему облизывал девчушку в голубом платьице. Девчушка отдергивала руки, орала, лицо ее съехало набок.

Все попрятались за углы, кусты, будочки.

Тигру наконец надоел этот ор. Он поджал уши и пошел обратно, к шатру цирка, около которого стоял трясущийся укротитель.

— Даже тигры у нас ублюдочные,— сказала Мария-Луиза.— Сожрал бы эту уродину, может, подействовало...

Из укрытий весело выходили люди. Они поглаживали девчушку по голове. Девчушка хихикала.

Навстречу нам шел сержант. Цепью. Он и штук пять полицейских. Цепь прочесывала набережную.

— Родные. Братья и сестры! — обрадовался сержант.— Ненаглядные мои, золотые, распрекрасные... Опять, опять в догонялочки?

— Нет,— сказала Мария-Луиза.— Не будем.

— Почему?

— Нас здесь нет.

— Как?

— Мы уплыли. Вон на том пароходе.

И Мария-Луиза кивнула в сторону набережной: на паруса, мачты, чаек, гудки, грохот бочек, крики матросов.

От причала отходил пароход.

— Уплыли...— соображал сержант.— Значит, вас нет... Нетушки... А чего ж вы стоите?

— Это не мы.

— А кто?

— Другие...

Сержант соображал, смотрел то на нас, то на пароход, снова на нас... Наконец, он повернулся и побрел прочь.

За ним и другие полицейские...

12. По морям, по волнам

Мы спустились к пристани.

У причала стояла баржа с углем. Моряки вкатывали на нее пианино. Около баржи суетился катер:

— Эй, на барже! Отойдите от причала! Срочно отойдите от причала!

Рядом с баржой покачивался бот. Два парня в одинаковых брезентовых куртках грузили ящики, ведра, сети.

Аппетитно шлепала вода. Солнечные зайчики бегали по обшивке.

— Поплыли,— сказала Мария-Луиза.— Ну их всех! А?..

— Поплыли!

Один из парней отвязал канат, оттолкнул бот и прыгнул на палубу. Бот стал поворачивать носом к линии горизонта...

— Вперед!

Мы прыгнули на корму. Заработал мотор. Полоска воды между кормой и пристанью стала расширяться.

К причалу бежали полицейские:

— Вас нет на том пароходе! Нет! Я проверил список пассажиров. Вернитесь! Я приказываю!

Скоро полицейские слились в одно пятно. В пятне поблескивали кокарды, погоны, стекла очков...

А скоро и пятно растворилось. Лишь башня городской ратуши — красная спичка на фоне холма Гулливера, да серые тучи сверху.

Рыбаки Джек и Джон ничуть не удивились нашему присутствию. Их ничто не могло удивить. Когда и город, и горы ушли за горизонт, они заглушили мотор, расстелили парусину, надвинули на глаза шляпы и улеглись спать.

Море кишело рыбами. Огромные, скользкие, они выпрыгивали из воды, не понимая, почему их не ловят. Не понимали и мы...

— А рыба? Мы не будем ее ловить? — спросил я.

— А зачем нам ее ловить,— улыбнулся из-под шляпы Джон.

— Как «зачем»?

— Так... Зачем нам ловить рыбу? — На этот раз улыбнулся Джек.

— Но вы же рыбаки.

— И что?

— Рыбаки ловят рыбу.

— Здесь нет никакой рыбы. Ты видишь здесь рыбу, Джек?

— Нет.

— И я не вижу.

— Да вы что?! — не выдержал я.— Здесь полно рыбы!

— Вряд ли...

— Честное слово!

— Если и есть одна-две жалкие рыбешки, стоит ли поднимать шум?.. Это не улов, — сказал Джек.

— И потом... Мы неудачники,— сказал Джон.— А она, сволочь, скользкая, хитрая... Так и норовит откусить крючок, порвать сеть... Ну ее к шутам, эту рыбу! Которой все равно нет...

Они захрапели.

Мы взяли удочки, наловили полное ведро рыбы и сварили вкуснейшую уху. Такой ухи я не ел никогда. Ни до, ни после рыбалки...

Потом мы стали загорать. Мария-Луиза накинула на плечи мою рубаху: «Чтоб не обгореть». Я понял, почему она накинула, но не показал вида...

Я смотрел на ее лицо, глаза закрыты — облизнула пересохшие губы, что-то хотела сказать, но передумала, вдруг резко повернулась — голова на локоть! Еле успела подхватить скользнувшую с плеч рубаху:

— Уезжай домой!

— А ты?

— Я здесь живу, а ты уезжай!

— Нет.

— Пожалуйста...

Смотрит на меня зелеными глазами.

— Хочешь, поцелую?

— Не хочу...

Она выдернула локоть и снова растянулась на палубе.

— Приплывем — сразу на электричку. Понял?.. Сразу! Нечего тебе... Ясно?..

Я смотрел на ее профиль... И вдруг из-за профиля выплыл парусник.

— Эй, на боте! — крикнули с парусника.— Кто вы и куда путь держите?!

— А вы кто? — крикнула Мария-Луиза.— Кто вы и куда путь держите?!

— Кто мы?! — захохотал голос. — Сейчас узнаете!

Протрубила труба. На мачте взвился черный флаг... И вот на нас посыпались пираты... Только сыпались они как-то странно... Многие проносились на канате мимо палубы и падали за борт... Из воды раздавались крики: «Спасите!», «На помощь!..».

Наконец те, кто умел плавать, спасли тех, кто не умел...

Капитан, с длинной сигаретой в мундштуке, откашлялся, сплюнул торпедой за борт, вытер лицо о низ тельняшки, обнажив исполосованный шрамами живот, то ли от сабель, то ли от аппендицитов, вставил новую сигарету в мундштук, чиркнул спичкой о борт, закурил... Но сначала, перед всем этим, он выскреб из углов кастрюли остатки нашей ухи и съел ее жадно, с пыхтеньем и стонами, под завистливыми взглядами команды... Потом закурил и подмигнул:

— Трое суток не ел... С такой оравой не прокормишься...

Он подошел к человеку в полосатых пижамных штанах и галстуке-«бабочке»:

— Эй! Как тебя?

— Сэр Бобильтон, кэп!

— Во-во!.. Бобильтон-шнобильтон... Ты, кажется, врач?..

— Хирург, господин капитан!

— Хи-лург,— передразнил капитан.— Людей зарезал больше, чем любой пират!

Хирург хохотнул.

Капитан приблизился к унылому брюнету, живот поверх длинных трусов:

— А ты? Как тебя?

— Господин Де-Лякруа...

— Де-ля... Музыкант?!

— Скрипач, господин капитан...

— «Скрипач»... От «скрипов» его повеситься можно... Ну, что мне с ними делать?.. Тот вон... археолог... тот инженер... Пожалел, взял на корабль... Неудачников этих... Из бедности и нищеты. Думал людей из них сделать. Куда там...

Капитан пригрозил кулаком:

— Не буду кормить. Не дам сухарей. Сухариков нема! Что?! Не нравится?

Тут Мария-Луиза не выдержала:

— Братцы! Поплыли в город... Пушка у нас есть... Шарахнем! Припугнем... Ну, какие вы неудачники?.. Вы просто веру в себя потеряли. Поплыли, а? Начнем жизнь сначала! А?..

Капитан сдвинул брови:

— Что?! А где я людей возьму?.. Если все будут начинать сначала?..

Он дал очередной залп из своего мундштука:

— Кто здесь капитан? Я? Или эта баба?! За борт их, ребята!

Мы пытались сопротивляться, но слишком велико было превосходство противника. Они скрутили нас, раскачали и бросили за борт. С тех пор я долго не мог побороть ненависти к людям, которые из-за своей жалкой, неудачливой жизни готовы пойти на любую подлость.

13. Обитаемый остров

Плавал я неплохо. И море было спокойное. И держало хорошо. Я освободился от рубашки, штанов. Мария-Луиза тоже. Плавала она даже лучше меня. Мы хохотали, не думали о плохом, будто купаемся в Черном море...

И очень быстро из-за горизонта возник островок, и вообще все здесь происходило быстро. Пираты, горизонт, острова... Не как в жизни, а по-другому. Но это я потом понял...

Мы вышли из пены прибоя на песчаный берег. Песок, пальмы, хижина на холме.

— Отвернись! — сказала Мария-Луиза.

Она зашлепала по мокрому песку.

— Можно! — крикнула она чуть погодя.

Теперь она стояла в пальмовых листьях. Как туземка из «Клуба кинопутешественников».

— Сила! — только и сказал я.

Запахло дымком. Мы побежали на дым...

У костра сидел человечек.

Когда подошли ближе, узнали мэра. Того самого, который улетел на шаре. Кстати, сам шар огромным одеялом лежал у порога хижины.

Мэр обрадовался встрече. Он прыгал, обнимал нас, хохотал, целовал.

— Ребятки, милые... Спасибочки вам, огромненькое. Что улетел я из этого города. Я теперь, ну, самый счастливый. Ну, вот просто... Ну, такое вам... Просто огромненькое спасибочки... Живу в свое удовольствие... Хозяйство, дом, бананчики... Ну, там: кофеечек, прямо с дерева в зернышках, ну, просто, ну, слов нет, как спасибочки... Две козы, творог, сыр, молоко.

И он стал показывать свое хозяйство, двух коз, дом, угостил сметаной, ватрушками, мясом куропаток, банановым вареньем на тростниковом сахаре...

— ...а это... все... там, значит, бумаги... фотографы... ну их... пусть сами, без меня... не хочу, и не просите! Нет!.. Должности высокие... власть. От лукавого все...

Раздались позывные города Неудачников.

— Радио,— сказал мэр,— с шара приволок. Слушаю всю эту чертовщину. Хохочу — до смерти. Умираю как смешно... «Лучший город, единственный в мире...» Ложь! Ерунда на подсолнечном масле... Гордиться нечем — вот и придумали... Чтоб одни неудачники другими командовали...

Приемник стоял на ящике в тени пальмы. Из него доносились звуки траурного марша. Я так привык, что все совершается там весело, с шутками...

«...сегодня,— раздался сквозь треск эфира скорбный голос,— мы провожаем в последний путь нашего великого современника генерала Уилсона... Генерал прожил большую и огромную жизнь...

Ему не везло... Герой битвы при Лотреке доживал свои дни в бедности и нищете... Он был не просто неудачник, а Неудачник с большой буквы! Выдающийся неудачник нашего времени! Улыбнемся, друзья, в эту тяжелую минуту. Пусть везде расцветают улыбки...»

Звуки траурного марша перешли в легкий вальсок.

«Слово — племяннику генерала. Многие годы он делил с ним все неудачи...»

Мы услышали до противности знакомый голос: «...друзья, близкие... Я не племянник генерала, я... я его дядя».

Раздался гул недоумения, и племянник стал рассказывать историю, хорошо знакомую мне по рассказу Марка Твена... Как человек стал дядей самому себе.

«...и теперь, как дядя... как дядя своего горячо любимого племянника... по совпадению, генерала... я хочу сказать... Мой племянник был генерал... Боевой генерал... Кто же тогда я, его дядя? Который руководил всеми его действиями?»

Раздались крики:

«Полковник!»

«Контр-адмирал!»

«Маршал!»

«Нет,— сказал племянник,— нет, друзья...»

Он выдержал паузу:

«Я ваш новый мэр... И... в эту тяжелую минуту... Я говорю вам всем. И себе тоже... Хватит неудач! Хва-тит! Мы должны сделать нашу неудачливую жизнь еще счастливей! Счастливей всех на земле».

— Этого нельзя допустить,— сказала Мария-Луиза.

— А-а,— махнул рукой бывший мэр.— Бросьте. Жизнь не переделаешь. Просто еще одному захотелось покомандовать. Плюньте. Слюной. Вот так...

И он сплюнул.

— Это подло, а потому неправильно,— сказала Мария-Луиза.

Мэр ткнул пальцем в небо:

Когда я был там... на воздушном шаре, я поклялся... Если останусь жив. Если не окажусь еще выше. Вы понимаете?! И должность, и деньги, все! Все — к черту! И вы знаете? Я счастлив. Впервые в жизни. И я...

Мэр оглянулся по сторонам, как будто кто-то мог нас подслушать.

— И я... Я не считаю себя больше неудачником...

Он визгливо засмеялся, подпрыгнул, посмотрел направо-налево и бросился бежать прочь. Все время оглядываясь, бросаясь в разные стороны, будто по нему стреляли...

14. Полет на воздушном шаре

Мы выбили из бочки обруч. Вставили обруч в горловину воздушного шара. Подвесили оболочку шара на дерево отверстием вниз. Развели под горловиной костер. Оболочка наполнилась горячим воздухом, с треском распрямлялись швы, разглаживались складки. Места, где выходил воздух, мы промазали смолой от пальмы. Шар рвался вверх... Его держала только веревка...

— Должны долететь,— сказал я.

Мы залезли в корзину, отрезали веревку.

Шар устремился в небо.

И опять все произошло быстро.

Быстро скрылся остров, быстро приблизился горизонт, быстро возник город...

Мы приземлились в окрестностях города, неподалеку от харчевни.

Трактирщик встретил нас сдержанно, с достоинством. И куда только делись его разухабистость и бесшабашность!

— Милости просим... пожалуйста... сию секунду...

Мы с Марией-Луизой переглянулись...

В трактире было немного народу. Все сидели сосредоточенные, молчаливые... Официанты не вступали в разговоры с посетителями, носили на подносах еду.

— Что случилось? — спросил я официанта.

— Как? Вы не знаете?.. У нас больше не осталось ни одного неудачника!!

— Что?

— Наш город переименовали! Да! Теперь он называется город Удачников!

Официант поставил на столик керамическую посудину. Мария-Луиза разлила половником суп. Я попробовал и — поперхнулся. Суп совсем не отличался от того, который был раньше.

— Жуть!

К нам подошел хозяин:

— Что вы сказали?

— Жуть! Это нельзя есть!

— Вы это серьезно?!

Посетители с испугом смотрели на нас.

— Да!

— Вы что? Без смеха... Вам что, действительно не нравится?

— Как может нравиться эта отрава?!

— Вы думаете, что говорите?! У нас очень вкусно готовят. Я могу дать книгу благодарностей... Всем нравится, всем, всем... Это раньше, в те времена, когда мы были неудачниками, тогда, возможно, плохо было и готовили плохо, но теперь, когда это все прошло...

— Склочники! — закричал человек в свитере.— Сами лопали за обе щеки... Я видел...

— Кто лопал? Мы?!

Мария-Луиза пошла на обидчика. Официант преградил ей дорогу. Она оттолкнула его, он упал, опрокинул поднос. Другой официант бросился товарищу на помощь. Я подставил ему ножку...

Кто-то взял меня за грудь... Это был трактирщик... Я воспарил в воздух... Затем птицей пролетел в самый дальний конец зала, прошиб дверь... На меня посыпались банки, коробки... Сверху полилось что-то противное, липкое... Ярко-желтого цвета...

Я приподнялся, чтобы ринуться в бой...

И получил жуткий удар по голове.

15. «У вас желтуха, милостивый государь!»

Когда я очнулся, то понял, что нахожусь в больничной палате. Напротив лежал мужчина в сером халате. Он смотрел на меня с состраданием:

— Ну наконец... А то все без сознания, без сознания... Эка вас угораздило...

Память стала возвращаться ко мне. Я вспомнил, как все случилось и почему оказался здесь. Голова раскалывалась.

— Здорово меня огрели...

Я ощупал голову. Проломов и дырок в черепе не обнаружил.

— Кажется, череп цел.

— А при чем тут череп? — спросил сосед.

— При том, что по нему ударили...

— Опять вы бредите... То море, то остров... А теперь вот — «ударили».

— Не брежу я...

— Да вы знаете, где мы находимся?! В инфекционном отделении... У вас желтуха, милостивый государь... И у меня тоже!

— Какая желтуха! Ой...

Опять жутко схватило голову. Сосед сочувственно вздохнул.

— Когда вас сюда привезли, вы весь желтый были. С головы до ног...

Я вспомнил, как во время драки на меня вылилась краска:

— Это краска была! Краска!

— Краска? Вы знаете, очень может быть... Я и сам, честно говоря, засомневался... Я, честно говоря, и в своей желтухе не очень уверен. И меня положили с этим диагнозом. А пальцы у меня желтые от курева... У меня, честно говоря, поясница болит, встать не могу... Но врачам виднее...

Сосед внимательно посмотрел на меня.

— Врачи у нас золото! Лечат — как нигде! Если не помрем, то выздоровеем. Обязательно, милостивый государь.

Дверь открылась, и в палату вошли люди в белых халатах. Во главе шел уверенный в себе мужчина лет сорока, светлоглазый, белозубый, в красивом костюме, проглядывающем в разрезе халата.

— О! Наш больной пошел на поправку... Вот и чудненько... Как у него стул?

Это он обратился к медицинской сестре и, не дождавшись ответа, продолжил:

— Теперь — диета, диета и еще раз диета... Кашки, сухарики, и вставать, дорогой. Ни в коем случае не залеживаться... Вы уже заметно побледнели, не то что в начальной стадии...

— У меня — голова,— чуть слышно сказал я.— Меня... по голове... все кружится...

— Вот именно... Нельзя, нельзя залеживаться... Давайте-ка встанем... Да, да! Прямо сейчас!

Он повернулся к свите:

— Интенсивное лечение, гимнастика... Больной должен верить в себя!

Свита закивала.

— Я не могу. Все кружится!!!

— Да вы что, миленький! Сговорились?.. Да у вас тут в палате — заговор... Этот не может... а теперь и этот... Приказываю встать!.. И вам — тоже! — Он посмотрел на соседа...

Сосед испуганно встал с постели, но вдруг схватился за поясницу и повалился.

Я тоже потерял сознание.

16. Звездочет и его гороскоп

Не знаю, чем бы кончилось мое пребывание в больнице, если б не Мария-Луиза. Она выкрала меня.

Мы поселились у звездочета, в домике на склоне горы. Аккуратном, белом домике, в цветах, с плоской крышей. На крыше стоял хроменький телескоп

Звездочет часами смотрел на небо, что-то писал в широком блокноте.

Очевидно, звезды не предвещали ничего хорошего. Звездочет ходил печальный, свесив кисточку своего колпака.

Как-то к звездочету пришел главный архитектор. Мы были в соседней комнате и хорошо слышали весь разговор.

— Готов гороскоп? — спросил архитектор.

— Готов!

— И что?

— Расположение звезд в небе в настоящее время не благоприятствует поднятию Гулливера.

— Что?! — вскипел архитектор.— Все только и ждут сигнала. Все бумаги подписаны, все люди назначены. А ты... Может, ты не веришь в нашу победу?!

— Но гороскоп...

— Какой еще гороскоп?.. Бери перо, бумагу. Сейчас мы мигом все звезды перетасуем...— Он прошелся по комнате, хрустя новенькими сапогами.— Значит, так... пиши... Звезды обещают нам скорую победу! Созвездие Легавых псов...

— Гончих!

— Пусть так... Созвездие Гончих псов... никогда еще не светило так ярко... О чем говорит нам его яркость?.. Я тебя спрашиваю?

— Не знаю.

— Оно говорит, что подъем надо начинать на рассвете!.. Говорит или не говорит?..

— Говорит...

— Вот и хорошо. Какая там звезда удачу обещает?

— Полярная.

— Видишь ее?

— Нет.

— А ты получше посмотри.

— Не вижу.

— Да,— вздохнул архитектор.— Старый совсем. Пора, видно, уступить дорогу тем, кто позорче.

— Вижу! — вдруг закричал звездочет.— Честное слово, вижу...

— Ладно. Поверим на слово. Ну, пиши, раз видишь. Молодец! Теперь — подпись, число... Что ты мне бумагу суешь? Твоя подпись. Ты же гороскоп составлял...

Архитектор взял листок бумаги и вышел.

Этой же ночью звездочет поломал свой телескоп и ушел из дома. Больше мы его никогда не видели...

17. Большие перемены

В нашей жизни произошли перемены.

Марию-Луизу наградили орденом. Самым большим — «Орденом Удачника». Золотая лепешка на оранжевой ленте. На лепешке — изображение трехглавого орла, символа города Удачников, вокруг орла надпись: «Иначе вам удачи не видать». Это — с лицевой стороны. А с оборотной — холм со стоящим в полный рост Гулливером.

Мы очень веселились. Оказывается, Мария-Луиза совершила геройский поступок: перерубила канат, избавила город от ненавистного мэра... В мэре, оказывается, и была причина всех неудач.

Марию-Луизу поселили в доме для почетных жителей города. Сначала она не хотела переезжать, нам было хорошо и у звездочета. Но, когда за ней приехала карета, она прокатилась на ней, а потом в этом доме поела всяких вкусных вещей, вплоть до взбитых сливок. Не тех скисших сливок, которые продавались в киосках, а совсем других, легких и пушистых,— вот-вот улетят.

Она сказала:

— Знаешь, Вась... Все это, конечно, чушь собачья... Но жить так можно...

С тех пор мы не виделись. То есть я ее видел, а она меня — нет... Она проносилась верхом на серой лошади, чуть подпрыгивая в седле, далекая и красивая. Однажды мы встретились на опушке леса. В ответ на мои шутки она взглянула в упор зелеными глазищами:

— Эх, Вася... Ты многое недопонимаешь.

Я стал спорить, но она расхохоталась.

...Она хохочет надо мной, откинувшись в седле, шляпа скользит по тугим волосам, она подхватывает ее на лету, когда, кувыркнувшись и зачерпнув воздух, шляпа падает вниз, тяжелая и безнадежная...

18. Поднятие Гулливера

В городе между тем готовились к праздничной церемонии — поднятию Гулливера. Его очистили от ржавчины, надраили. Он лежал, новенький и блестящий, как юбилейный рубль, в переплетении тросов и канатов. И вот наступил долгожданный день...

С утра в городе звучала музыка.

Я шел по вымытым улочкам, мимо украшенных гирляндами домов, вверх, к холму Гулливера.

— Вась...

Я оглянулся.

Мария-Луиза, без ордена, совсем как раньше, стояла и смотрела на меня.

— Вась... Прости меня, дуру...

Все внутри у меня перевернулось. Мне захотелось обнять ее, такую родную, почти как маму...

— Да ладно тебе,— сказал я.

— Я от них ушла, Вась... Они такие дураки...

— Да ладно...

— Нет. Так нельзя. Уедем? А? Вась?

— Уедем...

Мимо нас бежали люди. Все торопились поближе к холму. Туда, где должна была состояться церемония...

— Не пойдем туда. Давай отсюда, Вась...

Мы встали рядом с будочкой газировщицы. Подъехал на лошади мушкетер, достал из кармана яблоко, разрезал кинжалом на дольки и стал тупо жевать. Остановился парень. Закурил трубку, помахал, разгоняя дым, и тоже уставился на холм.

Честно говоря, я больше смотрел на Марию-Луизу, а не на холм... Поэтому, когда раздался восторженный крик, я лишь мельком увидел, что Гулливер стал подниматься. Ноги его еще были на земле, а голова поднималась все выше. А я смотрел, смотрел. Снова все закричали... Гулливер твердо стоял на ногах... Неужели город действительно стал городом Удачников...

И вдруг... Лопнул бетон постамента, вздыбились камни... Гулливер стал медленно проседать... Сначала в землю ушли ботинки... затем — чулки... Вот он вошел в холм уже по колено...

Вопль ужаса пронесся над толпой. Огромная тысячетонная скульптура уходила в землю. Легко и свободно. Лукаво улыбаясь многотысячным зрителям. И не было никаких сомнений: еще несколько секунд, и земля навсегда скроет своего героя.

Но тут что-то произошло. Гулливер на мгновение застыл. Затем раздался грохот — Гулливер даже чуть подпрыгнул вверх, и вот из холма, из того места, куда уходили его ноги, вздыбился поток воды. Поток доходил Гулливеру до пояса и низвергался вниз, в пене и реве, все сметая на своем пути — фонари, газетные киоски, машины.

И вот он устремился на город.

Я так и не знаю, что произошло. Возможно, Гулливер своей тяжестью продавил водяной пласт и вода из водохранилища, расположенного выше, по закону сообщающихся сосудов хлынула вниз, на город...

Поток катил на нас, желтый, в лиловой пене. Как сейчас помню лошадь и телегу, кувыркающихся на гребне волны. Оглобли треснули, но звука не было слышно, в какой-то момент лошадь оседлала телегу, потом телега перевернулась, крутились колеса, но вот и они скрылись, а на их месте выпрыгнул из воды хомут...

Мария-Луиза метнулась к мушкетеру. Он тупо смотрел на происходящее и жевал яблоко.

— Надо открыть шлюз!

Я понял, что она имеет в виду. Если открыть шлюз и спустить воду, уровень понизится, и можно избежать катастрофы.

Это понял я. Но мушкетер продолжал жевать яблоко.

Мария-Луиза дернула его за сапог, он слетел с коня. Она вскочила в седло. И вот уже понеслась в сторону шлюза...

Больше я ее никогда не видел...

Через некоторое время нас всех накрыла волна... Всех... И тех, кто бежал... и тех, кто молча ожидал ее приближения.

19. Возвращение

...Когда я открыл глаза и вдохнул полной грудью — кругом было море. Я лежал на железнодорожной насыпи, отчаянно пахли шпалы...

На фоне неба в разные стороны торчали усы начальника станции. Увидев, что пришел в себя, он подмигнул:

— В вагон! Быстро!

В нескольких метрах от нас стояла электричка. Она давала тревожные гудки...

Я взглянул на город. Крыши домов, башни — все усеяно людьми... По воде плыли лодки, самодельные плоты... собаки...

— Где Мария-Луиза?!

— В вагон! Я кому сказал, в вагон?! В вагон! В вагон! В вагон, я сказал! Я сказал, в вагон!

— Нет!

— В вагон!!

Он свистнул в свисток.

Появились грузчики-негры.

Они схватили меня, скрутили и, несмотря на отчаянное сопротивление, потащили к электричке. Размахнулись и бросили, как мешок, в открытую дверь.

Подо мной застучали колеса, электричка тронулась...

Когда я подбежал к окну, по воде плясали солнечные блики. Не видно было ни города, ни крыш — одно огромное бесконечное море...

Стало темно, поезд вошел в туннель. Зажглись лампочки... Потом они погасли. Снова забрезжил свет... ярче... ярче... Мы выскочили из туннеля.

20. «Это подло, а потому неправильно»

Когда я вернулся домой, был уже поздний вечер.

— Где тебя носило? — спросил отец.— Нет чтоб попросить у отца и матери извинения, он еще нервы мотает. Мало без него забот...

— Садись ужинать,— сказала мать.— Бери колбасу, картошку...

Она повернулась к отцу.

— Хватит.

— Хватит так хватит,— сказал отец.— Тебе с ним мучиться.

В сахарнице лежали белые рафинадные кубики. Очевидно, соль из нее высыпали за время моего отсутствия.

Отец поймал мой взгляд, отвернулся и сказал:

— Вырастет, как дядя... коммивояжер!

И засмеялся собственной шутке, смысл которой я понял много лет позднее.

Он смеялся, а я в ту минуту поклялся: «Нет. Никогда я не стану коммивояжером. Лучше умереть. Погибну, но не буду. Никогда не буду коммивояжером...»

Я заплакал.

— Что это с ним? — перестал смеяться отец.

Я продолжал плакать.

— Что это с ним? — переспросил отец.

«Не буду коммивояжером. Нет... Умру, но не буду... Никогда... Это подло, а потому неправильно...»

21. Вот и все

Не знаю, зачем я сочинил эту историю. Ведь не было ничего. Ни города, ни холма Гулливера. Был только диван под обойным пятном, где так хорошо мечталось в детстве...

Я спускаюсь вниз, по Старосадскому переулку, где зимой буксовали «студебеккеры», выли от злости, но так и не могли взять крутизну московских подъемов, где после салютов валялись цветные пятачки от гильз, где носились мы на деревянных самокатах и «стукали» в нарисованные на стене футбольные ворота...

Здесь мало что изменилось со времен моего детства, вот только церквушки не прячутся за заборами, а сияют золотыми крестами. Да возвышаются над старенькими домиками огромные бетонные билдинги.

Мой дом заколочен. Окна без рам, вывороченные внутренности — капитальный ремонт.

Я иду к площади Ногина...

Навстречу мне бежит девчонка в модной шляпке. Она стреляет из-под полей шляпы зелеными глазами...

И я вспоминаю все... И дачный перрон с прогнившими досками, и смешного человечка в мотоциклетном седле, и город, и холм Гулливера...

И еще раз понимаю, что все это было! Было! А тот, кто не верит, может сам в этом убедиться. Для этого надо отправиться на вокзал, купить билет и поехать первым попавшимся поездом до станции «Неудачники».

...Она хохочет надо мной, откинувшись в седле, шляпа скользит по тугим волосам, она подхватывает ее на лету, когда, кувыркнувшись и зачерпнув воздух, шляпа падает вниз, тяжелая и безнадежная...

Помните, Ося Б. получил от деда Остапа Бендера толстую тетрадь?

Сегодня Ося знакомит вас с еще одним разделом в этой загадочной тетради.

Душа шахмат

Пешка — самая скромная боевая единица на шахматной доске. Настолько она кажется бесхитростной и беззащитной, что в обиходе слово «пешка» всегда носит явно обидный характер. Да, пешка в самом деле уступает в силе остальным фигурам. Тем не менее замечательный французский шахматист второй половины XVIII века Филидор утверждал, что «пешки — душа шахмат», и за двести с лишним лет спорить с ним никто не стал.

Во время игры к пешкам, этим самым слабым по номиналу, но почти всегда необходимым единицам шахматного войска, следует постоянно относиться с должным уважением и вниманием. Причем эта почтительность должна распространяться на все стадии шахматной партии.

Сами с усами

В дебюте у пешек очень много самых разнообразных задач — надо захватить центр, открыть дорогу своим фигурам, обеспечивая мобилизацию всех своих сил. Иными словами, здесь пешки играют вспомогательную роль. Но иногда только «эпизоды» на сцене их не устраивают. Вот пример, когда белые победили, играя лишь одними пешками.

Кюйот — Фашингбауэр, 1958 г.: 1. e4 c5 2. b4 cb 3. a3 Кc6 4. ab Кf6? 5. b5 Кb8 6. e5 Фc7 7. d4 (7. ef Фe5+ и 8... Ф:a1) 7... Кd5? 8. c4 Кb6 9. c5 Кd5 10. b6!

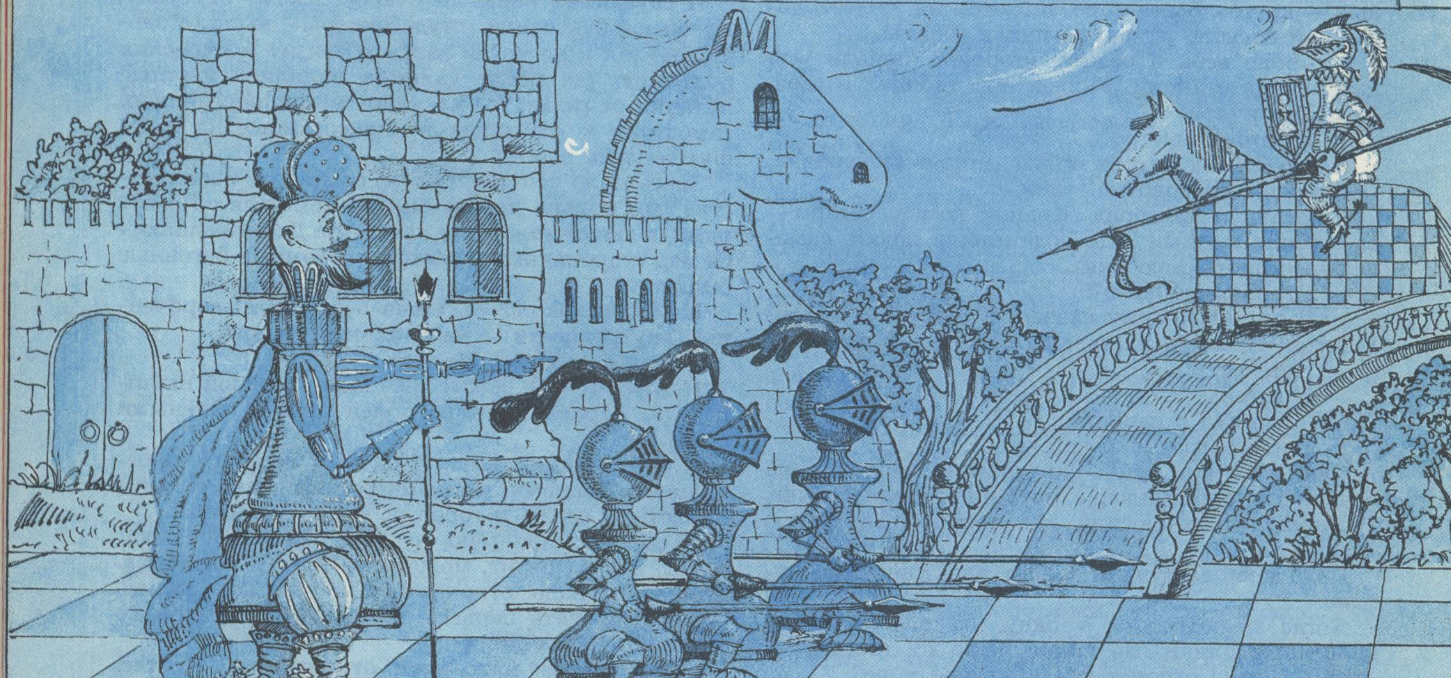
Диаграмма 1

Черные сдались и в принципе совершенно своевременно, так как после 10... Фd8 11. Л:a7 Л:a7 12. ba Фa5+ белые выигрывают с помощью удивительно красивого ответа — 13. Кc3!! Теперь в случае 13... Ф:c3+ 14. Cd2 белая пешка «а» становится ферзем, а если 13... К:c3, то 14. abФ К:d1+ 15. Cd2 Фd8 16. Кр:d1, и у белых лишняя фигура.

Эффектный пример! Однако не стоит в каждой партии надеяться повторить такой штурм пешек. В данном случае лишь конкретные ошибки черных, отмеченные вопросительными знаками, позволили фигурам белых до самого финала красочно оставаться на своих местах.

Необыкновенное свойство

Пешка обладает несколькими отличающими ее от других фигур качествами. Самое главное среди них — способность мгновенно увеличить свою силу: при прорыве на последнюю горизонталь

пешка может превратиться в любую фигуру своего цвета.

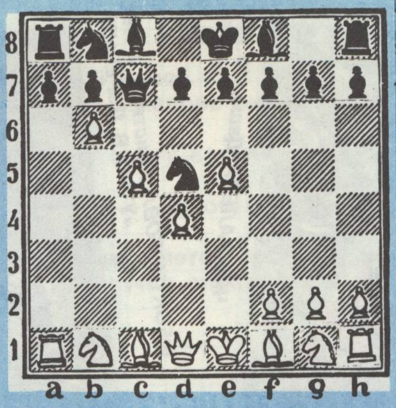
Начнем с дебюта, когда на первый взгляд все дороги пешкам наглухо перекрыты. Все же имеется немало случаев, когда уже в первой стадии шахматной партии исход борьбы решает какая-нибудь одна проворная пешка.

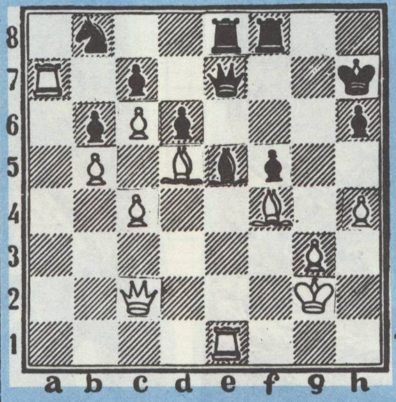
ШУСТЕР — КАРЛЬС
Защита Каро — Канн
Бремен, 1914 г.

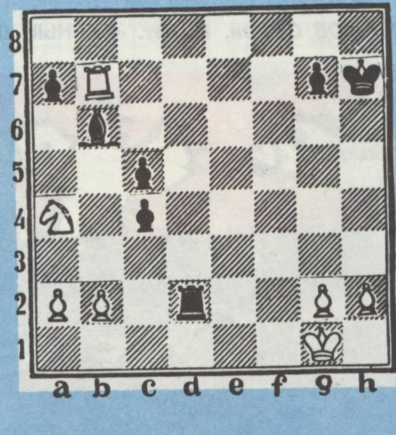
1. e4 c6 2. d4 d5 3. Kc3 de 4. K:e4 Kf6 5. Kg3 h5 6. Cg5 h4 7. C:f6? Единственная и решающая ошибка белых в этой партии. Следовало играть 7. K3e2. Теперь черная пешка делает великолепную карьеру.

7... hg! 8. Ce5 Л:h2! 9. Л:h2 Фa5+ 10. c3. Очень важный момент: на 10. Фd2 надо играть не 10... Ф:e5+ 11. de gh 12. Kf3 h1Ф 13. 0-0-0 с опасной атакой у белых, а просто 10... gf+. В этом варианте пешка резко меняет свой маршрут, и только это обеспечивает черным победу.

10... Ф:e5+! 11. de gh. Белые сдались.

Диаграмма 1

Диаграмма 2

Диаграмма 3

Среди миниатюр на «пешечную» тему несколько раз в турнирной практике даже опытных шахматистов встречалась такая: 1. d4 d5 2. c4 c6 3. Kf3 Kf6 4. e3 Cf5 5. Фb3 Фb6 6. cd Ф:b3 7. ab C:b1? 8. dc.

Теперь напрашивается 8... Ce4, уводя слона и защищая пешку b7. Однако в ответ на это белые имеют эффектный вариант с жертвой ладьи — 9. Л:a7 Л:a7 10. c7, и поскольку черная ладья отвлечена с восьмой горизонтали, белая пешка беспрепятственно проскальзывает вперед.

В середине игры число «пешечных» комбинаций резко возрастает. Можно было бы привести сотни красивых комбинаций, в которых после самых разнообразных жертв пешки прорываются вперед. Сейчас мы ограничимся лишь одной. Интересна она еще и тем, что провел ее первый русский чемпион мира Александр Алехин в сеансе одновременной игры, причем вслепую, 1926 г.

Диаграмма 2

1. c5! (прорыв белых пешек основан на связке черного слона e5) 1... bc 2. b6 Лc8 3. Фc3! Лfe8 4. C:e5 de 5. Ф:e5 Ф:e5 6. Л:e5 Л:e5 7. Л:c7 + Л:c7 8. bc Лe8 9. cbФ Л:b8.

Все это было форсированно, и сейчас кажется, что у черных все в порядке (на 10. c7 следует 10... Лc8). Однако даже «вслепую» А. Алехин издалека, за 10 ходов, шел именно на эту позицию. Он заготовил изящный маневр 10. Ce6, после чего белая пешка беспрепятственно проходит вперед и черные должны отдать за нее свою последнюю ладью.

Многие шахматные партии развиваются примерно по такому сценарию: кто-нибудь из соперников выигрывает, скажем, пешку, затем на доске происходят размены, и в эндшпиле лишняя пешка произносит свое уже решающее слово — она становится ферзем, причем чаще всего без всяких жертв.

Но встречаются эпизоды, когда пешка, кажется, должна позабыть о «маршальском жезле», когда на ее пути стоят на первый взгляд непреодолимые преграды.

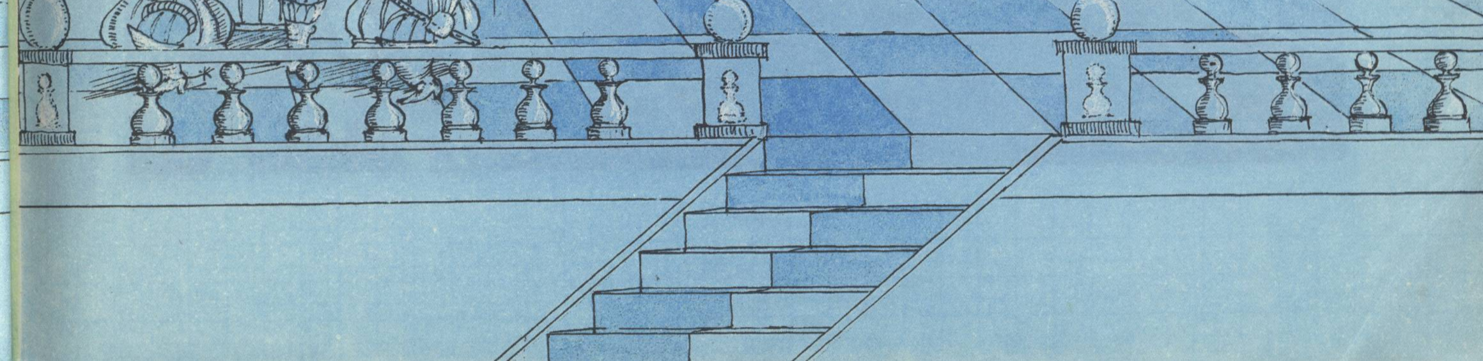
Ортуэта — Санц
Мадрид, 1934 г.
Диаграмма 3

1... Л:b2! 2. K:b2 c3. Если теперь 3. Kd3, то 3... c4+ 4. Л:b6 cd, и черные пешки, «взявшись за руки», прорываются на первую горизонталь. Однако и белые понимают это.

3. Л:b6 c4!! В случае 3... ab следует 4. Kd3, сейчас же у белого коня нет этого поля, а грозит 4... c2, что последует и на 4. K:c4.

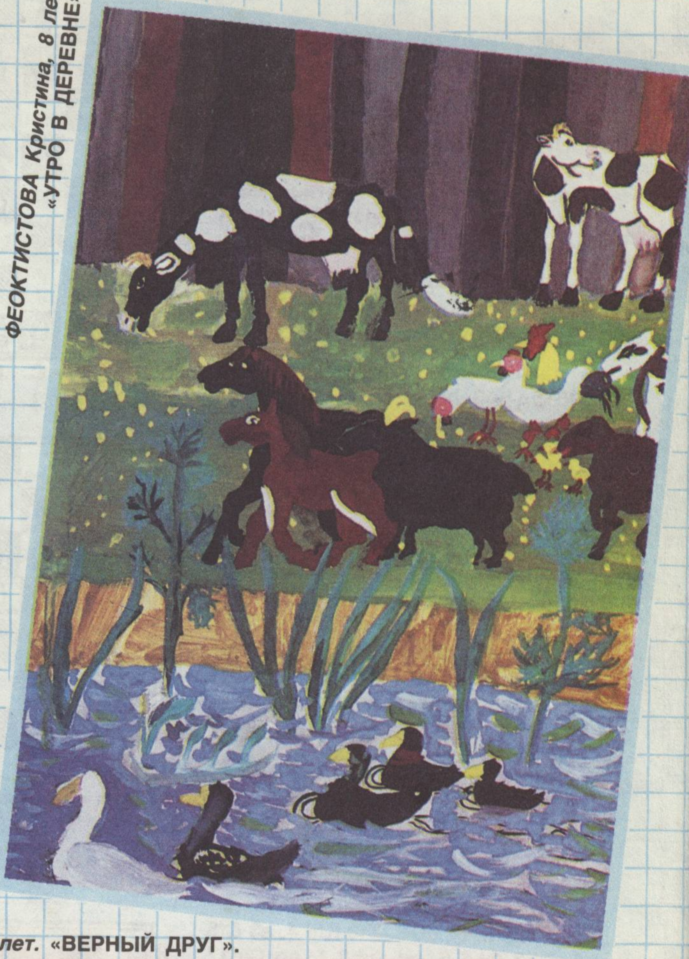
4. Лb4 a5!! Удивительное положение! Дружные пехотинцы отлично справляются и с артиллерией (ладья), и с конницей: 5. Лb7 c2; 5. Л:c4 cb. Белые сыграли 5. Ka4, но после простого 5... ab им пришлось сдаться. Черная пешка становится неудержимой...

ЧМЫХАЛЕВА Даша, 10 лет. «КОТ».

ФЕОКТИСТОВА Кристина, 8 лет. «УТРО В ДЕРЕВНЕ».

КОЛОСКОВ Сергей, 10 лет. «ВЕРНЫЙ ДРУГ».

Зимой ей исполнилось девять.
В начале лета она перешла в пятый класс.
На Пушкинском празднике поэзии в Захарове она была полноправным участником.
Детский фонд имени Ленина издает книгу ее стихов.
Она сочиняет песни, она рисует...
Не слишком ли много для одного — не очень еще большого — человека?
Наверное, нет, если сам человек справляется со своей ношей.
А Вика ИВЧЕНКО справляется, и отлично справляется.
Судите сами.

Молитва

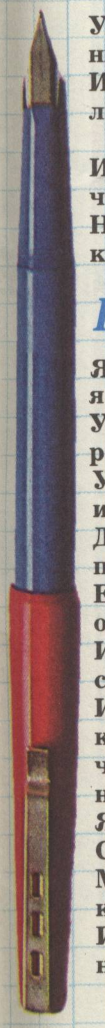
Я об одном Всевышнего молю:
храни людей, которых я люблю!
Не обездоль! И не состарь их лица!
Пусть я уеду в дальнюю столицу,
забуду зло, запомню доброту,
осуществлю прекрасную мечту.
Но ведь никто из них не повторится!
Как возвращу я им добро сторицей?
Храни, Господь, людей, которых чту!

Костры

Абхазцы, легкие с руки,
на море жарят шашлыки.
И теплится огонь в мангалах.
Я на него смотреть не стала.

Уже давно на Украине
никто в лесах костры не жжет.
И в киевских лесах отныне
лишь радиация живет.

И ездим мы в Пущу-Водицу,
чтоб погрустить и простудиться.
На сердце вечная печаль —
как родину мою мне жаль.

Щенята

Я отбросила в сторону книжки,
я тащу со стола все подряд.
У хозяйской собаки Малышки
родилось двое чудных щенят.
У сыночка — огромные лапы,
и походкой похож он на папу.
Дочка машет хвостом и ушами,
подражая заботливой маме.
Если кто-то подходит открыто,
оба прячутся сразу в корыто.
И скулят две щенячьи глотки,
словно два утопающих в лодке!
Их обоих, таких непохожих,
каждый день мама учит уму,
чтобы знали своих и прохожих,
не доверили сад никому.
Я одна нарушаю порядок.
Смело я прохожу мимо грядок.
Мне навстречу семеечка скачет,
каждый хвостик от счастья — в кольцо.
И шершавый язык собачий
норовит облизать мне лицо.

Музыка Баха

В старинном костеле —
огромный орган.
В огромном органе
живет ураган.

Он стонет и плачет,
срываясь на крик.
Он — радостный мальчик.
Он — грустный старик.

В нем слезы печали
и смерть на бегу...

Нет, я в этом зале
сидеть не могу.

«Подарочек»

Я мечтала о подарке,
о породистой овчарке,
и счастливая рука
подарила мне щенка.
Каждый день щеночек Крокки
учит трудные уроки.
Для нее я — царь и бог,
я — щенячий педагог.
Кто в квартире ночью плакал?
Грозный сторож наш, собака!
Кто украл у мамы тапки?
Крокки мерила на лапки.
Снова лужа на дорожке?
Это Крокки, наша крошка.
А вчера после урока
растерзала томик Блока.
Где обложка? Где начало?
Видно, рифмы изучала...
Пополам делю я с Крокки
огорченья и упреки.
В полночь все в квартире встали —
шла собака по роялю.
Но, как только скрипнет дверь,
сразу прячется наш зверь.
Я шепчу ей под диваном:
«Ты ж овчарка! Ты — охрана!»
Мама плачется подругам:
«Подарили дочке друга.
В результате же пока
стало в доме два щенка!»

Изящный и хитрый в русской земле живописец

Леонид ЯХНИН

Имя и дело

Древних писателей и живописцев окружает тайна. Мы знаем их великие произведения, но порой не ведаем имен. Остался безымянным автор «Слова о полку Игореве». Имя великого русского живописца Дионисия до нас дошло. Но скудны сведения о нем самом. Существует легенда, что он вышел из княжеского рода. Но как случилось, что человек знатного происхождения стал живописцем, чего на Руси доселе не водилось? Необъяснимо.

Ходил он по монастырям, расписывал храмы, писал иконы. Сначала подмастерьем у знатного иконника Митрофана. А после и своей артелью с двумя сыновьями, Феодосием и Владимиром, да со старцем Паисием, да с двумя подмастерьями, Досифеем и Вассианом.

Бывал Дионисий и в Москве, писал иконы в главный русский храм — Успенский собор Кремля — вместе с Тимофеем, Ярцом и Коней. Восхищенные современники говорили: «Иже и написаша чудно вельми». И сравнивали Дионисия с самим Андреем Рублевым. Автор жития Дионисия Савва Черный назвал его «изящным и хитрым», то есть искусным.

На закате жизни, около 1500 года, пришел Дионисий в Ферапонтов монастырь, что под городом Кирилловом. Это и была его последняя работа — фрески собора Рождества Богородицы.

Гений под микроскопом

Загадка Дионисия не только его жизнь и биография. До сих пор ищут секрет его удивительных красок, многообразия оттенков и чудного колорита написанных им фресок.

Необыкновенный белый цвет, тонкие оттенки фиолетового, розового, желтого, зеленого и особенно голубой, лазурный фон почти всех фресок Дионисия отличаются по нежности и колористическому единству, по своей мягкой золотисто-голубой гамме, пожалуй, от всей известной нам древней русской живописи.

Средневековые живописцы имели в своем распоряжении очень ограниченный набор красок, добытых из минералов. Белые — мел или гипс. Красные — киноварь, свинцовый сурик. Синие — ультрамарин, индиго. Желтые — охра. Зеленые — растертый малахит или ярь-медянка. Черные — древесный уголь, жженая кость и даже пережженные виноградные косточки.

Откуда же такое богатство красок у Дионисия? В 1923 году художник Н. Чернышев высказал предположение, что краски Дионисий приготовливал из разных по цвету галек, которые в изобилии встречаются по берегам близлежащих озер.

В наши дни в Институте лигосферы АН СССР сделан тщательный анализ красок Дионисия. Самые новейшие способы вплоть до молекулярного исследования под электронным микроскопом и составления рентгенограмм использовали ученые. Оказалось, что никаких особых красителей Дионисий не употреблял. И ученые пришли к единственно правильному выводу: «Многообразие оттенков росписей связано не с количеством пигментов, а с богатством технических приемов».

Иными словами, эту удивительную симфонию цвета создал гений художника.

В лето 7003

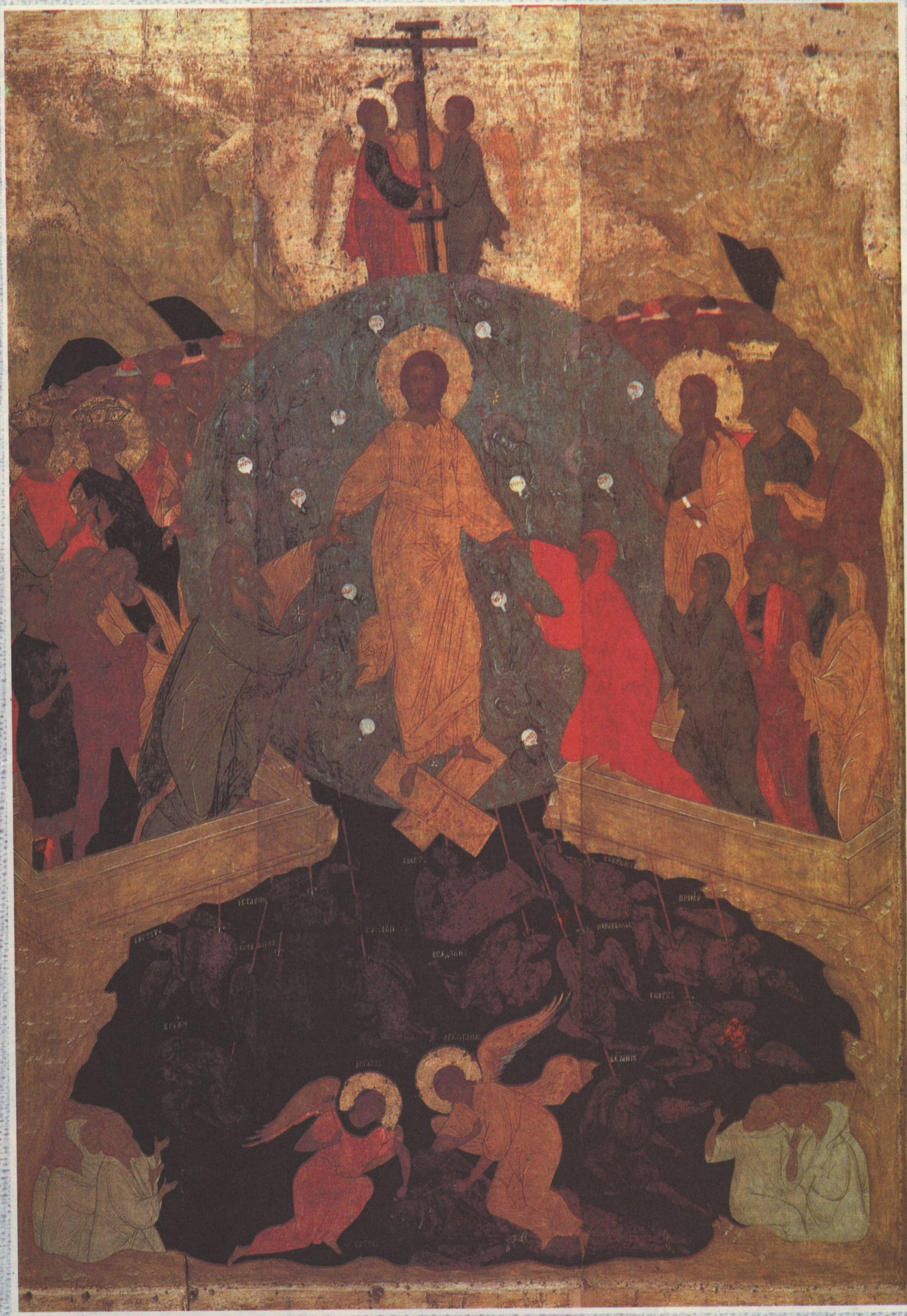
Иконописцы чаще всего сами были монахами. Считалось, что лишь святость помогает написать проникновенно и возвышенно икону или фреску храма. Дионисий монахом не был. Он и пост не всегда соблюдал, что почиталось грехом великим. Однажды принес в обитель «ходило агнче с яицы учинено», а попросту зажаренную в яйцах баранью ногу. По этому поводу игумен Пафнутий даже ударил в монастырский колокол, но художника простил.

Неспроста я упомянул баранью ногу. Неканоническое мышление Дионисия сказалось и на его живописи. От церковной догматики, от ее фанатичности он идет к более человеческому восприятию всего земного, противопоставляет догмату духовности мирскую одухотворенность. И не случайно творчество Дионисия совпало с общим подъемом русской национальной культуры.

Созданные Дионисием на склоне жизни фрески Ферапонтова монастыря — выдающийся памятник древнерусской стенописи (фрески пишутся по свежей, мокрой штукатурке стены). Все необычно в этих библейских картинах. И непривычная детализация одежды, предметов обихода, архитектуры, и тонкая, неуловимо-нежная цветовая гамма, и рисунок фигур, их гибкие, тянутые пропорции. Светлое изящество фресок Дионисия так явно контрастирует с привычной суровой аскетичностью и отрешенностью в работах предшествующих живописцев, что его можно считать предвозвестником светской, нецерковной живописи в русском искусстве.

Над северным выходом из собора известью по лазури фона выведена надпись: «В лето 7003 месяца августа в 6 день... начата бысть подписывати церковь а кончана на 2 лето месяца сентявреа в 8 день... а писци Деонисие со своими чады».

За два года — 1495—1496 — создал Дионисий со своими сыновьями это чудо в Ферапонтове. В 1508 году сыновья его работали уже сами. Вероятно, к этому времени великого художника не стало. Но до сего дня мировая живопись испытывает влияние творчества Дионисия, древнерусских фресок и икон.

Дионисий. «СОШЕСТВИЕ ВО АД».

Станислав РОМАНОВСКИЙ

СКРИЖАЛИ

Одна из самых древних, мудрых и читаемых книг — Библия.

Без знания Библии нельзя понять Шекспира и Пушкина, Гете и Толстого, Рублева и Рафаэля, Моцарта и Рахманинова. Одним словом, без изучения Библии нельзя стать культурным человеком.

Книга эта создавалась в течение многих веков древними евреями, народами Ближнего Востока и Средиземноморья. Драгоценный опыт народной мудрости заключен в Библии, и он помогал людям выжить тысячи лет назад и помогает жить сегодня.

Пересказать Библию невозможно, ее надо читать — медленно, по фразе, по слову. В ней — множество событий, советов, притчей, преданий...

Так, в Библии рассказывается, как Бог спустился с неба к людям и вручил их вождю Моисею две скрижали — две каменные доски. На них были начертаны десять заповедей, то есть десять наказов людям.

Вот они:

ПЕРВАЯ СКРИЖАЛЬ

1. Я Господь Бог твой. Да не будет у тебя других богов, кроме Меня.
2. Не сотвори себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли, не поклоняйся им и не служи им.
3. Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно.
4. Помни день субботний, чтобы святить его: шесть дней работай и делай в них всякие дела твои, а день седьмой, суббота, Господу Богу твоему.

ВТОРАЯ СКРИЖАЛЬ

5. Почитай отца твоего и матерь твою, чтобы тебе было хорошо, и чтобы продлились дни твои на земле.
6. Не убивай.
7. Не прелюбодействуй.
8. Не кради.
9. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.
10. Не желай жены ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его, ничего, что у ближнего твоего.

Многие из вас, ребята, прочитав эти заповеди, удивятся:

— Что же тут такого особенного?

Найдутся и остряки:

— Ой, не могу! «...Ни вола его, ни осла его...» Осла-аа! Ха-ха-ха!

Не спешите смеяться вместе с ними. Привыкайте к старинному поэтическому слогу... и задумайтесь над тем, почему в миллионах семей родители передают библейские заповеди детям как самый сокровенный клад? Разве не было других заповедей?

Было, не сосчитать сколько, да каких грозных. Например: «Если враг не сдается, его уничтожают».

Но они прожили сравнительно недолго. А библейские заповеди остались, живут. Почему? Скороговоркой ответить на этот вопрос нельзя, и по договоренности с редакцией «Пионера» я подробно расскажу вам, ребята, о каждой из 10 заповедей в 10 номерах журнала.

Начнем?

Итак, заповедь первая.

«Я Господь Бог твой. Да не будет у тебя других богов, кроме Меня».

Кто он — Господь Бог?

Дедушка с белой бородой, сидящий на облаках?

Но сегодня и верующие, и неверующие знают, что на облаках никакого дедушки нет. А мо-

жет быть, выше?

Среди моих друзей есть космонавты; я показывал им в Третьяковке иконы Рублева и Дионисия и спрашивал:

— Не встречали ли вы в космосе что-либо похожее? Вспомните хорошенько.

— Встречали,— говорят космонавты.— Краски в космосе такие же, как у Рублева. Сияют! Лазоревые. Зеленые. Золотые. Красные... Всякие. Подлинно иконописные краски. А вот Господа Бога — извините! — видеть не приходилось.

— Что же делать? — спросите вы.— Кто он — Господь Бог?

По христианскому вероучению Бог — это Троица, Единая в Трех Лицах: Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой.

Может ли кто-либо быть единым в трех лицах? Конечно. Так, один мой знакомый:

а) прекрасный семьянин;
б) прекрасный врач;
в) прекрасный цветовод.

Да разве один он такой?

Едва ли не большинство людей обладают несколькими незаурядными качествами — лицами! А ведь все люди, по Библии, созданы по образу и подобию Бога, Единого в Трех Лицах. Так можно ли увидеть Бога, хоть глазком взглянуть на него?

Можно.

Перед нами икона великого живописца Андрея Рублева (годы жизни: 1360—1430) из Третьяковской галереи, написанная природными красками на липяных досках в начале XV века. Называется она «Спас».

Это — одно из имен Господа Бога, Бога Сына. Спас — то есть Спаситель, защитник человека. Это по-русски. А по-гречески — Иисус. Рядом с именем «Иисус» в Библии стоит слово «Христос», что обозначает: мессия, посланник Божий, Человек, призванный спасти людей.

Иисус Христос.
Спас.

Бог, то есть высшее существо, наделенное бессмертием, в облике человека.

У него русые волосы, сильная открытая шея, широко поставленные глаза, какие бывают у людей, живущих в раздольной местности. Взгляд этих глаз доброжелателен и мудр. Он не отталкивает, а приближает к себе и мягкой, и мудрой уверенностью вселяет в человека веру в свои силы и возможности.

В Библии, в Новом завете, сказано:

— Бог есть любовь.

И русоволосый рублевский Спас — это воплощение любви к людям, старым и малым, сильным и слабым. Он не вознесен над людьми, но приближен к ним, и есть предположение, что здесь Рублев изобразил своего учителя, собирателя и защитника земли русской Сергия Радонежского.

Перед нами Человек, в котором воплощены лучшие человеческие качества: любовь ко всему живому и сущему, доброта, милосердие, мудрость, духовное и физическое совершенство.

И первая заповедь предлагает каждому считать идеалом такого Человека и воплощать в себе его черты.

Нашим идеалом не должен быть человек, у которого преобладают противоположные качества: жестокость, злоба, ненависть, ограниченность.

...Так где же живет Бог?

Думаю, что теперь вы сами ответите на этот вопрос.

— Бог, то есть любовь, доброта, мудрость, живет в каждом человеке. В одном Его больше, в другом — меньше.

Чем больше в человеке добра и света, тем осмысленнее и полезнее его жизнь для себя и для других, тем чище вода и жирнее рыба в реках и озерах, обильнее хлеба, слаще яблоки, синее и выше небо. Тем меньше болезней и насилия.

Вот почему человечество как зеницу ока хранит заповеди Добра и отвергает наказы Зла вроде приведенного выше: «Если враг не сдается — его уничтожают».

А может быть, не стоит спешить уничтожать врага и попытаться достучаться до его сердца? Ведь он тоже человек и, возможно, в нем еще живет Бог, то есть в нем еще не умер Человек, Человеческое, Человечное?

— Бог живет вечно, а человек смертен,— говорит Библия.

Да, отдельный человек смертен; но человечество бессмертно; оно никогда не умрет с идеалами Добра и Красоты.

И в этом смысле Человек, носитель этих идеалов, бессмертен подобно Богу.

...Наша первая беседа подошла к концу. Предвижу вопросы, и среди них такой:

— Почему в космосе — краски иконописца Андрея Рублева?

На него я отвечу в свой срок.

ЧИТАЙ В ИЮЛЕ:
Продолжение повести Николая Федорова «Тучков мост», отрывок из повести Лидии Чарской, очередные выпуски рубрик «Переходный возраст», «Формула бега», «Узел связи».

Сдано в набор 04.04.90.
Подписано к печати 19.04.90. А 00274.
Формат 60×84⅛. Бумага офсетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44.
Усл. кр.-отт. 31,16. Учетно-изд. л. 9,00.
Тираж 1 820 000 экз. Заказ № 2161.
Цена 30 коп.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП,
ул. «Правды», 24.

30 коп. Индекс 70694.

УЗЕЛ СВЯЗИ

СТРАШНАЯ-НЕСТРАШНАЯ ПОВЕСТЬ

Друзья!

К нам поступило немало писем и телефонных звонков по поводу одной повести, напечатанной недавно в «Пионере». Думаем, вы догадались, о чем идет речь. Да, да, именно о «Страшной повести для бесстрашных школьников» Эдуарда Успенского. Ну и наделали же шуму Красная Рука, Черная Простыня, Зеленые Пальцы и др. Мы и не ожидали от них такой прыти. Взяли да и напугали некоторых наших читателей. А в придачу еще и их бабушек. И вот бабушки берут бумагу, ручку, телефонную трубку и... «Как вы могли напечатать такое?» — «Вы что, за модой гонитесь? По видео ужасы, и у вас тоже ужасы!» — «Внучка во сне вскрикивает».— «Внук один в комнате не остается, не спит».— «Водили даже к врачу. Еле успокоили».— «В школе все только и говорят о Красной Руке. На переменках друг друга пугают».— «А что будет в пионерском лагере?» Вожатым житья после отбоя не дадут».

Длинное письмо можно составить из подобных цитат. И взяты они из писем, которые приносит наша почта.

Дважды по радио Эдуард Успенский пытался объясниться с теми ребятами, кому страшно, ну и, конечно, с бабушками. Однако письма продолжали идти, звонки не утихали. Произведение теперь уже напечатано полностью, страстей поубавилось, но они еще нет-нет да и пробиваются. Поэтому давайте поговорим, точнее, порассуждаем о повести еще разок. Может быть, все и встанет на свои места.

«Страшная повесть»... А такая ли уж она страшная? Чтобы ответить на вопрос, давайте вспомним для начала о сказках. Возьмем самые известные. «Красная Шапочка» Шарля Перро и «Мальчик-с-пальчик» братьев Гримм — разве не страшные сказки? Посмотрите, и в одной, и в другой дети только чудом избегают волчьих зубов. А «Синяя Борода» того же Ш. Перро? Ну чем не сюжет для фильма ужасов? Теперь вспомним русские народные сказки. Разве не страшно, когда летит Змей-Горыныч, ужасная злобная образина, пожирающая людей! Правда, змей всегда в конце концов бывает побежден добрым богатырем. Но сначала-то все равно страшно! А жуткие и кровожадные дивы из восточных сказок? Диву даешься, какие это все страшные сказки. Тот, кто читал знаменитые «Вечера на хуторе близ Диканьки» великого классика русской и мировой литературы Н. В. Гоголя, наверняка помнит, как душа у него порой уходила в пятки при чтении этой книги. Один Вий, да еще панночка, летающая по церкви ночью в гробу, чего стоят!

Ну что, неужели «Красная Рука» страшнее тех вещей, о которых мы с вами вспомнили? А еще о скольких не вспомнили! Ларчик здесь просто открывается: все это классика, много раз всеми прочитанная, к ней привыкли, и она не пугает. Ей-Богу, «Страшная повесть» не страшнее этих известных сказок. Тем более в конце повести выясняется: жуткие монстры и уголовные преступления, совершенные ими, всего лишь плод фантазии того человека, у которого воображение очень богатое (это само по себе хорошо), да плюс имеется один недуг — трусоватость (а это уже совсем никуда не годится)...

Теперь поговорим вот о чем. Как и в сказках, в «Страшной повести» нет ничего выдуманного автором. Как и в сказках, все здесь основывается на фольклоре — народном творчестве. Только в нашем случае это, так сказать, «детское народное творчество». Представьте пионерский лагерь после отбоя. Свет погашен, вожатый ушел, спать еще неохота. И начинаются разговоры. О чем говорят? Да вот очень часто о том самом: о Стеклянной Кукле, о Желтом Чемоданчике, о Черной Простыне, о Гробе на Колесиках... Ведь как появилась повесть? Писатель через «Пионерскую зорьку» обратился к ребятам с просьбой прислать ему разные страшные истории, которые или придумали сами ребята, или услышали от друзей и передают теперь из уст в уста. Радиослушатели с готовностью откликнулись. Пришел не один мешок писем, и все письма жутковатого содержания, и все от пионеров. Вот из этих-то писем, из этих-то историй и сложилась у Эдуарда Успенского «Страшная повесть». Так что все «леденящие кровь» случаи давно были известны пионерам нашей страны, и если для кого-то повесть и стала неожиданностью, то только не для них. «Жертвами», как мы уже говорили, стали в основном бабушки.

Ребята из юнкоровского кружка Московского дворца пионеров никак не могли дождаться, когда же выйдет продолжение «Страшной повести». Они и не стали ждать следующих журналов и в нетерпении написали свой вариант концовки. Получилось здорово, пародийно и весело. Юнкоры из Москвы поняли, что в основе «Страшной повести» — юмор, шутка, пародия. Справедливости ради скажем, что тех, кто ни капельки не испугался, а весело посмеялся над повестью-шуткой, подавляющее большинство. Среди таких ребят — постоянные читатели и авторы рубрики «В треугольнике НЛО». Кстати, спасибо вам, друзья, за письма.

И еще вот о чем. Нет ничего удивительного, что кое-кто нашел страшное там, где страшного никогда и не было, и испугался. Не у всех же есть чувство юмора и умение читать скрытое между строк. Хуже то, что взрослые не смогли помочь этим ребятам разобраться в произведении, увидеть спрятанную в повести улыбку, а сразу взялись за перо, за телефон и... Впрочем, это вы уже знаете.

Давайте учиться читать так, чтобы понимать прочитанное, постигать то, что заложено автором в произведение, а не просто тупо глотать буквы и слова.

Теперь остается сказать тем, кто испугался: «Если хотите бояться, то бойтесь чего-нибудь действительно страшного!»

И последнее. Обращаемся ко всем, кто читал «Красную Руку». Напишите нам, что вы думаете и о повести, и о сегодняшнем разговоре. На конверте пометьте «СТРАШНАЯ-НЕСТРАШНАЯ ПОВЕСТЬ».

Отдел литературы и искусства

ISSN 0130—8009. Пионер. 1990. № 6. 1—64.